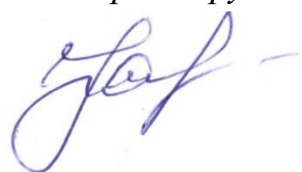

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»**

На правах рукописи

БАВУЛА Юлия Ивановна

**ЭВОЛЮЦИЯ ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ КАК ЭКСПЛИКАТОРОВ
МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук
Н.А. Пробст

Калининград

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Глаголы мышления в русле изучения	
категории модальности	14
§ 1. Основные принципы систематизации глагольной лексики.....	14
1.1. Глаголы мышления в лексической системе русского языка.....	19
1.2. Состав и границы лексико-семантической группы	
глаголов мышления.....	24
§ 2. Категория модальности как объект лингвистического анализа	33
2.1. Ситуативная модальность как компонент макрополя	
категории модальности.....	37
2.1.1. Модальное значение возможности.....	40
2.1.2. Модальное значение необходимости.....	42
2.1.3. Модальное значение желательности	44
2.1.4. Модальное значение намерения.....	48
§ 3. Глагол как лексическое средство выражения	
категории модальности	51
Выводы.....	57
Глава II. Модальная специфика глагола <i>думать</i> и его	
префиксальных дериватов на разных этапах развития	
русского языка	60
§ 1. Вопросы периодизации русского языка	60
§ 2. Модальная специфика глагола <i>думати</i> в текстах	
XI – середины XIV вв.	65
2.1. Глагол <i>думати</i> как экспликатор модальных значений.....	65
2.2. Модальное функционирование глаголов	
<i>сдумати (здумати, съдумати)</i>	70
2.3. Модальное функционирование глаголов <i>подумати, удумати</i>	
<i>(вдумати), задумати</i>	76

§ 3. Модальная специфика глагола <i>думати</i> в текстах конца XIV – середины XVII вв.	83
3.1. Глагол <i>думати</i> как экспликатор модальных значений.....	83
3.2. Модальное функционирование глаголов <i>сдумати</i> (<i>здумати, съдумати</i>)	87
3.3. Модальное функционирование глаголов <i>придумати, удумати</i> ...	90
§ 4. Модальная специфика глагола <i>думать</i> в текстах конца XVII – конца XX вв.	95
4.1. Глагол <i>думать</i> как экспликатор модальных значений.....	95
4.2. Модальное функционирование глаголов <i>задумать, надумать,</i> <i>подумать, удумать, вздумать</i>	104
4.3. Модальное функционирование глаголов <i>раздумать,</i> <i>передумать, отдумать</i>	129
4.4. Модальное функционирование глаголов <i>придумать,</i> <i>выдумать, надумать</i>	138
Выводы.....	150
Глава III. Модальная специфика глагола <i>мыслить</i> и его префиксальных дериватов на разных этапах развития русского языка.....	154
§ 1. Модальная специфика глагола <i>мыслити</i> в текстах XI – середины XIV вв.	154
1.1. Глагол <i>мыслити</i> как экспликатор модальных значений.....	154
1.2. Модальное функционирование глаголов <i>помыслити,</i> <i>умыслити, замыслити</i>	160
1.3. Модальное функционирование глаголов <i>възмыслити,</i> <i>домыслити, смыслити</i>	175
§ 2. Модальная специфика глагола <i>мыслити</i> в текстах конца XIV – середины XVII вв.	180
2.1. Глагол <i>мыслити</i> как экспликатор модальных значений.....	180

2.2. Модальное функционирование глаголов <i>умыслить, помыслить, замыслить</i>	184
2.3. Модальное функционирование глаголов <i>возмыслить, домыслить, смыслить, обмыслить, примыслить</i>	196
§ 3. Модальная специфика глагола <i>мыслить</i> в текстах конца XVII – конца XX вв.	203
3.1. Глагол <i>мыслить</i> как экспликатор модальных значений.....	204
3.2. Модальное функционирование глаголов <i>помыслить, замыслить, умыслить</i>	208
3.3. Модальное функционирование глаголов <i>измыслить, намыслить, примыслить</i>	228
Выводы.....	231
Заключение	235
Библиография	240
Приложения	269

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена изучению глаголов мышления с точки зрения их способности эксплицировать модальные значения, а также описанию эволюции их модального функционирования в русском языке в обширной диахронической перспективе.

Выбор темы исследования продиктован рядом причин.

Ведущим принципом организации современных лингвистических исследований является их выполнение в русле антропоцентрической парадигмы, ориентированной в первую очередь на изучение лингвистической компетенции, языковой способности, знаний о мире (бытии), зафиксированных в языке. Антропоцентрический принцип детерминирует изучение широкого круга различных явлений языка в непосредственной связи с человеком, а именно, – с его духовно-практической деятельностью, сознанием, мышлением, выражением модального отношения к действительности, к содержанию высказывания, которые репрезентируются разнообразными языковыми средствами, в числе которых находятся глаголы мышления.

Лексическими репрезентантами различных аспектов мыслительного процесса выступают глаголы мышления, которые составляют ядро любого национального языка. Они отображают разные стороны интеллектуальной деятельности человека и характеризуются высокой степенью психологичности. При этом «многообразность ракурсов и связей действий, обозначаемых глаголами» рассматриваемого лексического объединения [Морослин 2001: 107], обусловлена потенциальностью их содержательного плана, представляющего, по мнению Н.Б. Лебедевой, «полиситуативный, полисобытийный, полипропозициональный комплекс, видение динамического фрагмента мира как смену ситуаций» [Лебедева 2010: 22 – 23]. Вышесказанное объясняет способность глаголов мышления реализовывать модальную функцию в зависимости от перспективы высказывания, а также

объясняет закономерный и устойчивый интерес лингвистов к изучению глаголов мышления, в том числе в качестве модальных модификаторов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими факторами: 1) значимостью глаголов мышления как фундаментальных лексических единиц русского языка, характеризующихся широким охватом обозначений различного рода ментальных действий и состояний; 2) недостаточной изученностью глаголов мышления в качестве экспликаторов модальных значений; 3) отсутствием специальных исследований, посвящённых изучению глаголов мышления как лексических средств выражения ситуативной модальности в русском языке в диахронической перспективе; 4) недостаточной изученностью вопроса влияния словообразовательных формантов (в частности, префиксов) на формирование модального значения дериватов глаголов мышления; 5) необходимостью всестороннего изучения всего спектра модальных значений у глаголов мышления, в том числе для более глубокого понимания модальной перспективы высказывания.

Разработанность темы исследования

Проблема употребления глаголов мышления в русском языке в качестве модальных модификаторов затрагивалась в ряде научных трудов [Васильев 1970, 1971, 1981, 2006; Арутюнова 1980, 1989; Хинтиikka 1980; Дмитриевская 1985, 2003; Ваулина 1988, 1993, 2008, 2023; Чернова 1996, 2008; Морослин 2001; Дронова 2006; Гуднов 2013 и др.]. При этом основной вклад в изучение вопроса модального функционирования глаголов мышления был внесён представителями калининградской школы модальности (в первую очередь её основателем С.С. Ваулиной), в работах которых получили широкое освещение следующие аспекты указанной проблемы:

- суть и значение модальности как функционально-семантической категории (диахронический аспект) и средств её выражения [Ваулина 1988; Колобкова 1995; Кукса 1997; Кочеткова 1998; Суворова 2001; Барецкая 2002; Опарина 2004; Старовойтова 2006; Капрэ 2011; Серганова 2025 и др.];

- эволюция средств выражения модальности в русском языке на различных этапах развития русского языка [Ваулина 1988, 2010; Дронова 2006 и др.];

- роль глаголов мышления как модальных экспликаторов [Чернова 1996; 2008; Васильев 2005; 2006; Ваулина 2008; Ваулина, Бавула 2023; Бавула 2024, 2025 и др.].

Работы вышеперечисленных авторов в значительной мере способствовали изучению глаголов мышления, их содержательной многоаспектности, особенностей функционирования в тексте. При этом специфика и условия реализации модальных значений глаголами мышления, влияние номинативно несамостоятельных формантов (префиксов) на изменение модального значения глагольного слова со значением мысли остаются малоизученными.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые:

- представлено историко-синхроническое описание специфики модального функционирования глаголов мышления и их префиксальных дериватов в русском языке;

- описаны системные лексико-грамматические условия перехода базовых глаголов лексико-семантической группы мышления *думать* и *мыслить* и их префиксальных дериватов в разряд экспликаторов значений пропозициональной и прагматической модальности;

- определен характер влияния семантики глагольных префиксов на модальный потенциал глаголов лексико-семантической группы мышления.

Объект исследования составили: базовые глаголы лексико-семантической группы мышления *думать/мыслить* и их префиксальные дериваты, реализующие модальные значения в русском языке в различные периоды его развития.

Предмет изучения: исторически детерминированная специфика модальных значений, репрезентируемых глаголами мышления *думать/мыслить* и их префиксальными дериватами.

Цель диссертационного исследования: выявление комплекса модальных значений, реализуемых глаголами мышления *думать/мыслить* и их префиксальными дериватами в обширной исторической перспективе и описание лингвистических факторов, детерминирующих особенности их модального функционирования.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих **задач**:

1) рассмотрение сущности и актуальных проблем модальности как фундаментальной функционально-семантической категории;

2) систематизация существующих в лингвистике подходов к классификации глаголов мышления с целью выделения базовых (инвариантных) репрезентантов лексико-семантической группы и установления диахронически изменчивого состава их префиксальных дериватов;

3) выявление типов модальных значений, реализуемых глаголами мышления в разножанровых текстах, относящихся к различным историческим периодам развития русского языка, начиная с XI в. и до конца XX в.;

4) определение совокупности коммуникативно-дискурсивных условий функционирования глаголов мышления в качестве экспликаторов различных видов модальных значений;

5) описание роли глагольных префиксов в процессе формирования модального значения рассматриваемых глаголов;

6) установление путей и особенностей эволюции глаголов мышления как системных репрезентантов определенных видов модальности на различных этапах развития русского языка.

Цель и задачи настоящей работы определили выбор комплексной **методики** исследования, включающей в себя общенаучные методы

(наблюдение, описание, анализ, синтез, обобщение) и собственно лингвистические (дефиниционный и компонентный анализ, функционально-семантический, контекстуальный анализ, метод жанрово-стилистического сопоставления и количественных подсчётов).

Теоретическую базу исследования составили положения, разработанные в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённых описанию:

1) категории модальности [Балли 1955; Беляева 1985, 1990; Бондарко 1983, 1984, 1987, 1990; Ваулина 1988, 1993, 2010, 2013, 2018, 2021; Виноградов 1975; Гальперин 2007; Грепл 1978; Золотова 1962, 1973, 1982; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004; Зеленщиков 1997, 2010; Ляпон 1971; Немец 1991; Романова 2003; Солганик 1984; Тураева 1994; Хрычиков 1986; Auwera, Ammann 2013; Brinkmann 1971; Fintel 2006, Palmer 2001, 2013 и др.];

2) состава, иерархии значений и функциональным особенностям модальных глаголов [Васильев 2003, 2006; Лекант 1976, 2007; Мразек 1964, 1973; Озолина 1972; Чернова 1996, 2008; Helbig, Buscha 1986];

3) лексико-семантической группы глаголов мышления [Бабенко 1999; Баранов 2002; Бяковская 2011; Васильев 1971, 1981, 2005; Гак 1993; Гибатова 2010; Гуднов 2013; Дмитровская 1985; Кадоло 2004; Кузнецова 1988; Морослин 2001; Пименова 1995; Тропинина 1984; Федотова 2017; Шведова 2007, 2011 и др.].

Материалом для исследования послужили 2373 текстовых фрагмента, извлеченных методом сплошной выборки из текстов разной жанровой принадлежности, относящихся к древнерусскому (XI – XIV вв.), старорусскому (к. XIV – сер. XVII вв.) периодам развития русского языка, а также выборочным методом из текстов, содержащихся в Основном и Газетном корпусах Национального корпуса русского языка (НКРЯ), отражающих в том числе специфику этапа развития русского языка с конца XVII до конца XX вв.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что она вносит определенный вклад в теорию модальности как функционально-семантической и коммуникативно-прагматической категории; содержит

новые научные сведения о глаголах мышления как лексических средствах выражения одного из структурно-содержательных компонентов модальности – ситуативной модальности; характеризует модальное функционирование базовых глаголов мышления *думать* и *мыслить* в обширной эволюционной перспективе. Теоретическую ценность имеют полученные в работе данные о корреляции различных типов модальности с жанровой и стилистической принадлежностью текстов, а также установленная зависимость модальных значений дериватов глаголов *думать* и *мыслить* от семантики присоединяемых к ним префиксальных морфем.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов, выводов и положений при разработке лекционных и практических занятий по актуальным вопросам изучения категории модальности и функциональной грамматики в рамках университетских курсов по истории русского языка, общего и сравнительного языкознания.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются опорой на многоаспектную научную литературу, репрезентативность привлечённого к рассмотрению фактического материала, применение комплекса методов исследования, адекватных его объекту, цели и задачам.

Апробация работы. Основные результаты настоящего диссертационного исследования были представлены в докладах на международных и всероссийских конференциях: на XXIV ежегодной научно-практической конференции «Единая информационная платформа довузовского и вузовского образования, как инструмент воспитания гражданского патриотизма обучающихся (Калининград, филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2021 г.), на XXV ежегодной научно-практической конференции «Пути повышения уровня подготовки специалистов в высших учебных заведениях» (Калининград, филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2022 г.), на X Международной научной

конференции «Экология языка и речи» (Тамбов, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2022 г.), на научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных «Дни науки в институте гуманитарных наук» (Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2022 – 2024 гг.), на Всероссийских межведомственных военно-научных конференциях «Развитие теории и практики применения войсковой ПВО ВС РФ в современных условиях» («Русский язык в современном мире») (Смоленск, Военная академия ВПО ВС РФ» 2023 – 2026 гг.), на Международной научной конференции «Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества», посвящённой 100-летию профессора О.Б. Сиротининой (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2023 г.), на международном форуме «Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России», посвящённом Году педагога и наставника и 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», 2023 г.), на XI и XII Международных научно-практических конференциях «Гуманитарные технологии в современном мире» (Светлогорск, ФГБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ» и др., 2023 – 2024 гг.), на VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания «Русского языка и культуры речи» и других языковедческих дисциплин» (Донецк, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», ФГБОУ ВО «Омский государственный университет путей сообщения», 2024 г.), на международной конференции «НОМО LOQUENS: Язык – Коммуникация – Культура» (Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2024), на международной научной конференции «Язык – Текст – Дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты» (Самара, Министерство науки и высшего образования РФ, Самарский национальный

исследовательский университет им. академика С.П. Королева, 2024 г.), на Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием «Коммуникация – Общество – Человек» (Ярославль, Ярославский филиал Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве РФ», 2024 г.), на международной конференции «Ваулинские чтения – 2026. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве» (Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2025 г.). Кроме того, результаты исследования были отражены в 10 публикациях, 3 из которых изданы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Глаголы мышления, отражая различные аспекты интеллектуальной и психической деятельности человека, определяющие характер его отношения к действительности, участвуют в формировании модальной рамки высказывания, интегрируя в неё различные значения пропозициональной и прагматической модальности.

2. Базовые глаголы мышления *думать*, *мыслить* и их префиксальные производные выступают преимущественно в роли модальных экспликаторов значений ситуативной модальности: намерения, желательности и возможности (и их содержательных оттенков). Посредством указанных глаголов в разножанровых текстах способны спорадически репрезентироваться значения прагматической (побудительной и субъективной) модальности.

3. Модальность намерения является самостоятельным компонентом ситуативной модальности, возникающей на пересечении микрополей возможности, желательности и необходимости. Указанное модальное значение репрезентируется глаголами *мыслить* и *думать*, а также их многочисленными префиксальными дериватами на протяжении всех периодов развития русского языка.

4. С грамматической точки зрения выражение глаголами мышления значений ситуативной модальности требует их обязательного сочетания с субъектным инфинитивом. Способность выполнять данную модальную функцию в условиях синтаксической автономности наблюдается лишь у отдельных глаголов данной группы (преимущественно в текстовых фрагментах, отражающих случаи разговорно-бытовой речи).

5. Глагольные префиксы, внося определенные изменения в семантический план глаголов мышления, способны в той или иной мере модифицировать репрезентируемые данными глаголами модальные значения, объективируя в их структуре содержательные оттенки, связанные с категориями оценочности, фазовости и др.

6. В процессе эволюции глагол *думать* и его префиксальные дериваты демонстрируют тенденцию к устойчивому росту модального потенциала, что находит отражение в расширении состава глагольных производных (*задумать, надумать, передумать* и др.) и в увеличении спектра репрезентируемых ими модальных значений. Глагол *мыслить* и его дериваты, выступающие на ранних этапах развития русского языка в качестве основных экспликаторов модальных значений (*замыслити, помыслити, умыслити* и др.), в значительной степени утрачивают свой модальный потенциал; при этом часть глаголов данной группы переходит в разряд устаревшей лексики.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей список научной литературы из 264 наименований, а также двух приложений.

ГЛАВА I. ГЛАГОЛЫ МЫШЛЕНИЯ В РУСЛЕ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

§ 1. Основные принципы систематизации глагольной лексики

Глагол является одним из ключевых компонентов лексической системы русского языка. Как отмечается в «Русской грамматике – 80», «спрягаемая форма глагола служит конструктивным и семантическим центром всех глагольных предложений. Глагол в них является средоточием и формальным выразителем основных категорий, формирующих предикативность» [РГ – 80, т. II: 423]. Лингвисты отмечают, что глагольное слово характеризуется многозначностью, абстрактностью семантики, сложностью грамматической структуры, разнообразием сочетаемости с другими словами в предложении (см. подробнее: [Виноградов 1986: 349; Кузнецова 1988: 3; Шведова 1995: 409 – 414 и др.]). Содержательное значение глагола представляет собой «не только результат обобщения, но и отвлечения понятия о действии-признаке, о действии-отношении от тех предметов, с которыми оно органически связано» [Кузнецова 1985: 27 – 28]. При этом глагол обладает богатой системой формообразования, комбинаторной способностью и др. Все перечисленное обуславливает статус глагола как ключевого синтаксического элемента [Кузнецова 1985: 27 – 28; Виноградов 1986: 349; Гуднов 2013: 16 – 17 и др.], «содержащего в себе макет будущего предложения» [Кацнельсон 1972: 88; Кузнецова 1989: 14]. По образному выражению М.В. Никитина, глагол представляет собой «несущий элемент структуры, к которому крепятся все остальные части, причём в несущем элементе предусмотрены места для крепления этих частей» [Никитин 1988: 122 – 123].

Вышесказанное объясняет закономерный и устойчивый интерес исследователей к изучению и классификации глагольной лексики [Апресян 1967; Булыгина 1982; Кузнецова 1982, 1988; Бабенко 1999; Падучева 2004; 2009; Костицина 2019, 2023 и др.].

Отечественными лингвистами выделяются разнообразные принципы и способы организации лексического пространства (см. подробнее [Колесникова 2025: 18 – 26]). Так, Э.В. Кузнецова, обращая внимание на «принадлежность валентных свойств словесных форм не отдельным словам, а классам внутри данной части речи» [Кузнецова 1988: 103], считает целесообразным «идентифицировать глаголы однотипной семантики по наиболее общим, категориально-лексическим семам» [Кузнецова 1982: 3]. Существует значительное число работ, посвященных проблеме выявления и квалификации различных типов лексико-семантических объединений, таких как лексико-семантическое поле (ЛСП) или семантическое поле (СП), лексико-семантическая группа (ЛСГ), тематическая группа (ТГ) и др. [Филин 1981, 1982; Кодухов 1987; Васильев 1970; 1981; 2003; 2005; Кузнецова 1982, 1988; Гак 1993 и др.]. При этом в научной литературе часто присутствует «неупорядоченное или синонимичное употребление таких терминов, как «семантическое поле», «лексико-семантическая группа» и др.» [Буйленко 2012: 89]. Как известно, современная лингвистика не располагает универсальными принципами и критериями выделения полей, их типологизации, что закономерно приводит к многообразию соответствующих терминологических обозначений.

Так, согласно мнению ряда исследователей, термин «семантическое поле» используется для обозначения семантического объединения, включающего в свой состав схожие по смыслу слова, относящиеся к разным частям речи (см. подробнее: [Денисов 1980: 127; Колесникова 2025: 38 – 40]). По мнению В.Г. Вариной, под «семантическим полем» следует понимать «совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое, и связанных специфическими семантическими отношениями» [Варина 2002: 106]. Л.А. Новиков акцентирует внимание на том, что «семантическое поле» – это иерархическая структура множества языковых единиц, объединённых общим

(инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу, лексическая категория высшего порядка» [Новиков 2011: 8].

При описании семантической системы языка наряду с термином «семантическое поле» (СП) употребляется термин «лексико-семантическое поле» (ЛСП), «объединяющий слова и словосочетания, на основании общности выражаемого ими значения, т. е. объединяет вербальный ряд единиц» [Зиновьева 2003: 109]. По мнению Л.М. Васильева, под вышеуказанным термином понимается «объединение лексических единиц, состоящее из ряда ЛСГ, объединённых общими семантическими признаками» [Васильев 1971, 1990]. В то же время некоторые языковеды обращают внимание на «поливалентность языковых единиц и их способность одновременно входить в несколько таких объединений» (см. подробнее: [Колесникова 2025: 39]). В современной лингвистике теория ЛСГ фундаментально разработана и представлена в многочисленных трудах отечественных учёных [Филин 1967, 1982, 1993; Васильев 1970, 1990; Виноградов 1977; Гак 1977; Кузнецова 1982; Бабенко 1985 и др.]. При этом существуют разные точки зрения на его природу и связи с другими лексико-семантическими объединениями:

- 1) СП и ЛСГ являются самостоятельными и равноправными функционально-семантическими единицами [Уфимцева 1968];
- 2) ЛСГ представляет собой разновидность СП [Филин 1982; Васильев 1990];
- 3) ЛСГ и СП – тождественные понятия (см. подробнее: [Грушинская 2025: 158 – 159]);
- 4) понятие ЛСГ соотносится с тематическим рядом (ТР) или группой (ТГ) [Худоба 2015].

Таким образом, вопрос определения природы ЛСГ, её принадлежности к тому или иному структурному элементу семантической системы языка остаётся открытым. Вышесказанное объясняет существующее в современном

языкознании многообразие определений ЛСГ. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Как отмечает Ф.П. Филин, «ЛСГ – это парадигматическое объединение слов одной части речи, которое обладает однородными сопоставимыми значениями и связано отношениями синонимии, антонимии, учитывающими дифференциацию и обобщения близких сопредельных значений» [Филин 1967: 535 – 537; 2008], а также их конкретизацию и детализацию. В более поздних трудах лингвист понимает ЛСГ как «объединение слов одной части речи с общим основным (базовым) семантическим компонентом» [Филин 1982: 230; 1993: 93].

В.В. Виноградов рассматривает ЛСГ как «совокупность синонимических рядов» [Виноградова 1977: 7]. И.П. Слесарева определяет ЛСГ как «промежуточное явление между синонимическим рядом и семантическим полем» [Слесарева 1980: 50]. Л.М. Васильев под термином ЛСГ понимает «любой семантический класс слов (лексем), объединённых хотя бы одной общей лексической парадигматической семой или хотя бы одним общим семантическим множителем» [Васильев 1971: 105]. В дальнейшем учёный приходит к выводу о том, что ЛСГ представляет собой «поле парадигматического типа, единицами которого являются лексемы, принадлежащие к одной части речи и объединённые общей категориальной семой в значении» [Васильев 1990].

По мнению В.В. Кодухова, ЛСГ – это «группа слов, объединённых по их лексическим значениям с точки зрения однородности, однопорядковости или просто близости их значений» [Кодухов 1987: 178].

Для настоящей работы определяющими являются следующие взаимодополняющие определения: 1) «ЛСГ – это класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях общий интегральный семантический компонент(ы), а также уточняющие (дифференциальные) компоненты» [Кузнецова 1989: 7; Никандрова 2010: 20] и 2) «ЛСГ – это языковая и психологическая реальность, принципиально вычленённое объединение слов,

члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отношений – отношений смысловой близости по синонимическому типу» [Слесарева 1990: 52].

Основанием для использования данных терминов стало принципиальное отнесение к ЛСГ слов одной части речи, а именно глаголов, объединённых общим смысловым компонентом «мыслительная деятельность». Данный компонент дифференцируется на ряд уточняющих синонимических подкомпонентов, таких как «анализ», «сопоставление /сравнение» и др. Следовательно, глаголы рассматриваемой группы опосредованно и обобщённо отражают различные аспекты умственной деятельности личности (связанные с мотивацией, способностями и др.) (см. подробнее: [Головин 1998; Мещеряков, Зинченко 2003 и др.]).

Следует отметить, что в научной литературе нет единого взгляда на принципы выделения / формирования ЛСГ. К примеру, Э.В. Кузнецова и её последователи полагают, что основой образования ЛСГ является совокупность следующих факторов «1) наличие категориального признака, 2) общие синтаксические свойства и 3) общие парадигматические особенности» [Кузнецова 1975: 80; Кузнецова 1982: 74 – 75]. Другие исследователи (например, Л.В. Быстрова, Н.Д. Капатрук и др.) в рассматриваемом вопросе придерживаются принципа компонентной методики, предполагающей в первую очередь объединение элементов «по значениям какого-либо слова (идентификатора, доминанты, ядра), во-вторых, по одному общему значению (семантическому компоненту)» [Быстрова, Капатрук 1980: 75]. В то же время ряд учёных убеждён в том, что «в основе выделения ЛСГ лежат категориальные архисемы» [Гак 1977; Стернин 1985; Косова 2009: 250; Буйленко 2012: 89]. Под «категориальной архисемой» понимается «родовая интегрирующая сема, свойственная всем единицам определённого класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки» [Стернин 1985]. Отметим, что в лингвистической литературе наряду с термином «категориальная архисема» исследователи употребляют следующие

наименования: «центр», «базовое слово (элемент)», «доминанта», «гиперсема», «идентификатор», «интегрирующий семантический множитель», «имя поля», «ядро», «ядерная единица» и др.) (см. подробнее: [Буйленко 2012: 90; Урманчеева 2023: 187 – 189 и др.]). Все вышеперечисленные термины служат для обозначения «слова, которое носит категориальный характер (выражает наиболее общие, родовые признаки по отношению к членам группы) и связано с остальными элементами ЛСГ привативным способом» [Там же].

Суммируя вышесказанное, отметим, что в качестве базовых элементов формирования ЛСГ выступают следующие: «1) наличие идентификатора; 2) однородная семантика; 3) членимость на более мелкие подгруппы; 4) меньший объем единиц (по сравнению с семантическим полем); 5) принадлежность единиц к одной части речи; 6) полевой характер; 7) связь с другими ЛСГ» [Буйленко 2012: 91].

1.1. Глаголы мышления в лексической системе русского языка

Как известно, содержательное значение глаголов, входящих в ЛСГ мышления, обозначает мыслительный процесс в его совокупности, неразрывно связанный и интегрированный с языком (речью).

По определению основоположника общего языкознания В. Гумбольдта, «язык, являясь «интеллектуальным инстинктом» человека, «выполняет мыслеобразующую функцию» / «язык как формирующий орган мысли» [Гумбольдт 2000: 67, 75]. При этом одним из важнейших предназначений языка является не только процесс преобразования «мира» в мысль, но и «формирование, совершение мысли в предложении» (см. подробнее: [Бяковская 2011: 35]). Как отмечает В.Г. Гак, «всё идет от действительности через мысль в язык, и всё от языка возвращается через мысль в действительность» [Гак 1993: 22]. Оформление и выражение в языке мыслительных процессов (зачастую сопряженных с чувственными) представляют собой сложный объект лингвистического изучения, поскольку

«мыслительная деятельность не просто не поддаётся прямому наблюдению, она не поддаётся даже самонаблюдению и самоанализу, так как протекает преимущественно на подсознательном уровне» [Рябцева 2005: 13]. Но всё же опосредование ментального мира, отображение и отражение мыследеятельности человека – комплексного процесса, включающего в себя когнитивные и деятельностные элементы, – находит своё выражение в языке (речи) благодаря использованию лексических средств, в том числе глаголов мышления.

Глаголы мышления являются одним из важнейших классов в общелексической системе любого естественного языка, в том числе русского. По мнению многих лингвистов, соответствующие глагольные слова, отражающие отношения языка и мышления, представляют собой основу любого национального языка [Морослин 2001; Омельченко 2005; Стаценко 2005; Косова 2009; Бяковская 2011; Гуднов 2013 и др.]. Они репрезентируют «национальную языковую картину мира сквозь призму культурных доминант» [Федотова 2017: 10], характеризуются «высокоинтеллектуальностью, психологичностью содержания, предельной сложностью своей структуры» [Васильев 1970; 1981], полифункциональностью, полиситуативностью, т. к. в их семантике находят отражение и выражение «многообразные ракурсы и связи действий, обозначаемые глаголами» [Морослин 2001: 107]. Значимость глаголов мышления детерминирована их способностью выражать широкий диапазон видов ментальной (мыслительной) деятельности / действий *Homo sapiens*. Как отмечает И.В. Реверчук, в процессе непрерывного мышления отражается объективная действительность человека, а именно «сущность предметов, их взаимные связи и отношения» [Реверчук 2016: 4].

Фундаментальные исследования функционирования глаголов интеллектуальной деятельности в русском языке, в частности ЛСГ глаголов мышления, были осуществлены Л.М. Васильевым [Васильев 1971, 1981, 2003, 2005]. Также значительный вклад в изучение и классификацию

соответствующей ЛСГ, как и глагольной лексики в целом, внесла Э.В. Кузнецова [Кузнецова 1982; 1988] и др.

Отметим, что устойчивый и неослабевающий интерес лингвистов к изучению соответствующего объединения глагольных единиц сохраняется до настоящего времени, подтверждением чему служит многочисленный ряд научных работ (см., например: [Морослин 2001; Кондратенко 2005; Бородина 2010; Гуднов 2013; Федотова 2017 и др.]).

При этом у отечественных лингвистов до сих пор нет единого понимания состава и границ ЛСГ глаголов мышления. Большинство исследователей включают глаголы мышления в семантическое поле «интеллектуальной деятельности» [Васильев 1970, 1981; Тропинина 1984; Кузнецова 1988; Бабенко 1999; Морослин 2001; Гуднов 2013 и др.]. Другая группа лингвистов относит их к когнитивно-ментальной сфере «мыслительная активность» [Рядчикова 2017; Федотова 2017 и др.]. Ряд учёных рассматривает глаголы мышления как составляющие «ментальной сферы» [Гибатова 2011 и др.], «ментального поля» [Гак 1993 и др.], семантического поля «психической деятельности» [Васильев 1981].

В этой связи считаем необходимым остановиться более подробно на двух объединениях — поле интеллектуальной деятельности и когнитивно-ментальной сфере «мыслительная активность».

По определению И.А. Зенина, интеллектуальная деятельность представляет собой «умственную деятельность человека — мыслительную, творческую, духовную и т.п., отражающую использование человеком способностей рационального познания» [Зенин 2005: 333], т. е. «локализуется в сознании (уме, голове) и выполняется ими же» [Зализняк 2001].

В то же время учёные отмечают, что понятие «интеллект» имеет видовую дифференцированность по признаку «акциональность (осуществление действий)» и «когнитивность (осуществление ментальных процессов)» (см. подробнее: [Воркачёв 2017; Рядчикова 2017]). В связи с чем выделяют когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность» — когнитивную

область действий, процессы – деятельностные, операциональные (последовательные, параллельные и т.п.) [Федотова 2017: 48].

Так, содержательные границы «поля интеллектуальной деятельности» включают в себя все глагольные единицы, отображающие «общие умственные (познавательные) способности» (интеллект), такие как «восприятие, память, представления, мышление, воображение, воля, рефлексия, внимание» [Рубинштейн 2002]. При этом соответствующее поле подразумевает строгую иерархическую структурированность компонентов и отношения подчинения.

Тогда как в содержательные границы когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность», организованной по семантическому принципу группировки, входят «единицы языка различных уровней, разнообразных концептов» [Федотова 2017: 47]. В данной сфере также реализуется та или иная способность, связанная с интеллектом. Речь идёт о процессе порождения речи, о рефлексии, мотивации принятия решения и т.п., а также о ментальных состояниях (вера, стремление, восхищение, одобрение, прощение, уважение, разочарование, презрение, виновность, знание, убеждение, воображение, память, желание, намерение, цель, решение). При этом компоненты, входящие в данную сферу свободны от стратификационных отношений (см. подробнее: [Селиванов 2017; Федотова 2017]).

По мнению Е.Е. Федотовой, «сфера «мыслительной активности» может быть представлена как сфера когнитивно-ментальная, поскольку включает в себя когнитивную и ментальную составляющие, базируется на накопленных знаниях и на оперировании с ними, объединяет процессы и результаты сознательного и бессознательного мышления, психической деятельности» [Федотова 2017: 3, 6]. Таким образом, близкие и взаимосвязанные понятия «интеллект» («мышление») и «мыслительная активность» отражают разные аспекты одного процесса.

Сказанное выше обуславливает многообразие существующих в научной литературе терминов для обозначения глаголов соответствующей ЛСГ: «глаголы мышления» [Васильев 1970; 1981; Егина 1996; Руденко 2000; Глинка

2003; Рахматова 2004; Везирова 2009; Красовская 2012], «глаголы мысли» [Бяковская 2011]; «глаголы мыслительной деятельности» [Идзинская 2001; Морослин 2001; Коршунова 2002; Бородина 2010; Красовская 2013; Павленко 2013], «глаголы интеллектуальной деятельности» [Скворецкая 1985; Сильницкий 1986; Кондратенко 2005; Гуднов 2013], «ментальные предикаты» [Булыгина, Шмелев 1989, Гак 1993; Васильев 2003, 2005], «ментальные глаголы» [Пименова 1995; Кадоло 2004; Омельченко 2005; Федотова 2017], «глаголы со значением мысли, интеллектуального состояния» [РГ – 80: 593] и т.д. При этом во многих случаях рассматриваемые термины являются содержательными дубликатами друг друга. Так, Л.М. Васильев в своих ранних научных трудах использует определение «глаголы мышления» [Васильев 1970; 1981], а в более поздних – «ментальные предикаты» [Васильев 2003; 2005]. П.В. Морослин наряду с термином «глаголы интеллектуальной деятельности» употребляет словосочетание «глаголы мыслительной деятельности» [Морослин 2001]. Н.А. Красовская также использует несколько терминологических вариантов: «глаголы мышления» [Красовская 2012] и «глаголы мыслительной деятельности» [Красовская 2013] и др.

Рассмотренная ситуация с номинацией глаголов, обозначающих мыслительную деятельность, обусловлена, по нашему мнению, сложностью и многогранностью понятия «мышление». С философской точки зрения, мышление интерпретируется как «высшая форма активного (творческого) отражения действительности» [ФЭС 1983: 390 – 392], а также как отражение «процессуальности функционирования сознания (познавательной деятельности)» [Всем. энц.: Философ. 2001: 665]. В психологии мышление рассматривается как процесс, предполагающий «любую скрытую когнитивную или мысленную манипуляцию идеями, образами, символами, словами, суждениями, воспоминаниями, понятиями, образами восприятия, убеждениями или намерениями» [БТПС, 2000. Т. 2: 469]. Данное явление включает в себя «все мысленные действия, связанные с формированием понятий, решением задач, интеллектуальным функционированием,

творчеством, сложным научением, памятью, символической обработкой информации, воображением» и т.д. [Там же].

На наш взгляд, вышеизложенное объясняет существующую в современном языкознании проблему установления рамок ЛСГ глаголов мышления и определения её состава.

1.2. Состав и границы лексико-семантической группы

глаголов мышления

Семантическая структура глаголов интеллектуальной деятельности довольно часто выступает объектом лингвистических исследований. Однако вопросы, связанные с определением границ и состава ЛСГ глаголов мышления, остаются открытыми до сих пор.

Так, ряд учёных считает целесообразным объединить глаголы мышления (*думать* и др.) и глаголы речи (*говорить* и др.) в общую группу (т.н. «речемыслительные глаголы») (см., например: [Милых 1958; Хуршудянц 1971; Золотова 1982]).

В то же время часть исследователей, учитывая отличия в значении рассматриваемых единиц, а также неоднородность их синтаксической дистрибуции, считает обоснованным различать данные лексические объединения [Васильев 1971; Пак 1975; Ничман 1977; Морослин 2001; Гуднов 2013 и др.].

Согласно ещё одной концепции, глаголы поля интеллектуальной деятельности соотносятся с различными группами глаголов восприятия: сенсорного (*видеть, слышать*), интеллектуального (*изучать, тестировать, понимать, знать* и др.), эмоционального состояния (*недоумевать, сомневаться* и др.) [Сильницкий 1973: 28]. По мнению некоторых исследователей (например, Ю.Д. Апресяна), глаголы мышления входят в класс глаголов, обозначающих информационную деятельность [Апресян 1967]. К таковым могут быть отнесены все глагольные слова, для которых «обязательным компонентом значения являются различные виды обработки

информации в психике человека (или животного)» [Сильницкий 1986: 44 – 45], например: *извещать, информировать, сообщать, расшифровывать* и др. При этом в научной литературе существуют и иные номинации данного класса лексических единиц – «глаголы информационной семантики», «информационные глаголы», «ментальные глаголы», «когнитивные глаголы» [Гридасова, Гринько 2023: 117].

Примечательно, что ряд глаголов мышления, характеризующихся языковой и речевой (коммуникативной) многозначностью, может входить в состав различных ЛСГ – глаголов интеллектуальной деятельности, речи, эмоционального восприятия, физического ощущения, поведения. Например, лексема *доходить* может быть употреблена носителями языка для выражения нескольких значений: 1) «понимать»; 2) «движение» и др. Соответственно, корректная интерпретация такого рода лексем возможна только на контекстуальном уровне.

Вышесказанное, на наш взгляд, подтверждает вывод ряда ученых о том, что «абсолютно чёткая (строгая) классификация глаголов мышления невозможна из-за пересекаемости признаков субполей, диффузности их границ» [Васильев 1970; Гак 1993; Руденко 2000; Глинка 2003 и др.]. Как справедливо заключает в этой связи Е.Н. Руденко, «исключительно аналитический подход к данному вопросу способен исказить целостную картину, поскольку когнитивные процессы и состояния очень тесно взаимосвязаны, а в ряде случаев глубоко синкретичны» [Руденко 2000: 192].

В отечественной науке существуют различные подходы к анализу и структурированию лексической системы языка, в частности глагольных слов. Так, Л.М. Васильев и его последователи опираются на три основополагающих принципа: **денотативный (тематический), парадигматический, синтагматический** [Васильев 1981; Морослин 2001; Гуднов 2013; Мусаев 2023 и др.]. Другие учёные, в числе которых Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, Д.Н. Шмелёв и т.д., в качестве основных системообразующих

принципов лексики выделяют **парадигматические, синтагматические, эпидигматические, вариантыные отношения.**

Некоторые исследователи предлагают в рассматриваемом вопросе опираться на принципы **иерархии, дополнительности, вариативности, пересекаемости глагольных классов** (см. подробнее: [Бабенко 1999: 13]). Р.В. Костицина дифференцирует принципы соотнесения глагольной лексики русского языка на **семантические, грамматические, функциональные** [Костицина 2023].

По нашему мнению, такое многообразие принципов предопределяет необходимость применения интеграционно-дифференцированного подхода к осуществлению сопоставительного анализа лексики. В связи с этим в данной работе мы опираемся на следующие три системообразующих принципа:

- 1) **принцип иерархии;**
- 2) **денотативный (тематический) принцип;**
- 3) **принцип инвариантности/вариативности.**

Остановимся более подробно на каждом из них.

Принцип иерархии осуществляется в структурной организации (макроструктуре) лексико-семантических парадигм и предполагает расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему и т. п. [Бабенко 1999: 13]. Сопоставление соответствующей глагольной лексики, основанное на принципе иерархии, позволяет определить её принадлежность к таким макроструктурам (группам), как: «интеллектуальная деятельность» [Васильев 1970], «психическая деятельность» [Васильев 1981], «действие» (подполе «интеллектуальная деятельность») [Кузнецова 1988], «действие и деятельность» [Бабенко 1999], «ментальное поле» / «пространство мысли» [Гак 1993], «человек» (подгруппа «интеллект») [Баранов 2002], «ментальные предикаты» [Васильев 2003], «мир мысли» [Гибатова 2010], «мысль» [Шведова 2011]. При этом разные наименования рассматриваемой лексико-семантической парадигмы объединены общим понятием

«мыслительная деятельность человека», включающим в себя различные аспекты познавательной психической деятельности Homo sapiens.

Денотативный (тематический) принцип ориентирован на «онтологическое расчленение предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий и состояний, отражённое в структуре языка» [Васильев 1981: 39], в результате чего выделяются более частные семантические объединения: классы слов, лексико-семантические, тематические группы и т.п. Использование данного принципа позволяет установить принадлежность рассматриваемых лексических единиц к ЛСГ глаголов мышления [Васильев 1981; Кузнецова 1988; Бабенко 1999] (в иной терминологии – ЛСГ глаголов со значением мыслительного процесса [Васильев 1971], субполе «ментальный процесс» [Гак 1993], объединение / раздел «мысль» [Баранов 2002; Шведова 2011], «предикаты мышления» [Васильев 2003], «ментальные предикаты» [Гибатова 2010]. В настоящей работе мы используем термин ЛСГ «глаголов мышления» как наиболее подходящий с точки зрения содержательной однозначности.

Принцип инвариантности/вариативности предполагает, что «для каждой группы выделяют базовые глаголы-идентификаторы, выражающие основную семантическую идею класса слов, и глаголы – члены класса, выражающие более конкретные и содержательные по сравнению с базовыми глаголами и отличающиеся от последних набором дополнительных семантических признаков, варьирующих основную идею семантического класса» [Бабенко 1999: 14]. Отметим, что в лингвистической литературе встречается ряд терминов, дублирующих понятие «базовые глаголы-идентификаторы»: «ядерные глаголы» [Васильев 1970, 1981; 2003], «базовые глаголы» [Кузнецова 1988; Бабенко 1999; Баранов 2002; Гибатова 2010; Шведова 2011] и др.

Как показывает анализ различных классификаций, в составе ЛСГ глаголов мышления находится значительный массив глагольной лексики, характеризующийся семантической вариативностью (см. Приложение № 1).

Так, по мнению Л.М. Васильева, «к собственно глаголам мышления относятся две группы глаголов: 1) глаголы со значением мыслительного процесса (мыслительной деятельности) и 2) глаголы со значением результата мыслительной деятельности» [Васильев 1970: 371]. В составе первой группы находятся глаголы, обозначающие мыслительные процессы в разных аспектах и сопровождающие эти процессы волевые акты. Они объединены общим значением «осуществлять процесс мышления». Учёный подразделяет данную группу глаголов на не направленные / направленные на объект, т. е. нецеленаправленные (*размышлять, умствовать (устар.), рефлексировать (книжн., устар.), теоретизировать, мудрствовать, шевелить / раскидывать мозгами (простор.)*) и целенаправленные (*праздномыслить (устар.), глядеть – поглядеть, смотреть – посмотреть, раздумывать – раздумать, думать, думать думушку, размышлять, рассуждать, мекать (простор., устар.), мозговать – обмозговать (простор.), кумекать и др.*) [Там же]. Ко второй группе лингвист причисляет глаголы, обозначающие «результаты мыслительных процессов, которыми кто-то обладает, которые хранятся в чьём-то сознании» [Васильев 1970: 381]. Обширная группа таких глаголов дифференцируется на ряд подгрупп с ядерными семами «представлять», «полагать/считать», «предполагать», «верить», «решать» [Васильев 1970: 381]. В составе рассматриваемой ЛСГ насчитывается более 500 лексем (см. Приложение № 1).

В дальнейшем Л.М. Васильев предложил квалифицировать глаголы мышления как предикаты мышления. В составе указанной ЛСГ насчитывается девять подклассов: 1) предикаты рационального мышления (*мыслить – помыслить, размышлять, задумываться, рассчитывать, взвесить – взвешивать и др.*), 2) предикаты образного мышления (*представлять, вообразать, созерцать, заглядывать; вырисовывать(ся), схематизироваться и др.*), 3) предикаты мечтания (*мечтать(ся), фантазировать, грезить, разг. заноситься – занестись и др.*), 4) предикаты придумывания (*измышлять, (вы)придумывать, импровизировать,*

планировать, разг. сплести), 5) предикаты принятия решения (*решить, постановить, декретировать, вздуматься, заблагорассудится* и др.), 6) предикаты мнения (*считать – посчитать, усматривать – усмотреть, трактоваться* и др.), 7) предикаты веры (*верить – поверить, сомневаться – усомниться, колебаться – поколебаться, испытывать – испытать* и др.), 8) предикаты понимания (*понимать, устар. разуметься, разбираться, ориентироваться, знать что к чему, смыслить* и др.), 9) предикаты неправильного понимания (*ошибаться – ошибиться, заблуждаться в чем, находить – найти, обманываться – обмануться в ком-чём, просчитываться – просчитаться* и др.) [Васильев 2003: 4 – 36]. На указанную классификацию опирается значительное число последующих исследований [Пименова 1995; Морослин 2001; Гибатова 2010; Гуднов 2013 и др.].

Развивая теоретические воззрения Л.М. Васильева, Г.Ф. Гибатова дифференцирует ментальные предикаты по следующим видам мышления: 1) предикаты рационального мышления (*думать – подумать, мыслить – помыслить, размышлять – размыслить / разг. поразмыслить*) и др., 2) предикаты творческого мышления (*воображать – вообразить, представлять – представить, рисовать – нарисовать в воображении, переноситься – перенестись / уноситься – унести / улетать – улететь мыслями (в мыслях) куда-л. и др.*), 3) предикаты логических операций (*различать – различить, сравнивать – сравнить, обобщать – обобщить, опознавать – опознать, идентифицировать, классифицировать* и др.) [Гибатова 2010: 185]. Вслед за Л.М. Васильевым, лингвист разделяет группу предикатов мышления на четыре подгруппы: 1) предикаты понимания (*понимать, сознавать, разбирать – разобрать, воспринимать – воспринять* и др.), 2) предикаты неправильного понимания (*ошибаться – ошибиться, заблуждаться, просчитываться* и др.), 3) предикаты мнения (*считать – посчитать / счесть / устар. почитать – почесть, думать – подумать, полагать / устар. располагать, иметь мнение (суждение), держаться – придерживаться какого мнения о ком-чем, предполагать – предположить* и

др.), 4) предикаты принятия решения (*решать, принимать решение, решаться – решиться, вздумать, отважиться, додуматься, дойти, созреть* и др.) [Гибатова 2010: 185 – 187]. Общее количество лексических единиц, образующих ЛСГ глаголов мышления – 148 лексических единиц (см. Приложение № 1).

Э.В. Кузнецова включает в состав ЛСГ глаголов мышления 22 лексемы: *абстрагировать, вздуматься – вздумываться, вспомнить – вспоминать, вспомниться – вспоминаться, думать, заблуждаться, мыслить* и др. [Кузнецова 1988]. Л.Г. Бабенко, опираясь на взгляды Э.В. Кузнецовой, расширяет диапазон рассматриваемой ЛСГ до 27 лексических единиц: *вникать – вникнуть, восстанавливать – восстановить, глядеть, думать, заблуждаться, мыслить, напоминать – напомнить* что и др. [Бабенко 1999: 322 – 324].

В.Г. Гак отмечает, что «все лексические единицы, соотносящиеся с понятием «мыслить», «мысль» образуют ментальное поле, которое представляет собой нечётко очерченное пространство, но имеющее чёткое ядро» [Гак 1993: 22]. Учёный выделяет 7 смысловых группировок, отражающих разные параметры процесса мышления: 1) «ситуация ментального процесса»: а) безобъектная модель: *мыслить, размышлять, иметь знания* и др.; б) объектная модель: *сформулировать мысль, высказать суждение, разработать классификацию* и др., 2) «познание» (*узнавать, выдумать* и др.), 3) «сохранение познанного» (*знать, память*), 4) «соотнесенность фактов по их признакам, поиск сходств и различий» (*различать, сравнивать, обобщать, идентифицировать* и др.), 5) «выявление причинно-следственных связей» (*понимать, делать вывод, объяснять*), 6) «степень адекватности действительности / техническая оценка знания» (а) соответствие знаний действительности (*знать* и др.), б) неопределённость (*сомневаться* и др.), в) несоответствие знания действительности (*придумывать, лгать, ошибаться* и др.), 7) «временной аспект» (а) направленность в прошлое, ретроспективный процесс (*вспоминать,*

узнавать), б) направленность в будущее, перспективный процесс (*предвидеть, предусматривать, намереваться, собираться* и др.), 7) сектор «характеристика» (*думать вслух, думать разумно* и др.) [Гак 1993: 24 – 26.] В данной классификации смысловое пространство «ментальное поле» представлено 57 глаголами: *верить, вспоминать – вспомнить, выдумать, додумывать – додумать, догадаться, думать, замышлять, мыслить* и др. [Там же: 24 – 26] (см. Приложение № 1).

О.С. Баранов выделяет понятийное поле «мысль», в составе которого рассматривает 74 лексемы: *биться (мысль), блеснуть, вдуматься, гадать, думать, мыслить, перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове), передумать, переосмыслить, покумекать* и др. [Баранов 2002] (см. Приложение № 1).

Н.Ю. Шведова, рассматривая способность человека к восприятию и осмыслению действительности, выделяет семантическое объединение «Мысль. Чувство. Воля», которое представлено шестью подклассами (множествами), такими как: 1) «верование», 2) «мысль; воображение; сомнение; суждение», 3) «познание; осведомлённость», 4) «внимание; интерес; влечение», 5) «память», 6) «вера; доверие; надежда» [Шведова 2007. Т. 4: 230]. При этом к подклассу «собственно мысль» относятся следующие лексические единицы (29): *абстрагировать, ассоциировать, видеть, вообразить, думать, думаться, кумекать, мозговать, мыслить, мыслиться* и др. [Шведова 2007. Т. 4: 230 – 233] (см. Приложение № 1).

Как показывает анализ глагольной лексики со значением «мысль» / «мыслительная деятельность», ЛСГ глаголов мышления является весьма значительной в плане объема и разнообразия входящих в нее элементов. Как было отмечено выше, принцип вариативности, «обнаруживающийся в характере представительства глаголов внутри одной группы», подразумевает обязательное «выделение базовых глаголов-идентификаторов, выражающих основную семантическую идею класса слов» [Бабенко 1999: 13 – 14].

В качестве центральных (ядерных) глаголов исследуемого поля лингвисты рассматривают различные варианты лексических единиц. К примеру, Л.М. Васильев выделяет глаголы: *верить*, ***думать*** – *подумать*, *думаться (подуматься)*, народ.-поэт. *думушку думать*, *заблуждаться*, устар. *мниться*, ***мыслить*** – *помыслить*, безл. *мыслиться (помыслиться)*, *обсуждать*, разг. *поразмислить*, *предаваться (предаться)* *размышлениям* *представлять*, *полагать*, *понимать*, *раздумывать*, *размышлять*, *размыслить*, *решать* [Васильев 1970, 1981, 2003]. Э.В. Кузнецова и её последователь Л.Г. Бабенко – глагол ***думать*** [Кузнецова 1988; Бабенко 1999]. В.Г. Гак в качестве ядерных приводит следующие лексические единицы: ***думать*** – *дума*, ***мысль*** – *мыслить* [Гак 1993]. О.С. Баранов указывает такие глагольные слова, как ***мыслить*** – *помыслить*, *мыслиться*, ***думать***, *подуматься*, *осмысливать* – *осмыслить*, *размышлять* – *размыслить* [Баранов 2002]. По мнению Г.Ф. Гибатовой, в качестве центральных глаголов соответствующей ЛСГ следует выделить лексемы: ***мыслить*** – *помыслить*, ***думать*** – *подумать*, *размышлять* – *размыслить* / разг. *поразмислить*, *раздумывать*, безл. *мыслиться* – *помыслиться*, *думаться* – *подуматься*, устар. *мниться* [Гибатова 2010]. Н.Ю. Шведова фиксирует в качестве основных единиц глаголы ***мыслить***, ***думать*** [Шведова 2007; 2011].

Критерии выделения ядерной лексики подробно описаны в трудах Ю.Н. Караулова, А.В. Бондарко, И.Т. Вепревой [Караулов 1976; Бондарко 1972; Вепрева 1984 и др.]. Мы, вслед за А.В. Бондарко и С.С. Ваулиной, наиболее релевантными критериями структуризации полевых объединений считаем следующие:

«1. максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку (центр) – разреженность таких признаков (периферия);

2. максимальная функциональная нагрузка (центр) – уменьшение такой нагрузки (периферия);

3. наибольшая специализация данного языкового средства для реализации определённой семантической функции (центр) – меньшая употребительность (периферия);

4. регулярность, высокая частотность употребления (центр) – нерегулярность или меньшая регулярность, меньшая употребительность (периферия)» [Бондарко 1972: 25 – 35].

Таким образом, в соответствии с данной классификацией глаголы *думать* и *мыслить* выступают в качестве наиболее частотных, семантически ёмких, богатых в словообразовательном отношении единиц рассматриваемого поля, что позволяет говорить об их статусе центральных идентификаторов / компонентов данного лексического объединения.

§ 2. Категория модальности как объект лингвистического анализа

В языкознании термин «модальность» является многозначным: им называются разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [РГ – 80, Т. II: 214]. Как отмечает С.С. Ваулина, категория модальности – это «одна из ключевых понятийных семантических категорий, обеспечивающих живую связь высказывания с внеязыковой действительностью, и устанавливающих его коммуникативный потенциал» [Ваулина 2021: 4]. Языковая модальность, будучи «уникальной ментальной категорией» [Егорова 2017: 4], затрагивает все уровни языка, непрерывно взаимодействует с явлениями внеязыковой действительности, рассматривается в «неразрывной связи языка и мышления» [Сатина 2023: 46 – 47].

Феномен языковой модальности находится в центре междисциплинарной научной мысли более семидесяти лет. При этом отмечается нарастающий интерес к исследованию данной категории (см. подробнее: [Ваулина 2018: 3 – 4]). По нашим наблюдениям, активная вовлечённость лингвистов в изучение модальности обусловлена в первую очередь антропоцентричностью

исследуемой категории – «в центре поля модальности находится субъект речи, носитель языка» [Романова 2003: 23]. При этом в модалистике сохраняется широкий спектр научных проблем, требующих более глубокого изучения, включая вопрос о модальной специфике глаголов, входящих в структуру поля мышления, вопрос модификации модального значения словообразовательными формантами и др.

Отметим, что динамика трансформации научных представлений о семантической категории модальности, основополагающие аспекты её содержания и выражения подробно описаны в лингвистических трудах [Балли 1955; Виноградов 1975; Ваулина 1988; 1993; 2018; 2021; Кукса 2022; Сатина 2023 и др.]. Исследователи выделяют разные подходы к изучению содержательного и структурного объёма модальности. При этом многообразие и разнородность научных взглядов на природу и структуру последней можно условно соотнести с двумя магистральными подходами.

Так, сторонники **узкого (логико-философского) подхода** основываются на аристотелевской интерпретации и выделяют три основных модальных значения: «действительность», «необходимость», «возможность» (см. подробнее: [Колшанский 1961, 1974; Панфилов 1971; Лич 1971; Небыкова 1973; Бондаренко 1977; Сабанеева 1982; Зоммерфельдт 1988; Гребенкина 1995; Костюченко 2018 и др.]). Однако логико-философское понимание категории модальности не позволяет охватить весь семантический диапазон модальных значений и их оттенков, семантических и коммуникативно-прагматических аспектов языка. В связи с этим данный подход к изучению категории модальности не получил широкого признания у отечественных лингвистов (см. подробнее: [Ляпон 1971: 231]). При этом представители Белорусской школы модальности считают, что «категории, типичные для языковой модальности сопоставимы с категориями логики» (см. подробнее: [Костюченко 2018: 71; Абдуллаев 2025: 17 – 18]).

Большая часть лингвистов считает, что **широкий подход** позволяет рассматривать модальность как чрезвычайно ёмкую категорию, в

содержательный объём которой входит многочисленный ряд значений. Речь идёт о значениях реальности/нереальности, утверждения/отрицания, достоверности, вероятности, необходимости, возможности, желательности, а также значения побуждения, волеизъявления, эмотивности, оценки, запрета и др. [Балли 1955; Золотова 1973; Виноградов 1975; Вольф 1985; Прокофьева 1990; Немец 1991; Попова 2000; Ваулина, Кукса 2010: 28 и др.].

Подобное понимание семантического объёма категории модальности объясняет закономерное стремление исследователей ограничить и структурировать разноплановый комплекс её значений, что становится возможным при использовании функционального подхода как наиболее эффективного инструмента изучения категории модальности [Бондарко 1971, 1990; Гехтляр 1975, 1996; Беляева 1985; Ваулина 1988, 1991, 1993; Зайнуллин 1986; Эслон 1987; Макарова 1989; Ляпон 1990; 1997; Шершнева 2000; Павловская 2000; Пляскина 2001; Зеленщиков 2010 и др.].

Функциональный подход основан на принципе анализа «от семантики к её формальному выражению» [Бондарко 1987: 6] и подразумевает «описание языковых фактов в направлении от смысла к его выражению, от функций к средствам их реализации» [Бондарко 2001: 6]. Репрезентация «сложной и многомерной категории языковой модальности с точки зрения семантической вариативности, а также средств выражения» [Ярцева 1981: 59] посредством функционального метода позволяет рассматривать разноуровневые языковые средства в рамках функционально-семантического поля.

Принцип поля как магистральный метод функциональной грамматики используется при изучении универсальных семантических категорий, к числу которых относится категория модальности. Формирование полевых структур (их центра, периферии, зон пересечения) подробно описано в коллективных трудах Санкт-Петербургского (Ленинградского) отделения РАН (см. подробнее: [Бондарко 1987 – 1996]). Функциональный подход активно используется в современных исследованиях по модальности, в том числе в диссертационных исследованиях, выполненных на базе калининградской

школы модальности [Островерхая 2004; Демидова 2005; Новоженова 2008; Лопатюк 2009; Капрэ 2011; Ткаченко 2011; Толстая 2013; Коковина 2013; Пробст 2014; Магдалинская 2015; Вэнцзе 2023; Абдуллаев 2025; Серганова 2025; Лосева 2026 и др.].

В контексте данного подхода функционально-семантическая категория модальности рассматривается как категория, состоящая из двух содержательно разнородных модальных пластов: **пропозициональной (онтологической)** и **прагматической (гносеологической) модальностей** [Ваулина 1993: 17], сосуществующих в диалектическом единстве.

Дифференцированность данных пластов детерминирована их функциональной направленностью. Пропозициональная модальность или *модальность диктума* [Балли 1955: 44] прямо и непосредственно связана с формированием/актуализацией номинативного аспекта предложения, выражает номинацию события внеязыковой действительности и её основные свойства. *Прагматическая модальность* или *модальность модуса* [Там же] участвует в формировании прагматического аспекта предложения, т. е. выражает «субъективно-авторскую оценку сообщения о событии внеязыковой действительности» [Островерхая 2004: 18]. Основу прагматической модальности составляют три содержательных компонента: субъективная, вопросительная, побудительная модальность.

При этом фокус нашего научного интереса сосредоточен на **пропозициональной модальности**. Структура данного фрагмента состоит из двух компонентов. Ядерным компонентом данного пласта выступает **объективная модальность**. Суть последней определяется тем, что посредством изъявительного и сослагательного наклонения фиксируется способ существования именуемого события с точки зрения того, как оно соотносится с внеязыковой действительностью. Так, при помощи изъявительного наклонения выражается то, что событие было, есть или будет. С помощью сослагательного наклонения указывается на то, что события нет, но оно возможно/целесообразно при других условиях. Вторым конституентом рассматриваемой пропозициональной модальности выступает **ситуативная**

модальность, занимающая периферийное положение в её иерархической системе. В рамках ситуативной модальности указывается способ существования события, «с точки зрения того, что подается как существующее в рамках наличной действительности (или за ее пределами): непосредственно само событие (ср.: *Холодно, Мальчик читает, Мальчик пойдет в школу*) или же определенные предпосылки этого события, например, его возможность (ср.: *Он может поехать*), необходимость (ср.: *Он должен поехать*), желательность (ср.: *Он хочет поехать*)» [Ваулина 1993: 17].

2.1. Ситуативная модальность как компонент макрополя категории модальности

Как известно, в рамках рассматриваемого фрагмента категории модальности реализуется ряд значений: «действительность», «возможность», «необходимость», «желательность». В то же время в современной лингвистике нет единого понимания модальных отношений, реализующихся в рамках ситуативной модальности, «характеризующейся наиболее широким составом частных значений и средств их языкового выражения» [Ваулина 2004: 18].

Так, ряд отечественных и зарубежных лингвистов, в числе которых В.З. Панфилов, Т.П. Ломтев, А.В. Зеленщиков, Ж. Дюбуа и др., выделяют только два основных значения – «возможность» и «необходимость» [Ломтев 1972; Панфилов 1977; Зеленщиков 1997 и др.]. Другие учёные относят к значениям ситуативной модальности значение «волеизъявление» [Золотова 1973; Грепл 1978; Лайонз 1978; Колобкова 1995 и др.]. Третьи, констатируя факт того, что «желательность» не рассматривается в качестве основного значения ни в логике, ни в лингвистике» [Колосова 2011: 295], убеждены в том, что ей определена «роль некоторого вспомогательного понятия, через которое могут получить толкование другие компоненты», например, «оценка» [Там же]. В то же время В.З. Панфилов, А.В. Бондарко полагают, что значение «желательности» не относится к числу модальных, поскольку «глаголы типа *хотеть, желать* своими значениями не указывают на характер объективных связей, и, следовательно, не выражают модальных значений» (см. подробнее: [Ваулина 1988: 21]). Вопрос о включении значения желательности в спектр

значений ситуативной модальности остаётся дискуссионным до сих пор. Соглашаясь с мнением Е.А. Пелих, считаем, что в числе причин, порождающих дискуссию, находится повышенная «психологичность» значения желательности, которая одновременно связана с двумя сферами: удовлетворения потребностей человека и выражения эмоций (см. подробнее: [В Пелих 1984: 3; Ваулина 1988: 20 – 21]).

Настоящее диссертационное исследование выполнено в традиции Калининградской школы модальности, признающей в качестве основных значений ситуативной модальности следующие значения: «возможность», «желательность», «необходимость» (см. подробнее: [Лопатюк 2009; Ваулина 2018: 14 и др.]). Соответственно, любое действие квалифицируется «путем установления соответствий между регистрируемым фактом и наличной действительностью» [Ломов 1977: 52] с точки зрения того, «каким способом подается этот факт – как возможный, необходимый или желательный» [Ваулина 1991: 15 – 16].

По мнению Г.А. Золотовой, такие модальные отношения составляют «третий уровень, выражающий отношение между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком)» [Золотова 1973: 151 – 152]. В этой связи «модальные отношения субъекта к действию (признаку) как испытываемое им внутренне, так и устанавливаемое извне, составляют содержание ситуативной модальности» [Там же].

Отметим, что в научной литературе представлены и другие номинации рассматриваемого модального конституента: «предметная модальность» [Пете 1970: 219; Рудник 1977; Ваулина 1988: 18; 1993: 17], «лексическая модальность» [Бондарко 1971: 47], «внутрисинтаксическая модальность» [Золотова 1973: 141 – 147], «модальность «по способу существования отношений между предикативными предметами» [Небыкова 1973: 85], «субъектная модальность» [Ломов 1977: 51; Ваулина 1988: 18], «вторичная модальность» [Филипповская 1978: 42], «модальность недействительности» [Зайнуллин 1986], «потенциальная модальность» [Беляева 1988], «ситуативная модальность» [Суворова 2001; Островерхая 2004; Лопатюк 2009; Подручная 2010; Магдалинская 2015; Ваулина 2021; Абдуллаев 2022 и др.]. В настоящее

время наиболее употребительным в лингвистике является термин «ситуативная модальность», введённый Е.Е. Корди [Корди 1982]. Вслед за С.С. Ваулиной, считаем данный термин наиболее подходящим ввиду «прозрачности его семантики, заключающейся в непосредственном указании на наличие определённой модальной ситуации», т. е. её возможности, необходимости, желательности в рамках текста (предложения-высказывания) [Ваулина 2021: 7]. Данный термин используем в качестве основного.

Ситуативная модальность, в отличие от объективной модальности, характеризуется отсутствием грамматического ядра, но в то же время, наличием разноуровневых средств выражения, среди которых преобладают лексические. Рассматриваемый конституент организован по принципу поля [Ваулина 1993: 17 – 27; 2021: 5 – 9]. Значения ситуативной модальности (возможность, желательность, необходимость, действительность) образуют функционально-семантические микрополя – микрополе возможности, необходимости, желательности. План выражения данных полей, как отмечалось выше, традиционно формируется в соответствии с отнесённостью к центру и периферии.

Ситуативная модальность играет важную роль в высказывании (шире – в тексте). Калининградская школа модальности объясняет это тем, что рассматриваемый фрагмент выполняет функцию «мотиватора события» [Островерхая 2004: 19; Лопатюк 2009: 10 и др.]. По мнению других исследователей – это «скелет» категории [Лич 1971], без изучения которого невозможно понять суть широкой многогранной категории языковой модальности. Г.А. Золотова считает, что ситуативная модальность осложняет и в то же время декодирует объективную модальность, образуя некий «семантический *x*» [Золотова 1973: 152]. Разделяя вышеприведённые мнения, отметим, что данный фрагмент модальных отношений играет основополагающую роль в предложении-высказывании (шире – в тексте) – выполняет функцию «внутренней несущей конструкции», в которую в зависимости от наличной ситуации встраивается глубинная мотивация субъекта осуществить действие или обозначить его предпосылки

(возможность, необходимость, желательность). Они, выражаясь посредством разнородных языковых средств, по мнению С.С. Ваулиной, И.А. Трофимовой, «содержат в себе аксиологический компонент, характеризуются этноспецифичностью» [Ваулина, Трофимова 2006: 354].

Как отмечалось выше, рассматриваемый в параграфе тип модальных отношений «отражает характер связи между определённым объектом реальной действительности и приписываемым ему признаком с точки зрения способа существования этой связи: её возможности, необходимости и желательности» [Ваулина 1988: 29], «являющиеся предпосылками актуализации потенциальной ситуации» или «превращения её в ситуацию фактическую» [Подручная 2010: 8]. Модальные значения «возможность», «необходимость», «желательность» являются основными структурно-содержательными компонентами ситуативной модальности, которые образуют соответствующие микрополя.

2.1.1. Модальное значение возможности

Модальность возможности, будучи «объективной тенденцией становления предмета, выражающейся в наличии условий для его возникновения», является одним из способов осуществления действия или его предпосылкой [ФЭС: 87].

По мнению ряда лингвистов, значение «возможность» является основным (базовым) в системе значений, которые входят в поле ситуативной модальности [ФЭС; Адамец 1978: 160; Ваулина 1988: 29 – 30; Подручная 2010: 8 и др.]. При этом учёные сходятся во мнении, что микрополе «возможности» не является изолированным, его границы характеризуются диффузностью и проницаемостью для других значений» [Ваулина 1993; Гатина 2007; Подручная 2010]. Е.А. Черноклинов, подробно описывая внутрикатегориальную взаимосвязь модальных значений, считает, что «этому

обстоятельству сопутствует кодирование одним модальным маркером разных перспектив» [Черноклинов 2021: 13 – 14].

С лингвистической точки зрения, выражение «возможности» проявляется «на уровне сообщения об условиях с помощью указания на соответствующие отношения между предметом (субъектом) и его действием, содержащихся в предложении» [Ваулина 1993: 36]. По мнению С.С. Ваулиной, «природа условий, определяющих тип связи субъекта и действия может быть двойственной: с одной стороны, не зависящими от субъекта, находящимися вне сферы его «влияния», а с другой – напротив, непосредственно связанными с соответствующими качествами самого субъекта» [Ваулина 1993: 36]. В связи с этим учёные дифференцируют возможность объективную (внешнюю) и субъективную (внутреннюю). В то же время установлено, что «обе разновидности возможности, отражая диалектически сложные и многообразные внеязыковые отношения, составляют общее инвариантное значение возможности, реализуются в предложении в различных частных значениях» [Ваулина 1993: 36 – 37; Островерхая 2004: 36].

Так, в рамках объективной возможности выделяются два частных значения: «1) «(не) иметь возможность выполнить действие», в связи с наличием / отсутствием каких-либо внешних по отношению к субъекту обстоятельств; 2) «(не) иметь право для выполнения действия», в связи с наличием / отсутствием юридических или нравственных законов. В составе значений субъективной возможности также выделяются частные значения: 1) «(не) быть в состоянии выполнить действие», в силу физического / психического состояния субъекта; 2) «(не) иметь способность выполнить действие», в силу наличия / отсутствия у субъекта соответствующих навыков, умений, знаний и т. п.» [Ваулина 1993: 36 – 37].

Отметим, что существуют другие классификации значений возможности. Например, О.В. Грива выделяет следующие: «1) внутренняя возможность – умение; 2) внешняя объективная возможность, появившаяся в результате стечения обстоятельств; 3) внешняя деонтическая возможность,

подкреплённая общественными правилами, документами; 4) внешняя возможность, предоставляемая другим лицом» [Грива 2020: 11]. Е.А. Черноклинов указывает, что в модальное поле возможности (алетическая модальность) включаются следующие три значения: «1) возможность в силу наличия умений или знаний (маркеры: «мочь/уметь»); 2) возможность как следствие возникновения условий (маркер «мочь»); 3) возможность как результат разрешения (маркер «мочь»)» [Черноклинов 2021: 6].

План выражения микрополя возможности составляют различные языковые средства, к которым относятся как «лексические модификаторы (собственно модальные, несобственно модальные), так и невербальные средства (грамматические средства выражения)» [Ваулина 1993: 37 – 61; Островерхая 2004: 49 – 108 и др.].

Собственно модальными экспликаторами возможности являются глаголы *мочь, позволять, удаваться*, сочетающиеся с субъектным инфинитивом, а также предикативы *можно, нельзя, невозможно* [Зиневич 2017: 663 – 666]. Актуализатором значения возможности могут служить и другие лексические и синтаксические элементы (см. подробнее: [Ваулина 1993: 39 – 49]).

К несобственно модальным операторам значения возможности относится группа несобственно модальных глаголов (*терпеть, иметь, успеть, достигнуть* и др.), прилагательные (*довольный, способный, готов* и др.) [Там же: 49 – 54].

В качестве грамматических средств выражения значения возможности выступают формы глагольного наклонения (см. подробнее: [Ваулина 1993: 54 – 61; Даниилиду 2008: 8 – 9]).

2.1.2. Модальное значение необходимости

Категория необходимости обозначает «такое развитие явлений, которое с неизбежностью вытекает из внутренних существенных взаимосвязей, взаимоотношений и взаимодействий этих явлений» [БАС. Т. 12: 97 – 98], т. е. выражает «существенную, закономерную связь явлений, которая вытекает из

самой природы вещей, и раскрывая сложность и многообразие этой связи, обуславливает широту и ёмкость модального значения необходимости» [Ваулина 1988: 55].

Ситуация необходимости, наряду с возможностью, относится к потенциальной, «требующей непременно воплощения в актуальную» [Терре 2006: 8]. Так же, как и возможность, необходимость возникшей ситуации определяется «факторами двоякого рода» [Ваулина 1988: 55; Терре 2006: 8].

Условиями (источниками) двоякости выступают «объективные (внешние по отношению к субъекту) и субъективные (внутренние причины морально-этического характера, преломлённые в сознании субъекта) причины (в иной терминологии – внутреннее долженствование и внешнее долженствование)» [Ваулина 1988: 55; Черноклинов 2021: 7]. В связи с этим разграничивается (с определённой долей условности) два вида необходимости: объективная и объективно-субъективная необходимость. Разнообразные условия модальной ситуации обуславливают вариативность значений необходимости.

Калининградская школа модальности выделяет внутри двух вышеуказанных типов необходимости ряд частных значений. Так, в диапазоне значений объективной модальности необходимости находятся два значения: «1) вынужденность, связанная с необходимостью выполнения общепринятых законов или с подчинением каким-либо внешним обстоятельствам»; 2) неизбежность, связанная с наличием неотвратимых, находящихся вне сферы влияния человека обстоятельств» [Ваулина 1988: 55]. В спектр значений объективно-субъективной необходимости входят следующие значения: «1) долженствование, связанное с наличием обуславливающих причин морально-этического характера; 2) потребность, связанная с квалификацией необходимого для выполнения действия как полезного, нужного, желательного с точки зрения существующих морально-этических норм» [Там же: 55 – 56]. Указанная квалификация предполагает присутствие в структуре ситуации необходимости оценочного компонента [Ваулина 1988: 55 – 56]. Примечательно, что в структуру микрополя долженствования могут

быть включены такие значения, как «1) неизбежность, 2) обязательность, 3) утверждение, 4) предположение, 5) возможность; 6) вынужденность» [Грива 2020: 11].

Содержательная сложность и неоднородность поля необходимости детерминированы «различными вариантами её актуализации, допускающими субкатегоризацию составляющих его семантических компонентов» (см. подробнее: [Загородская 2003]). В данном случае выделяемые значения необходимости «лишены резких разграничений и способствуют образованию смежных типов модальной оценки, в связи с чем поле необходимости вступает в различные отношения со смежными модальными значениями, такими как возможность, желательность, действительность и побудительная модальность» (см. подробнее: [Загородская 2003; Гатина 2007]).

В то же время модальное поле необходимости обладает собственными средствами выражения. К их числу относится широкий пласт лексических модификаторов, представленный различными частями речи (краткими прилагательными: *должен, нужен, обязан, вынужден, необходим* и др.; предикативными наречиями: *должно, надо, необходимо, нужно, положено, пора* и др.; глаголами: *надлежит, полагается, приходится, следует, стоит* и др.; существительными: *долг, необходимость, обязанность* и др.) [Хюник 2009: 164 – 165], а также «конструкции с независимым инфинитивом, разные типы сложных предложений, конструкции с двойным отрицанием» (см. подробнее: [Ваулина 1988: 65 – 67]).

2.1.3. Модальное значение желательности

Модальность желательности «реализуется в отношениях субъекта и действия, в основе которых лежат причины преимущественно внутреннего, субъективного характера» [Ваулина 1988: 69]. Иными словами, желательность связана с глубоким пониманием внутренних мотивов, переживаний, рефлексией субъекта действия (человека) и действия.

Как отмечалось ранее, желательность связана с двумя сферами: со сферой

удовлетворения потребностей человека и с эмоциональной сферой [Пелих 1984: 3; Ваулина 1988: 20 – 24]. При этом в научном сообществе многими учеными статус желательности как особого модального значения ставится под сомнение, что обуславливает дискуссионный характер вопроса о включении желательности в диапазон значений ситуативной модальности [Ваулина 1993: 24 – 25; Лосева 2026: 14].

Так, ряд лингвистов рассматривает желательность в качестве основополагающей категории. По мнению А.В. Зеленщикова, «желательность (желание) наряду со знанием, мнением, верой, восприятием и т. д. составляет препозицию модальных отношений» в целом [Зеленщиков 1997: 9]. М.В. Колосова определяет желательность как «универсальное значение, так или иначе представленное в разных языках» [Колосова 2011: 294]. Однако с точки зрения философии, желательность может предварять возможность, являясь одним из условий её реализации, а также – необходимость [ФЭС. Т. 1: 57]. Такое понимание предполагает диффузность полевых границ модальных значений. В то же время отмечается «определённая подчинённость значения желательности значению возможности» [Ваулина 1988: 69 – 70].

В лингвистике *желание* представляет собой «тип языкового значения, базовый ментальный концепт для национального языкового сознания» [Алтабаева 2003: 3 – 5; 2007: 109 – 111] и является эквивалентным «состоянию языковой личности» [Орлова 2008: 5]. Так, «основным мыслительным содержанием концепта «желание» является «желательность», которая объединяет в сознании субъекта реальный предметный мир и его идеальную картину» [Данилова, Петрова 2017: 47 – 48]. «Желание» характеризуется разноплановостью, поливариантностью, определяющими специфику объёма содержания поля «желательности».

Т.В. Романова, исходя из того, что «понятие желания соотносится и с понятием отражение желания в сознании» идентифицирует три «градуальные оппозиции по семам степени осознанности желания: 1) желание, которое имеет бессознательный характер возникновения желания, влечения, стремления (*тяга, тяготение; влечься, тянуться*); 2) желание, осознанное в недостаточной мере (*прихоть, каприз, привередничать*); 3) осознанное

желание, при этом компоненты с данной интегрирующей семой дифференцируются по семам морального плана возможности/невозможности реализации желаемого (*намерение, замысел, намереваться; надежда, надеяться; мечта, мечтать*)» [Романова 2008: 229 – 230]. Н.П. Мерзлякова, исследуя систему непрототипических средств выражения субъектных модальных значений, включает в семантическое поле желательности четыре значения: «1) собственно желание; 2) намерение; 3) формирование намерения; 4) попытка» [Мерзлякова 2010: 17]. Е.А. Черноклинов, исследуя волюнтативную модальность (модальность волеизъявления и желания), рассматривает данное значение «в неразрывной связи с булематической модальностью или «оптативом» [Черноклинов 2021: 7]. По мнению лингвиста, в основе этой связи лежит значение *намерения*, которое представляет собой один из маркеров волюнтативности, в структуре которой находятся два подвида *желания*: «1) желание с намерением совершения действия (маркеры «хотеть»/«желать»); 2) желание без намерения совершить действие (маркеры «хотеть»/«желать») [Там же].

В традиции калининградской школы модальности в микрополе желательности выделяется значение *желательности* в качестве инвариантного [Ваулина 1988: 20, 67 – 69; 1993: 24], как «элемент, который остаётся неизменным, повторяющимся, как общее в отдельном в каждом из членов класса (парадигмы)» [Дюбуа 1973: 269]. При этом степень внутренней предрасположенности субъекта действия выполнить действие находит выражение в частных (вариантных) значениях желательности, а именно: 1) «иметь желание выполнить действие», обозначающее желание в его общем проявлении (собственно желание); 2) «иметь стремление выполнить действие», обозначающее интенсивное желание, определяемое семантическим признаком «очень»; 3) «иметь намерение выполнить действие», обозначающее обдуманное желание, определяемое признаком «решить»; 4) «пытаться выполнить действие», обозначающее желание с указанием на попытку осуществления желаемого» [Ваулина 1988: 20, 67 – 69; 1993: 24].

Как видим, в современной лингвистике не существует единой

классификации значений, составляющих план содержания микрополя желательности.

В рамках настоящего диссертационного исследования мы опираемся на квалификацию значений модальности желательности, предложенную С.С. Ваулиной и коррелирующую с философским пониманием «желания». Данная классификация, на наш взгляд, наиболее полно охватывает значение желательности, учитывает многогранность её оттенков. При этом отметим, что схожие взгляды на состав значений желательности встречаются и в трудах других лингвистов [Алтабаева 2003, 2007, 2024; Чернова 1996; Бутвин 1986 и др.].

Значение «желание» (основа *желательности*), «находящееся в сфере психологии личности, её мыслительных процессов», как «особый элемент мыслительной деятельности человека» [Романова 2008: 221] репрезентируется посредством целого ряда разноуровневых языковых средств. Соответствующий комплекс можно разделить на две группы: лексические и нелексические средства выражения. Первую группу традиционно составляют лексические средства с семантикой желания: 1) глаголы (*хотеть, желать, жаждать, стремиться, искать, мечтать, домогаться, тосковать, томиться, алкать, возжелеть* и др.); 2) имена существительные (*желание, жажда, мечта, охота, стремление, хотение* и др.); 3) имена прилагательные (*желанный, алчный, жадный, амбициозный, возжеленный*, и др.); 4) наречия (*с радостью, охотно, с готовностью, нетерпеливо* и др.); 5) причастия (*жаждущий, стремящийся, тоскующий* и др.). Ко второй группе модальных модификаторов значения желательности относятся «невербальные способы» [Ваулина 1988; Корди 1990]. В данном случае речь идёт о формах наклонения – изъявительном, сослагательном, конструкциях с частицами *бы, чтобы*, а также о конструкциях с независимым инфинитивом [Данилова, Петрова, 2017]. Средства выражения модального значения желательности (лексические, нелексические) достаточно полно описаны в ряде научных работ [Ваулина 1988; Алтабаева 2003; Анисимов 2008; Орлова 2008; Колосова

2011; Данилова, Петрова 2017; Лосева 2026], что позволяет нам осветить данный вопрос в общих чертах.

2.1.4. Модальное значение намерения

В современной лингвистике существуют различные мнения относительно статуса модальности намерения. Намерение рассматривается как вариант желательности – «иметь намерение выполнить действие», а также в качестве самостоятельного модального значения. Одной из причин такого понимания намерения является сложность и разноплановость понятия «намерение». Словари фиксируют следующие значения рассматриваемой лексемы:

- «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [БАС, Т. 11: 229; МАС, Т. 2: 371];

- «мысль человека о том, что он хочет сделать, и готовность прилагать усилия для того, чтобы сделать это» [НОСС: 587];

- «предваряющая внутренняя установка на совершение действия, [которая – Ю.Б.] предшествует любой акции, совершаемой сознательно (от мелких бытовых дел до глобального переустройства мира)», «включает идею обдумывания и представление о вероятном результате» [НОСС: 587 – 593].

В связи со сказанным логичным представляется стремление ряда лингвистов выделить модальность намерения (в иной терминологии «интенциональную модальность») в качестве самостоятельного вида модальности [Зайнуллин 1986; Когалёнок, Яцко 2021 и др.]. Так, М.В. Зайнуллин в структуре «модальности недействительности» (соответствующей ситуативной модальности) выделяет в числе других модальность намерения» (интенциональную модальность) [Зайнуллин 1986: 123]. В этой связи важным представляется мнение Е.В. Зюковой, отмечающей, что «интенциональность представляет собой намерение субъекта совершить действие и цель действия (коммуникативное намерение)», а отношения между намерением субъекта и целью его действия имеют взаимосвязанный характер.

На уровне предложения-высказывания (текста) они «не исключают друг друга, а дополняют, так как в высказывании одно подразумевает другое» [Зюкова 2005: 7 – 8].

При этом, по мнению лингвиста, в качестве экспликаторов модальности намерения выступает корпус глаголов намерения, представляющих собой «неоднородную» группу, дифференцируемую по критерию «стадия намерения»: «1) глаголы, обозначающие сформированное намерение (*намереваться, нацеливаться* и др.); 2) глаголы, обозначающие предварительную подготовку к осуществлению действия (*планировать* и др.); 3) глаголы желания совершить действие (*желать, хотеть, тосковать* и др.); 4) глаголы попытки (*пытаться* и др.)» [Зюкова 2005: 8]. По нашему мнению, Е.В. Зюкова фактически выделила модальное микрополе намерения в качестве автономного компонента в структуре категории модальности, имеющего собственные средства выражения.

Теоретическим воззрениям Е.В. Зюковой близки научные взгляды Л.М. Васильева. Лингвист рассматривает отношения намерения как самостоятельную «семантическую модель» в структуре русского языка, [Васильев 2006: 395]. По мнению учёного, «нормативные средства выражения модальных значений сводятся к трём семантическим («глубинным») моделям: 1) модальный субъект + его мнение / + то, по поводу чего выражается это мнение; 2) модальный субъект (агенса) + побуждение (каузация) агенсом действия пациенса + действие (состояние) пациенса, каузируемое агенсом; 3) модальный субъект + его интенция (намерение) + действие (состояние), являющееся целью интенции» [Васильев 2006: 395].

Соответственно, по мысли указанных ученых, значение намерения подразумевает выражение многоаспектных отношений говорящего к ситуации, таких как: *предваряющая мысль, желание, цель, готовность к действию / степень готовности к действию* и др. Таким образом, модальное значение *намерения* способно выступать в качестве инвариантного, а «стадии намерения» – в его частных значениях. Дdiamетрально противоположной точки

зрения придерживается М.В. Колосова, которая считает, что *намерение* является одним из «добавочных семантических компонентов», входящих в структуру значения желательности [Колосова 2011: 296 – 297].

Как видим, вопрос целесообразности и закономерности идентификации модальности намерения в качестве самостоятельного компонента в структуре категории модальности является дискуссионным и составляет перспективу исследования.

Как отмечалось выше, в настоящей работе модальное значение «намерение» рассматривается нами в качестве частного (вариантного) значения желательности. С другой стороны, модальный рисунок конструкций, выражающих значение намерения, может быть различным. Ср.:

1) *Я собираюсь этим летом съездить на отдых в Сочи – давно мечтал отдохнуть у моря.*

2) *Я собираюсь в этом месяце устроиться на вторую работу – кредит как-то выплачивать надо.*

В первом случае очевидным является присутствие в содержательном плане предложения семы желания (*я хочу поехать на отдых в Сочи*). Во втором случае намерение говорящего, на наш взгляд, сложно интерпретировать в контексте желательности; скорее, речь здесь идет о вынужденном характере планируемого шага. Следовательно, в содержательный план соответствующей конструкции входит сема необходимости (*собираюсь выйти на работу – должен выйти на работу*).

При этом, на наш взгляд, значимым для рассматриваемого модального конституента является ещё одно значение ситуативной модальности – возможности. Последнее имплицитно содержится в самой основе намерения как явления: если субъект собирается/планирует сделать нечто – значит, соответствующее действие он воспринимает как принципиально реализуемое, осуществимое. Для иллюстрации этого тезиса снова обратимся к первому примеру. Высказывание *Я собираюсь этим летом съездить на отдых в Сочи – давно мечтал отдохнуть у моря*, помимо очевидной пропозиции *Я хочу*

съездить в Сочи (этим летом), имплицитно содержит и другую: *Этим летом я имею возможность съездить в Сочи* (ибо планирование неосуществимого с точки зрения говорящего действия лишено смысла). Сказанное справедливо и для другого примера: планировать устроиться на вторую работу субъект может только при наличии возможности это сделать (позволяют условия основной работы, есть соответствующая вакансия и т.д.). Таким образом, значение возможности присутствует в обоих случаях, тогда как значения желательности и необходимости имеют различную степень выраженности.

Сказанное позволяет нам высказать гипотезу о межполевом характере микрополя намерения, формирующегося на стыке модальных микрополей возможности, необходимости и желательности. При этом, в зависимости от того, какое из указанных микрополей в конкретном случае является доминантным (что определяется контекстом высказывания), меняется и модальная семантика языковых репрезентантов намерения.

§ 3. Глагол как лексическое средство выражения категории модальности

Как отмечалось выше, в семантической структуре предложения глагол играет роль «основного организатора» [Кацнельсон 1972: 88], устанавливающего модальную перспективу высказывания.

По мнению Ш. Балли, именно «на глагол возложена функция выражать модальность» [Балли 1955: 56], а именно выступать в качестве лексического экспликатора модального значения. В современной лингвистике «глаголы со значением возможности, долженствования, желания, т. е. глаголы, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания (*мочь, долженствовать, уметь, хотеть, желать, намереваться, пытаться, стараться, надеяться, затеять* и др.)», квалифицируются как модальные [ССЛТ 1985]. В то же время «не установлено их своеобразие, в частности в сравнении с модальными глаголами других индоевропейских языков»

[Озолина 1972: 121], а также не определён строго ограниченный класс модальных глаголов.

Сложность модальной квалификации глаголов обусловлена такими факторами, как их многозначность, интенциональность, а также наличие переходных случаев, связанных с особенностями их употребления, которые могут выходить за рамки стандартных правил и требовать дополнительного анализа контекста [Ваулина 2008: 674; Мразек 1964: 52; Лекант 1976: 73, 2007].

По мнению некоторых других лингвистов, сложность в данном вопросе заключается в ином. Примечательна в этом плане точка зрения С.В. Черновой, согласно которой основная проблема здесь состоит в «отсутствии единых формальных критериев, на основе которых представляется возможным выделить модальные глаголы» [Чернова 1996: 3]. В качестве параметров модального функционирования глагола С.В. Черновой предложены следующие критерии: *формальный* и *смысловой*. Первый предполагает сочетание «глагола с субъектным инфинитивом и может считаться удовлетворительным, если он совместим со смысловым критерием, т. е. с семантическими признаками модальных глаголов (или не будет противоречить этим признакам)» [Чернова 1996: 12]. Отметим, что выделение описанного формального критерия в контексте рассматриваемого вопроса обуславливается работами многих известных отечественных лингвистов [Золотова 1973; Виноградов 1975; РГ – 80; Чернова 1996, 2008; Ваулина 1988, 2008 и др.].

Второй критерий, смысловой, как отмечает С.В. Чернова, является «более сложным и не всегда удовлетворительным». Объяснение этому следующее: «перечень смысловых разрядов модальных глаголов представляет весьма пёструю картину семантических полей (зон)», которые нельзя подвести под интегрированный смысл «значение отношения субъекта к действию или высказыванию» [Чернова 1996: 12 – 13]. В качестве примера учёный приводит глаголы *мочь*, *хотеть*, *уметь*, в толковании которых не обнаруживается этот

смысл (см. подробнее: [Чернова 1996, 2008]). Поэтому *смысловой критерий* применим к рассматриваемым лексемам не во всех случаях. В связи с этим идентификация модального значения глагола в замкнутом семантическом пространстве или понятийной зоне становится возможной исключительно с опорой на контекстуальное окружение, позволяющее «обнаружить различные грани смысла: главное значение и вторичные смыслы» [Чернова 2008: 25].

Отметим, что научные воззрения С.В. Черновой близки теоретическим взглядам академика В.В. Виноградова – пионера в области изучения категории модальности и средств её выражения. В середине XX века лингвист определил, что «разнообразные оттенки модальности глагольного предложения, значительно пополняющие систему значений форм наклонения, всё чаще выражаются аналитическим сочетанием слов, в числе которых сочетания форм двух глаголов, из которых один своим лексическим значением выражает модальность другого глагола, облечённого в форму инфинитива» [Виноградов 1975: 64 – 65]. Фактически В.В. Виноградов первым предложил квалифицировать модальные глаголы с опорой на формальный и смысловой критерии.

Вышеописанная идея о глагольном сочетании как основе модального функционирования данной части речи получила развитие во многих трудах отечественных лингвистов. Например, Р. Мразек, С.С. Ваулина считают, что «с точки зрения синтаксической специфики модальные глаголы традиционно относят к числу интенциональных» [Мразек 1964: 52; Ваулина 2008: 675], «по самой природе своей направлены на какое-то распространение, более или менее требуя определителей для своей коммуникативной полноты» [Ваулина 2008: 675]. В качестве такого определителя выступает субъектный инфинитив, «в сочетании с которым, модальные глаголы становятся центральным компонентом грамматической структуры со значением предикативного признака» [Там же: 675 – 676]. Н.Е. Петров отмечает, что в указанных синтаксических условиях «функционально-модальное значение глагола связано с вещественной семантикой слова, но проявляется как

контекстуальное значение, входящее в состав синтактико-грамматических значений предложения в целом» [Петров 1982: 88].

Вышеприведённым научным взглядам близка позиция Л.М. Васильева. Учёный предлагает расширенную и более детальную классификацию модальных глаголов, в основе которой также находятся смысловой и формальный критерии. При этом учёный считает целесообразным рассматривать смысловой критерий дифференцированно: «1) на основе логического рассуждения; 2) с опорой на чувственное восприятие» [Васильев 2006: 391 – 392].

Формальным признаком модальных глаголов, как отмечает лингвист, является преимущественно «сочетание глагола с придаточным предложением», а также «сочетаемость некоторых глаголов с инфинитивом» [Там же: 393]. Таким образом, все типы оценочных, интенциональных, побудительных значений относятся к модальным, в связи с чем распределяет модальные глаголы на три класса.

К первому классу лингвист причисляет «оценочные глаголы, представляющие результат мыслительной деятельности, основанной на знаниях, опыте, сочетающихся с рассуждением говорящего (*Я считаю, что он прав*)». Класс оценочных глаголов подразделяется на два подкласса:

- 1) интеллектуально-оценочные глаголы (*verba putandi*);
- 2) эмоционально-оценочные (*verba affectuum*).

Таким образом, интеллектуально-оценочные глаголы (*verba putandi*) подразумевают логику суждения. Они выражают значение «*судить о чем-либо на основании мнения*» (*считать, полагать, мочь, находить*): *Я считаю, что он прав* = *Я осознаю его правоту, опираясь на мыслительный анализ своих знаний об это факте*; глаголы, имплицитно содержащие модальную сему в лексическом значении слова (*одобрять, признавать, винить*)» [Васильев 2006: 387 – 388]. Глаголы данной группы, по мнению Л.М. Васильева, «могут содержать семы возможности, желательности, необходимости (*верить, утверждать, предполагать, догадываться, рассчитывать, подозревать*),

сему потенциальной возможности (*мочь, уметь, смочь*), сему необходимости (*долженствовать, надлежать, следовать* и под.)» [Васильев 2006: 389 – 391].

Эмоционально-оценочные глаголы (*verba affectuum*) подразумевают чувственное толкование ситуации. Для глаголов этой подгруппы характерна семантическая модель: «модальный субъект» + переживаемое им чувство (положительное или отрицательное) + причина чувства (*чувствовать, радоваться, печалиться, удивляться, любить, терзаться*)), например: «Он боится, что ты не вернёшься = Он осознаёт, что испытывает страх по поводу вероятности твоего невозвращения»; глаголы желания (*хотеть, желать* и др.), а также краткие причастия, прилагательные, предикативы [Там же: 391 – 392].

Ко второму классу модальных глаголов Л.М. Васильев причисляет побудительные глаголы, «которые резко противопоставляются оценочным (*заставлять, побуждать, приказывать, требовать, просить* и др.). Для побудительных глаголов характерна семантическая модель: «модальный субъект + побуждение + действие пациенса». «*Иди – Прошу тебя идти / Приказываю тебе идти / Я требую, чтобы ты шёл* и др.» [Там же: 393 – 394]. Лингвист полагает, что к этому классу также могут быть причислены вопросительные глаголы типа *спрашивать*, глаголы речи типа *сообщать, объявлять, отвечать* и под. [Там же: 393 – 394].

Третий класс составляют интенциональные глаголы, занимающие промежуточное положение между оценочными и побудительными (*намереваться, собираться, хотеть, мечтать, намечать, планировать* и др.), а также синонимичные им глаголы с опорным значением *предполагать, решить*. Характерная семантика глаголов, образующих третий класс, «мысленный план + желание (интенция, намерение) осуществить этот план»: «*Я намереваюсь / собираюсь / думаю / предполагаю /... уехать*» [Васильев 2006: 395]. Лингвист отмечает, что данные глаголы имеют интенциональное значение только в формах несовершенного вида. В этом плане они сближаются с побудительными глаголами [Васильев 2006: 395].

На наш взгляд, классификация модальных глаголов, предложенная Л.М. Васильевым, характеризуется всеобъемлющей широтой охвата, скрупулёзностью отбора и понимания критериев, позволяющих квалифицировать тот или иной глагол в качестве модального оператора.

В то же время заслуживает внимания альтернативный взгляд С.С. Ваулиной на проблему классификации модальных глаголов. Учёный считает целесообразным разделить модальные глаголы на две группы:

«1) собственно модальные глаголы;

2) несобственно модальные глаголы» [Ваулина 1988; 2008].

Как отмечает учёный, глаголы первой группы (собственно модальные) представлены относительно небольшим количеством лексем, для которых «выражение модальных значений является единственной и основной функцией. Это глаголы *мочь, сметь, хотеть, желать, следует, подобает, надлежит*» и т.д.

Глаголы, относящиеся ко второй группе (несобственно модальные), «выполняют функцию модальных экспликаторов лишь в части своих употреблений в сочетании с субъектным инфинитивом. В других случаях они являются семантически полноценными лексемами, обладающими самостоятельными вещественными значениями (обозначают какое-либо конкретное действие, состояние или какой-либо признак) и в грамматическом отношении имеющими иную сочетаемость» [Ваулина 2008: 675 – 677]. С.С. Ваулина причисляет к группе несобственно модальных операторов глаголы психического состояния (*бояться, терпеть*), глаголы, обозначающие конкретное действие (*собираться* и т.п.) глаголы мыслительной деятельности (*думать, мечтать, мыслить* и под.). *Он мечтал о Родине – Он мечтал вернуться на Родину*, т. е. хотел вернуться на Родину; *Он боялся темноты – Он боялся войти в темную комнату*, т. е. не мог войти в комнату; *Он собирался в дорогу – Он собирался пойти в гости*, т. е. хотел пойти в гости» [Там же].

Подход к исследованию модальности русского глагола, предложенный С.С. Ваулиной, используется нами в качестве основного. Он позволяет

наиболее корректно определить функцию глаголов, в том числе глаголов мышления, в предложении.

Выводы

Глагол – главный компонент лексической системы русского языка, конструктивный, семантический центр всех глагольных предложений – достаточно часто становится объектом исследований. Однако в современном языкознании остаётся нерешённым вопрос унификации классификации глагольной лексики, отсутствие универсальных принципов и критериев её выделения, типологизации. Тем самым детерминируется существование терминологического многообразия соответствующих обозначений: *семантическое поле (СП)*, *лексико-семантическое поле (ЛСП)*, *тематический ряд (ТР)*, *группа (ТГ)* и др. Кроме того, вопросы определения их природы, принадлежности к тому или иному структурному элементу семантической системы языка остаются открытыми.

Содержательное значение глаголов, входящих в ЛСГ мышления, – важнейшего класса в общелексической системе любого естественного языка, – состоит в объективации комплексного значения мыслительного процесса (когнитивного и деятельностного), неразрывно связанного и интегрированного с языком (речью).

Сложность и многогранность понятия «мышление», языковая и речевая (коммуникативная) многозначность глаголов соответствующего лексического пространства, их принадлежность к составу различных ЛСГ (интеллектуальной деятельности, речи, эмоционального восприятия, физического ощущения, поведения) обуславливает существование разных взглядов и подходов к изучению исследуемых глаголов. Это, в свою очередь, порождает проблему установления рамок ЛСГ глаголов мышления, определения её состава.

Учитывая вышесказанное, мы полагаем обоснованным применение интеграционно-дифференцированного подхода к анализу глагольной лексики, опирающегося на следующие три системообразующих принципа: 1) принцип

иерархии; 2) денотативный (тематический) принцип; 3) принцип вариативности.

На базе полевого подхода из группы глаголов мышления нами были выделены глаголы *мыслить* и *думать*. Данные лексемы (или глагольные слова), являясь наиболее частотными, семантически ёмкими лексическими единицами, включаются всеми лингвистами в различные группировки глаголов мышления. Дополнительным аргументом для их выделения в качестве базовых репрезентантов мыслительной деятельности в русском языке являются их стилистическая нейтральность, отсутствие оценочных коннотаций и широкая представленность образованных от них префиксальных дериватов. Все вышеуказанные факторы обуславливают закономерность приобретения глаголами *мыслить* и *думать* статуса базовых лексем (центральных идентификаторов/репрезентантов) ЛСГ глаголов мышления.

Вслед за С.С. Ваулиной и ее учениками, разработавшими основные положения калининградской школы модальности, мы рассматриваем модальность как одну из ключевых функционально-семантических категорий, обеспечивающих живую связь высказывания с внеязыковой действительностью и определяющих его коммуникативный потенциал. Соответственно, основу данной категории составляют два конституента: пропозициональный (в рамках которого выделяются значения объективной и ситуативной модальности) и прагматический (представленный значениями вопросительной, побудительной и субъективной модальности).

Модальные значения «возможность», «необходимость», «желательность» являются основными структурно-содержательными компонентами ситуативной модальности, которые образуют соответствующие микрополя, границы которых характеризуются диффузностью. Ряд исследователей-модалистов рассматривает значение намерения (вариантное значение желательности) в качестве самостоятельного модального значения. Одной из причин такого понимания намерения является сложность и разноплановость самого понятия.

Как показал анализ теоретической литературы, ряд учёных включает глаголы мышления в класс модальных глаголов [Чернова 1996, 2008; Васильев 2006 и др.]. Опираясь на основные положения калининградской школы модальности, анализируемые единицы можно квалифицировать как несобственно модальные операторы, способные реализовать значения пропозициональной (объективной и ситуативной модальности) и прагматической модальности (субъективная, побудительная, вопросительная модальность).

ГЛАВА II. МОДАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ГЛАГОЛА *ДУМАТЬ* И ЕГО ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Вопросы периодизации русского языка

Поскольку практические главы нашего исследования посвящены изучению специфики модальной функции глаголов мышления *думать* и *мыслить* (и их префиксальных дериватов) на разных этапах развития русского языка, необходимо кратко описать существующие в теоретической литературе подходы к его периодизации и обосновать собственный выбор анализируемых синхронных срезов.

В современной лингвистике существует ряд научных трудов, посвящённых установлению и описанию хронологических рамок развития русского литературного языка (см. подробнее: [Якубинский 1953; Левин 1964; Филкова 1973; Виноградов 1978; Горшков 1984; Ваулина 1988; Винокур 2006; Лекант 2007, 2015 и др.]). Взгляды учёных характеризуются вариативностью, находящей отражение в различных классификациях [Николаева 2008]. Основной теоретико-методологической проблемой, не позволяющей выработать единую классификацию, является вопрос о критериях, которые могут находиться «в основе периодизации языка вообще и литературного языка в частности» [Горшков 1984: 55]. К их числу относятся следующие: «1) изменение структуры языка, 2) изменение его общественных функций, 3) изменение стилевой дифференциации, 4) изменение отношений между литературным и разговорным языком, 5) принцип соотнесённости истории литературного языка с историей литературы и культуры, 6) соответствие этапов истории литературного языка этапам истории народа» [Там же].

Однако опора на любой из вышеприведённых теоретических принципов, как отмечает А.И. Горшков, неизбежно приводит исследователей к единому пониманию того, что «все стороны функционирования и развития литературного языка связаны между собой, а главное – с историей народа»

[Горшков 1984: 55 – 56]. В связи с этим ряд исследователей предпочитает выделять в истории развития русского языка две главные эпохи: донациональная (XI – XVII вв.) и национальная (конец XVII в. – наши дни) (см., например, подробнее: Горшков 1969; Ковалевская 1978; Мещерский 1981 и др.]). Однако более широкое признание в отечественной науке получила детализированная хронологическая периодизация:

«I. Эпоха донационального развития русского литературного языка (образование и развитие древнерусского литературного языка).

1) Литературный язык древнерусской народности (XI в. – начало XIV в.).

2) Литературный язык великорусской (русской) народности (XIV – XVII вв.).

II. Эпоха национального развития русского литературного языка.

1) Формирование национального русского литературного языка (с середины / второй половины XVII в. и до начала XIX в. (до А.С. Пушкина)).

2) Развитие русского литературного языка в период от А.С. Пушкина до начала XX в.

3) Развитие русского литературного языка в советскую эпоху» [Горшков 1984: 57].

Период XI – XIV вв. совпадает с начальным этапом развития русского языка – древнерусским периодом. Как известно, литературный язык данного периода характеризуется жанровым многообразием. Значительную часть древнерусской письменности составляют тексты религиозной направленности (жития, слова, хождения, сочинения религиозно-учительного характера). Последние относятся к книжно-славянскому типу языка, «обслуживающему потребности церковно-религиозной литературы» (см. подробнее: [Ваулина 1988: 28 – 29]). Тексты светской литературы (летописи, различные поучения, частная переписка и др.) относятся к народно-литературному типу языка. В этот же период появляются немногочисленные юридические документы (свод древнейших законов «Русская правда») [Там же].

Синхронный срез (конец XIV – середина XVII вв.) совпадает со следующим этапом развития русского языка – старорусским периодом. Это эпоха формирования централизованного государства вокруг Москвы, ознаменованная в первую очередь «становлением и развитием великорусского языкового единства» [Ваулина 1988: 85]. Как отмечает Д.С. Лихачёв, Москва становится эпицентром литературного процесса, причём ещё до того, как она превращается в центр русской государственности. По мнению учёного, Московское государство изменяется прежде всего «в плане литературного развития, находящего воплощение в языке», а уже затем в аспекте государственности. При этом литература данного периода ориентируется на эталонное наследие XI – XIII вв. [Лихачёв 1999, Т. VI: 8 – 10].

Существенные преобразования в литературе и в языке наблюдаются и в период с начала XIV – по XVII вв., что было обусловлено стремительным развитием Московского государства в сфере политики и экономики. Именно в этот период отмечается активное использование делового языка, и, как следствие, расширение его функций, жанров, сближение делового стиля с собственно литературным (см. подробнее: [Виноградов 1958: 95; Ваулина 1988: 85 – 86]). Этот период отмечен также «появлением нового литературного стиля – экспрессивного, эмоционального, а вместе с тем и «учёного», усложнённого и часто торжественного» [Лихачёв 1999. Т. VI: 8].

Таким образом, старорусский период развития русского языка в первую очередь примечателен в плане сближения литературы, ориентированной на книжно-литературный тип языка с народно-литературным типом. Кроме того, в это время возникают новые повествовательные жанры, сфокусированные на реальной личности, при изображении которой начинают использоваться элементы психологизма [Ваулина 1988: 119]. Такие преобразования закономерно приводят к изменениям в языке (в его грамматическом строе и семантической системе).

Период с середины XVII в. до начала XIX в. (до эпохи А.С. Пушкина) – это время формирования национального русского литературного языка. Как

известно, в XVII веке существовали все предпосылки (государственные, языковые) для образования русской нации и русского национального (всенародного/общенародного) языка. В это время «складываются и закрепляются единые общенациональные нормы», происходит «перестраивание литературного языка как системы подсистем, возникает новая система разновидностей литературного языка, происходит развитие и преобразование литературы, играющей ключевую роль в развитии национального языка» [Горшков 1984: 148 – 150].

Что касается вопроса о границах современного периода развития русского языка, то и в этом случае существуют различные классификационные подходы. К примеру, П.А. Лекант отмечает следующую его «двуступенчатость»:

- «1) Эпоха творчества А.С. Пушкина (XIX век);
- 2) Конец XIX века и до настоящего времени» [Лекант 2007, 2015].

Этот же ученый предлагает разделять современный период развития русского языка на два подпериода: XIX век представляет собой первый этап развития современного русского языка, а период с конца XIX века и до настоящего времени считается вторым этапом, «характеризующимся вполне сложившимися, закрепившимися, совершенными языковыми нормами [Лекант 2015: 13].

По мнению экспертов портала Грамота.ру, «современным следует признать язык, начиная со второй половины XX века» [Грамота.ру]. Однако более распространенным является взгляд на временные границы современного русского языка, датирующий их рубежом XX – XXI веков. Как указывает О.В. Загоровская, на основе сопоставительного анализа типологических и лингвокультурологических черт языка в последние десятилетия XX в. и первые десятилетия XXI в. можно сделать «выводы о неоднородности новейшего периода развития русского языка и возможности выделения в нем двух этапов: «постсоветского» (с середины 80-х годов XX в.

до начала нового тысячелетия) и «собственно новейшего» (первые десятилетия XXI в.)» [Загоровская 2020: 16].

Принимая во внимание разнообразие точек зрения на периодизацию русского литературного языка, считаем возможным в процессе диахронического анализа специфики модального функционирования глаголов *думать/мыслить* придерживаться основных (общих) хронологических рамок. Описание эволюции глаголов мышления как экспликаторов модальных значений в выполненной нами работе производится по следующим синхронным срезам:

1) В качестве исходного состояния избран древнерусский период (XI – XIV вв.); 2) старорусский период (кон. XIV – сер. XVII вв.) становится источником языкового материала следующего исторического этапа; 3) в качестве завершающего этапа анализа выбрано более крупное хронологическое образование, включающее в себя период национального русского литературного языка (конец XVII – начало XIX вв.) и этапы его последующего развития до конца XX столетия. Вышеуказанный интегрированный подход к выбору третьего синхронного среза (объединение анализа языкового материала эпохи национального языка и постсоветского периода) представляется нам оправданным, поскольку соответствует внутренней логике модального функционирования глаголов мышления в течение двух данных периодов, демонстрирующей общий типологический вектор в использовании глаголов мышления как экспликаторов модальных значений. Как указывает в своей монографии «Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка» Ю.С. Азарх, «для нас важнее относительная хронология языковых явлений, или собственно лингвистическое время» [Азарх 1984: 5].

§ 2. Модальная специфика глагола *думати* в текстах

XI – середины XIV вв.

2.1. Глагол *думати* как экспликатор модальных значений

В словарях древнерусского языка фиксируется широкий перечень значений рассматриваемого глагола. При этом лексикографы выстраивают иерархию последних по-разному. Так, дефиниционный анализ глагола *думати* позволяет выявить следующие его значения:

«1. Совещаться, советоваться, совместно обсуждать что-либо. *Бѣ бо Володимеръ любя дружину и с ними думая о строи земленѣм и о ратехъ и (о) уставѣ земленѣм.* Лавр. лет., 126. *Да мы с резанскимъ да сѣли думать, как причащать ли его топере или нѣтъ.* Пис. к Никону, 164. 1652. [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 4: 373 – 374]; «1. Рассуждать, совещаться. *Игорь же доше Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ и рѣч црву.* Пов. вр. л. 6452 г. *Сѣдше думати с дружиною.* Поуч. Влад. Мон. *Богъ вложи в срце князем Рускы (мысль благу), Стополку и Володимеру, и снястася думати на Долобѣскѣ.* Пов. вр. л. 6611 г. [Сл. Срезн. Т. 1, Ч. 1: 743 – 744].

«2. Кому. Советовать. *Они же начаша думати ему: не ѣзди по нихъ.* Ипат. лет. 382. *И чтобы онъ кардиналь и любительную свою дочь воеводинку Сендомирьскую укрѣплялъ, и думали ей, что(бы) она крѣпко латынскую вѣру дѣржала.* Ин. Сказ., 94, XVII в. [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 4: 373 – 374]; «2. Мыслить. *Думаше, аще то разбюють, то и верхнии градъ примет.* Иос. Флав. В. Иуд. V. 6. 2» [Сл. Срезн. Т. 1, Ч. 1: 743 – 744].

«3. Замышлять что-л., иметь намерение что-л. сделать. *Глаголаху, яко думашета оба брата на него, и ловяшета убити его ловы дѣюща.* Флавий. Полон. Иерус. И. 80, XV в. *Не дружися, чадо, зъ глупыми, немудрыми, не думаи украсти, ограбити.* Горе Зл., 30. XVII – XVIII вв.» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 4: 373 – 374; Сл. Срезн. Т. 1, Ч. 1: 743 – 744].

«4. Думать, обдумывать, размышлять. *Грамоту нашу тот [Стефан] намъ сотвориль есть, единъ гадалъ, думалъ, составлявал.* Ж. Стеф. Перм. Епиф.,

74, XI – XVII вв. *Соломанъ живъ и емлетъ у гостей великъ даръ... а самъ думаетъ: еще мнѣне пора на степень царству сѣсть* (Пов. о Соломоне). Лож. и отреч. кн., 65, XVII в. [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 4: 373 – 374]; «4. *Церк.-сл.* этого слова нет. Употребляется в польском, словацком, болгарском языках в значении *говорить* [Сл. Срезн. Т. 1, Ч. 1: 743 – 744].

«5. Считать, полагать. *Люди думаютъ, что полно, естли въ церкви ходятъ.* Lud., 87. 1696. Думати думу, думы (с кем-л.) – совещаться, советоваться, принимать совместные решения. *И собралъ бы еси старѣишихъ своихъ бояръ ... да думалъ бы еси с ними добрую думу, коя бѣ пошла на добро.* СГГД II, 16, 1409 г. Думу думати (какую, о чём и без определения) – размышлять, замышлять, обдумывать что-либо. *Она жъ дѣва начатъ поведат(и) отцу своему, еже еи повеле Девгении, и рече Стратиг: Ту думу думали мнози храбри и не збытся.* Девг. д., 140 XI – XII вв.» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 4: 373 – 374].

Дефиниционный анализ показывает, что семантика древнерусского глагола *думати* (как и семантика корня -дум- (см. подробнее: [Шишков 2014]) связана с различными аспектами деятельности человека, в первую очередь с рассуждением и мышлением (в первом, втором, четвёртом значениях) как собственно мыслительными процессами (мыслить, строить умозаключения в логической последовательности, в том числе направленные на анализ; обсуждать; выражать мнение), а также с речемыслительной деятельностью (приходить к соглашению путём переговоров). При этом значение «совещаться», «советоваться» предполагает взаимное обсуждение чего-либо, формирование совместной договорённости («сговариваться»), обмен советами, мнениями с целью принятия решения; значение «обдумывать» – процесс целенаправленного обдумывания какой-либо ситуации (анализ) направлен на принятие (предварительного) решения. Следовательно, вышеприведённые глаголы содержат ряд таких ключевых сем, как «решение», «совет», «мнение». Кроме того, в третьем значении глагол *думати* объективирует значения «намерение», «замысел», «совет/предостережение».

Как показывает иллюстративный материал, в ряде случаев замысел имеет негативный характер. В качестве пятого значения фиксируются описательные единицы «считать», «полагать», указывающие на способность реализации пропозиции «мнение».

Рассмотрим, как указанные содержательные признаки связаны с различными модальными значениями.

Анализ примеров из литературных памятников Библиотеки литературы Древней Руси (БЛДР), а также из НКРЯ (Исторический корпус (Древнерусский)) показывает, что глагол *думати* функционирует как в основном его значении «мыслительная деятельность», в изъявительном наклонении, репрезентирующем значение объективной модальности, так и для обозначения различных значений ситуативной (в частности, значения («намерение»), прагматической (значение «запрет»/«предостережение») модальности.

Значение «объективная модальность»: *иные же хоулы възложиша на ня глѧ, и роптаста на мя. и завидѧста и доумаста, како мя оуморити*¹ – указание на факт мыслительной деятельности недоброжелателя, направленной на поиск способа умертвить говорящего (Ист. Иуд. войн. Иос. Флав.); *И събрачєся чернь, и волочаху добрые мужи, думающе с ними, кого цесаря поставятъ* (Пов.о взят. Царьгр.) – сообщение о факте рассуждения о том, кого выберут царём.

Значение «намерение»: *быс же вѣсть. къ кснѧткови. моужю стославлѧ оже двдвича доумаєта* [имеют намерение – Ю.Б.] *ити. брата своего. святослава.* (Киев. лет.); *Кондратъ же князь с Ляхы своимъ полкомъ а Тюима своимъ полком. и тако идяхоу с великою крѣпостью оусердьно не дошедшим же имъ города. Сохачева. и доумахоутъ* [имеют намерение – Ю.Б.] *взять его.* (Вол. лет.)

¹ В целях обеспечения читаемости текста в настоящей работе при цитировании памятников письменности используется упрощенная графика с сохранением буквы древней кириллицы *ять* (ѣ).

Проиллюстрируем дифференцированность значений «намерение» и «желание». *И заутра рано исполчися царь Василий и думаше* [имел намерение – Ю.Б.] *чрезь реку ехати, хотяще* [хотел – Ю.Б.], *яко зайца в тяняте, яти* Девгения (Девг. деян.).

В зависимости от типа намерения, выраженного в значении инфинитива, сочетающегося с глаголом *думати*, реализуется значение «намерение», отражающее как положительное, так и негативное отношение пишущего к описываемому действию. В дальнейшем мы их будем условно называть «положительное намерение» и «негативное намерение».

Подзначение «положительное намерение»: (Владимир)...*думаста* [имел намерение – Ю.Б.] *поставити церковь каменну* (Пов. о Благ. церк.). Лексическая единица *церковь* интерпретируется социумом как важный институт, формирующий морально-этические нормы общества. В связи с чем говорящий квалифицирует намерение построить церковь как положительное (благое).

Подзначение «негативное намерение»: *Владыка и Новгород послали за ними архим. Иосифа; те явились и сказали: «Не думали* [не имели злонамерения – Ю.Б.] *есмы, на брата своего на Луку. что его убити, не засылали на него* (Новг. лет.); *аристовоуль бо хотя приложити бѣдоу на нее. имже теца его бяше. посла к нему и веля блюстися от царя. доумаеть* [имеет злонамерение – Ю.Б.] *оубити ю понеже вѣсть емоу бысть* (Ист. Иуд. войн. Иос. Флав.). Намерение убить квалифицируется говорящим (и социумом в целом), как противоречащее принципам морали и закону. Кроме того, в примере присутствует лексический маркер *оубити*, в семантике которого содержатся пейоративные семы «лишить жизни», «уничтожить».

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *Святославъ же прия дары и поча думати* [начинают решать – Ю.Б.] *съ дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе* (Пов. врем. лет.); *Половци же, слышавше, яко идуть русь, и собрашася бес*

числа и начаша думати [начали решать – **Ю.Б.**]; *И я вѣру Давыдови, и перельсти Давыдъ Святополка, и начаста думати* [начали решать – **Ю.Б.**] *о Василиѣ, а Василко сего не вѣдаше и Володимеръ* (Там же). В вышеприведённых примерах эксплицитно выражено указание на начальную фазу намерения посредством фазисных глаголов *почати, начати*.

Субъективная модальность со значением «мнение»: *но думаю* [считаю – **Ю.Б.**], *господи, яко хронецъ есть крал* (Сл. и поуч. Кир. Тур. Прит. о чел. душе и теле).

Значение побудительной модальности «запрет»: *а егда видиши тѣло погребено в земли, не мни и не дума* [не думай – **Ю.Б.**] *ту суци и душа...* (Сл. и поуч. Кир. Тур. Прит. о чел. душе и теле).

Как показывает анализ текстового материала, примеры модального функционирования глагола *думати* представляют собой синтаксические конструкции, объективирующие значение целенаправленной деятельности, направленной на прямой объект (*доумахоуть взять его; не думали убити брата*) или косвенный (*думашеть (ити) з дружиною своею, думаше чрезь реку ехати*).

Как правило, соответствующая интенция передается посредством глаголов в форме настоящего времени (*доумаета ити; думашеть убити*), а её реализация относится к плану будущего. В то же время не исключается возможность временной отнесённости намерения к плану прошлого, выраженного глаголами в форме имперфекта или перфекта (*доумаше бѣжати, не думали убивать*). Данный факт является очевидным и прогнозируемым, поскольку факт формирования намерения (принятия решения) уже состоялся. Сформированное намерение находится в процессе или в перспективе реализации.

Анализ текстового материала позволяет выявить синтаксические условия модального функционирования глагола *думати*. В первую очередь речь идёт о конструкциях с инфинитивом лексически неограниченной семантики. *Изнаиде собѣ Треняту..., и с тѣмъ думашеть убити Мндовга* (Гал.-Вол. лет.);

Рассмотрѣвъ Иосифъ, яко нѣсть уже спасения, думаше побѣгнути изъ града (Ист. Иуд. войны» Иос. Флав.). При этом не исключается возможность его автономного модального функционирования в тех случаях, когда наличие инфинитива подразумевается автором: *Думашета оба брата на него* (Иос. Флав.).

В ходе анализа была установлена сочетаемость исследуемого глагола с акциональными глаголами физического действия (*взять, ехать, идти, оуморить, побѣгнуть, убить* и др.). Семантико-синтаксическая классификации глаголов подробно описана Г.А. Золотовой [Золотова 2004].

Материал исследования показывает способность глагола *думати* реализовывать значения объективной, ситуативной модальности (значение намерение и его оттенки «положительное намерение», «негативное намерение», «намерение с семантическим модификатором «начало действия»), значения прагматической модальности (значение «совет/запрет», а также пропозицию «мнение»).

Реализация соответствующих модальных значений является типичной для жанров светской литературы, таких как летопись, история, повесть, рассказ, сказание, деяние, тяготеющих к народно-литературному типу языка.

Материал исследования позволяет выделить способность модального функционирования ряда производных глагола *думати*, таких как *сдумати* (*здумати, съдумати*), *подумати*, *удумати* (*вдумати*), *задумати*, анализ которых представлен в следующих подпараграфах.

2.2. Модальное функционирование глаголов

сдумати (здумати, съдумати)

Исследование показывает достаточно частотное употребление деривата *сдумати* (*здумати, съдумати*) в древнерусских памятниках письменности. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» фиксируется широкий ряд его значений:

«1. Подумать, поразмыслить (думать, размышлять). *Того лѣта, коли Альбрахтъ владыка рижьскѣи умерлъ, сдумавъ князь смоленскѣи Мъстиславъ Давыдовъ сынъ, и присла в Ригу своего лучьшего попа Еремѣя.* Смол. Гр. 1229.

2. Сообща обдумать, обсудить и прийти к единому мнению || Сообща обдумав, принять решение, порешить. *Свъкупишися братья ...и сдумаши перенести мощи Бориса и Глѣба.* Ипат. лет. (к. XIII – нач. XIV вв.).

3. Задумать, замыслить что-л., вознамериться что-л. сделать. *Не токмо жь помысли, но и дѣлом сотвори, и сице же ему умысливишу, еже издавна то у него здумано бяше.* Ж. Стеф. Перм. Епиф. (XV – XVI вв.) || Возыметь умысел против кого-, чего-л.

4. Понять что-л., убедиться в чём-л. *Половци же ти слышавше объѣхавша Глѣба къ Переясвлю. И сдумаши, се Глѣбъ ѣхалъ на ону сторону къ онѣмъ.* Ипат. лет. (1172).

5. Решить после раздумья, надумать. *И какъ богъ дастъ милость свою и здумаешь ты ...послатъ мне деньги...* Ревел. а. I, 294. 1674.

6. Одуматься; передумать, раздумать. *И не покоришися имъ пѣсковичи и не выгнаши от себя князя ...князь же Святославъ и всм людие, сдумавшие на пути, воротилися съ Дубровны* Моск. лет. (1206).

7. Придумать, выдумать, измыслить. *А Ахматъ ...замысли сдумати клевету на Олга к Ногою царю.* Моск. лет., 154» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 23: 251 – 252].

В качестве первого в семантической структуре глагола указывается значение собственно мыслительной деятельности. Значение мыслительной деятельности подразумевает либо ограниченность во времени («подумать некоторое время»), либо более глубокое обдумывание какой-либо проблемы, ситуации («поразмыслить»). При этом процесс обдумывания подразумевает необходимость всестороннего и глубокого изучения вопроса, мысленный анализ перед принятием решения. Данный факт позволяет сделать вывод о

том, что в значении глагола «поразмыслить» имплицитно содержится семема «принять решение после обдумывания», а также модальная сема «решение».

Во втором значении рассматриваемая лексема также реализует модальное значение «решение». На соответствующее значение указывает глагол «обдумывать» («сообща обдумав»), имплицитно выражающий модальное значение «намерение» в его разновидности «(совместное) решение».

Исследуемый дериват в третьем значении «задумать, замыслить, вознамериться» реализует значение намерения в его подзначении «заранее обдуманное намерение», «план».

В качестве четвёртого фиксируется значение «понять что-л., убедиться в чём-л.», актуализирующие значение «когнитивная возможность».

В пятом значении эксплицитно выражено значение «решение», принятое после некоторого размышления, обдумывания, а в шестом значении «одуматься; передумать, раздумать» – «изменение намерения».

В качестве седьмого фиксируется значение «придумать, выдумать, измыслить» – «(творческое) решение» в ряде случаев без непосредственной опоры на реальность.

Присоединение префикса *с-* (*з-*, *сь-*) в значении «при указании временного начала действия» [Ст.-слав. сл. РЯ: 635 – 636] репрезентирует модальное значение намерения с семантическим модификатором «начало действия»; «при указании направления движения, действия *с, из, от; заранее*» [Там же] объективирует значения ситуативной модальности «заранее составить план действий» (задумать); в значениях «при обозначении противопоставления» [Там же], «для обозначения замены» [Сл. Срезн. Т. 3: 637] актуализирует модальное значение «изменение намерения» в результате переосмысления; а значение «для обозначения совместности» [Сл. Срезн. Т. 3: 638] объективирует значение «решение», преимущественно принятое совместно с кем-либо.

Анализ текстовых примеров показывает, что дериват *сдумать* функционирует как в основном его значении «ограниченная во времени

мыслительная деятельность», репрезентирующем значение объективной модальности, так и в значении ситуативной модальной функции – в значении «намерение» в его различных подзначениях).

Значение «**объективная модальность**»: *Князь же великий Дмитрий Ивановичъ з братом своимъ съ князем владимером Андрѣвичем и съ всѣми русскими князи и воевода здумашиа как сторожу твердо уготовити в полѣ* (Сказ. о Мам. поб.) – описание факта действительности, связанного с обдумыванием ситуации, связанной с установлением засады в поле. *Новгородъци призваши пльсковиче. и ладожане и сдоумашиа яко изгонити князя своего всѣволода* (Новг. перв. лет.) – сообщение о факте мыслительной деятельности, касающейся вопроса изгнания князя. *Глѣбъ рѣчь князиим Половецкихъ вѣсхотѣ к нимъ ити на с ним и рекъ посломъ Половецкимъ иду к вам и думашиеть з дружиною свою о томъ к которым поидемъ передъ* (Сузд. лет.) – указание на факт логистических размышлений князя Глеба.

Значение «**намерение**»: *а Давыдъ игоревичъ седяше опрочь, и не припустяху его к собе и особе думаху о Давыде. И сдомавише* [имел намерение – **Ю.Б.**] *послати* къ давидви мужи свои: *стополкъ – путяту, володимеръ – ратибора* (Пов. врем. лет по Ипат. спис.); *Глѣбъ з дружиною свою и здумашиа* [имели намерение – **Ю.Б.**] *преж ити* к Переславлю (Сузд. лет.); *кесарь же съдума поставити* [имел намерение – **Ю.Б.**] *тоу на стражбу десятии плѣкъ конники и пѣшцы. и понеже изъсправи вся ратна* (Ист. Иуд. войн.).

Подзначение «**положительное намерение**»: *Съвѣкупишиася братья, русции князи..., Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожъ, и Давыдъ Святославицъ, и Олегъ, братъ его, и сдоумашиа* [положительное намерение – **Ю.Б.**] *перенести* мощи Бориса и Глѣба (Пов. о Бор. и Гл.). Квалификация данного решения как положительного (мелиоративного) обусловлена моральными принципами социума, почитающего институт церкви.

Подзначение «**негативное намерение**»: *И сдума* [негативное намерение – **Ю.Б.**] *Валаомъ с людьми земьскими отверѣщися* цѣсаря Киканоса (Жит.

Прор. Моис.); *Глебъ, князь Рязаньскыи, Володимиричь, наученъ сыи сотоною на убиство, **сдумавъ** [негативное намерение – Ю.Б.] въ своемъ оканьнемъ помысле, имея поспешника Костянтина, брата своего, и с нимъ диявола, юже и прельсти, помыслъ има въложи. приемиши же в себе мысль сию и скрышиа ю во сердци своем* (Рас. о преступл. ряз. княз.). На негативный характер намерения указывают лексические маркеры *отврѣцися, сатана, дьявол, окаянный помысл*. В их семантике содержатся пейоративные семы: «непризнание своим», «чужой», «отказ от кого-либо, чего-либо», «злое начало» и т.п.

Подзначение «изменение намерения»: *Посла Левъ дворьского перед собою. Изъехавше яша Милея баскака, и приведе Левъ Мелея отцю си, и бысть паки Бакота королева отца его. Потом же **сдумавъ** [изменил намерение (передумал) – Ю.Б.] со сыномъ, и **отпусти** и, а поручникъ бысть Левъ, яко верну ему быти* (Гал. лет.).

Примечательно, что в большинстве случаев рассматриваемый дериват объективирует значение «намерение», маркированное по семантическому значению «совместность действия»: *Князи же, **сдумавше** [сообща решили – Ю.Б.] с новгородци, поидоша к Переявлю* (Пов.о битве на Липице); *Володимеръ же **сдоумавъ** [сообща решили – Ю.Б.] со Лвомъ. и с братомъ своимъ. пославша рать свою. ко Вослониному* (Вол. лет.); *и тако не оумиришася и поѣхаша во своими си Рюрикъ же **сдоумавше** [сообща решили – Ю.Б.] с **моужи своими**. и посла стославоу река емоу се брате мира еси не оулюбилъ. а намъ оуже нелзѣ не доспѣшнымъ быти. а брате подоумаемъ о земли своеи* (Киев. лет.). Семантический признак «совместность действия» реализуется посредством предлога/форманта *с* (*съ, з*), имплементирующего в содержательную структуру слова сему «совместность».

Как показывает материал исследования, в большинстве случаев глагол *сдумати* (*здумати, съдумати*) употребляется в качестве экспликатора модального значения намерения (и его оттенков) в сочетании с субъектным инфинитивом: *Посем же **сдоумавше** князи **поити** на Ятвязи* (Вол. лет.);

Тъгда бояре, убоявъшися въвѣдения фрягъ, *сдумавъше* съ Мюрчюфломъ, *яти* цесаря Исаковиця (Пов.о взят. Царьгр. в 1204), расширяющимся за счёт прямого объекта (*сдумаши перенести* *мощи Бориса и Глѣба*; *сдума поставити* *десятыми плѣкъ конники на стражбу*). При этом отмечается автономная способность глагола *сдумати* реализовывать модальное значение намерения (и его подзначения): *Глебъ, князь Рязаньскыи, Володимиричь, научень сыи сотоною на убиство, сдумавъ въ своемъ оканьнемъ помысле, имея поспешника Костянтина, брата своего, и с нимъ диявола, юже и прельсти, помыслъ има въложи* (Рас. о преступл. ряз. княз.).

В ходе анализа была установлена сочетаемость исследуемого деривата с акциональными глаголами физического действия, например: *перенести, ити, уготовити, отверѣцися*.

К синтаксическим особенностям глагола следует отнести его системную реализацию в прошедшем времени преимущественно формами аориста (*сдумаши перенести, здумаши ити, сдумаши отверѣцися, сдумаше поити*). Также зафиксированы единичные случаи употребления форм имперфекта (*сдумаше князи поити*), плюсквамперфекта (*сдумали же бяхуть*). Закономерность использования форм прошедшего времени объясняется тем, что факт принятия решения/изменения намерения уже состоялся. При этом сформированное намерение подразумевает реализацию в будущем.

Как показывает материал исследования, употребление деривата *сдумати* (*здумати, съдумати*) в качестве экспликатора модального значения намерения характерно для народно-литературного типа языка, обслуживающего такие жанры светской литературы, как повесть, рассказ, летопись, сказание. Также зафиксирован единичный случай модального функционирования рассматриваемого глагола в тексте религиозной литературы, а именно в жанре житие (книжно-славянский тип языка).

2.3. Модальное функционирование глаголов

подумати, удумати (вдумати), задумати

Глагол *подумати*

Исследование разножанрового текстового материала показывает широкую употребительность деривата *подумати* в русском языке древнерусского периода. Словари фиксируют следующие его значения:

«1. Размыслить, поразмыслить; думать некоторое время. *Тамо царь приходил... а ко мнѣ [въ тюрьму] не вошёл; и дорогу было приготовили, насыпали песку, а он подумал – подумал, да и не вошёл* (Авр. Ж.) 1675 г. [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 16: 68]; «1. Рассудить, посоветоваться. *А брате, подумаемъ о земле своеи. Ип. лет.*» [Сл. Срезн. Т. 2: 1048].

«2. Умыслить, решить что-л. сделать. *И рече Яковецъ Савици: брате! Судить ти богъ и святая Софѣя, оже подумалъ еси на кровь братьи своеи. Новг. IV лет*» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 16: 68]; «2. Задумать, умыслить. *А... подумаетъ жена на мужа своего, зѣлиемъ оумари или инымъ чимъ, разлоучити ихъ. (По Переясл. сп.). Судить ти богъ и святая Софѣя, яко подумалъ еси на свою братью. Новг. I лет.*» [Сл. Срезн. Т. 2: 1048].

«3. Посоветоваться, посовещаться. *И для того морские велможы о том подумали и отредили многих начальних людей маностырские доходы збирати. Куранты*» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 16: 68].

Так, «Словарь русского языка XI – XVII вв.» в качестве первого значения глагола *подумати* фиксирует значение собственно мыслительной деятельности «размыслить, поразмыслить»; в том числе ограниченной во времени «думать некоторое время». В форме изъявительного наклонения данный глагол участвует в имплементации в модальную структуру предложения значения объективной модальности. В то же время в значении «поразмыслить», т. е. «основательно подумать, рассудить», имплицитно выражена модальная сема «вынести решение». Подтверждением тому, на наш взгляд, является вышеуказанный пример с лексической геминацией «подумал-

подумал», наглядно иллюстрирующий способность глагола *подумати* одновременно реализовывать значение собственно мыслительной деятельности [подумал некоторое время – *Ю.Б.*] и модальное значение «намерение» [подумал и принял решение не входить – *Ю.Б.*].

Кроме того, в «Материалах...» И.И. Срезневского указывается значение «рассудить», объективирующее значение ситуативной модальности «намерение», а также значение «посоветоваться», актуализирующее значение побудительной модальности (с семантикой совета). Отметим, последнее из вышеприведённых значений фиксируется «Словарём русского языка XI – XVII вв.» в качестве третьего.

Во втором значении глагол *подумати* реализует значение ситуативной модальности – значение «намерение» в его подзначении «планировать недоброе/предосудительное».

Как известно, ментальная деятельность не всегда ограничивается самим процессом. Как правило, целенаправленный мыслительный процесс предполагает некий анализ, появление намерения, подготовку/принятие решения, разработку плана действий. Присоединение префикса *по-* имплементирует в содержательный план глагола указание на целевой вектор мыслительной деятельности, что подтверждается словарными данными: «для обозначения цели (*для, по, за*)» [Сл. Срезн. Т. 2: 982]. Кроме того, в ряде случаев намерение сопровождается мысленным предположением о возможности / способе его осуществления, что также фиксируется в девятом значении форманта *по-*: «для обозначения способа» [Сл. Срезн. Т. 2: 982].

Словарные данные не противоречат фактической ситуации, сложившейся в языке рассматриваемого периода. Материал исследования показывает, что глагол *подумати* в своем основном значении «мыслительная деятельность» репрезентирует значения объективной, ситуативной модальности. Отметим, что реализация значения «совет» не фиксируется в текстах рассматриваемого периода (так же, как и в словарных изданиях).

Значение «объективная модальность»: *антонии же поработився похотию. повелѣ при нѣи (клеопатра) оубити я. безъ не же **подоумавъ** **яко** **неправо** **есть** **оубити** така царя блгаа мужа (Ист. Иуд. войн. Иос. Флав.)* – указание на факт размышления о неправомерности убийства (благоверного мужа).

Значение «намерение»: *и оттъ гнѣвъ от александра. а на феророу ся ряшетъ. и сеи поразоумѣвъ скоропремѣнение црство. и любовь крѣпкъ къ архелови. понеже не бысть ему блгообразенъ на спасение. и оставивъ ирода бежа къ архелови. (архелови) онъ же рече не вѣдѣ како могоу тебе испросити, повинна суца виною бесчисленую. и на царя **подоумавъ** [решил (что царь виновен) – **Ю.Б.**] и всю си злобоу приоуготовивъ на оуношу (Ист. Иуд. войн. Иос. Флав.); имъ от стрѣлъ. не бранени быша, овни. иже виною биюще пробиша. побѣдникоу же разбивающую стѣны. Иоудѣи трюдившеся от чяста боя и от бдѣния. **подоумаша** [имели намерение (решили) – **Ю.Б.**] **побѣгноути** во вноутреняя стѣны (Там же).*

Значение «намерение» с лексическим модификатором «совместность действия»: *иоудѣи трюдившеся от чяста боя и от бдѣния. **подоумаша** [сообща намеревались – **Ю.Б.**] **побѣгноути** во вноутреняя стѣны. рекше **яко** излиха **есть** сѣщися о внѣшнихъ стѣнахъ. двѣма оставшимася твердѣишима (Ист. Иуд. войн. Иос. Флав.); с же облагодарни строители видяще, възращение людское. **подоумаша** [совместно намеревались – **Ю.Б.**] **съ** **грамотеими** **яти** и **погубити** ихъ. да не малое не мало будетъ, егда великим ся свершитъ (Там же).*

Подзначение «негативное намерение»: *аще **подоумаетъ** [решит – **Ю.Б.**] жена на своего мужа, зелиемъ, или иными людми. а она имет вѣдати что моужа ея хотятъ **оубити** или **оуморити**. а моужю своему не скажетъ. а напоследѣ обьявиться. Разлоучити (Устав кн. Яросл. Влад.).* Маркерами негативного намерения выступают лексические единицы *убити*, *уморити*, содержащие общие семы «лишение жизни», «прекращение существования».

Вышеприведённые примеры иллюстрируют направленность ментальной деятельности на некий объект – прямой (*подумаши яти и погубити ихъ*) или косвенный (*на царя подумавъ*), наличие конкретной цели внутреннего размышления, сводящегося к выбору определенного решения.

Анализ текстового материала показывает, что глагол *подумати* в качестве экспликатора модального значения намерения реализуется в форме прошедшего времени (*подумалъ еси на кровь братъи своеи*), т. к. решение состоялось к моменту речи, наметив перспективу его осуществления.

В системных условиях модальное функционирование деривата *подумати* подразумевает наличие определённых синтаксических условий, заключающихся в сочетании с инфинитивом (*подоумаши побѣгнути*). В то же время не исключается модальное функционирование вне инфинитивной конструкции (*жена подоумаетъ на своего мужа зелиемъ*).

В ходе исследования установлена лексическая сочетаемость деривата *подумати* с акциональными глаголами – глаголами физического действия (*яти, погубити, побѣгнути* и др.).

Как показывает материал исследования, дериват *подумати* употребляется в качестве модального экспликатора преимущественно в светской литературе, в жанре история (народно-литературный тип языка).

Глагол *удумати* (*вдумати*)

Также к числу широко употребительных дериватов глагола *думати* относится глагол *удумати* (*вдумати*). Словари фиксируют следующие его значения:

«1. Принять решение, решить что-л. *И тако Изяславъ вдумавъ поиде к Любчю. идоша же до Любча е днии.* Ипат. лет. 361 || Замыслить. *А то удумали [никониане] со дьяволомъ книги препечатать, все переменить.* Ав. Ж.» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 31: 222]; «1. Надумать, порешить. *Первыхъ ярлыковъ не изыначивая, удумав, по тому есмь митрополита пожаловали.* Ярл. Берд.» [Сл. Срезн. Т. 3, Ч. 2: 1155].

«2. Задумать, замыслить. Или есте на ня оудоумали, то мы противоу васъ съ Стою Бцею. Новг. лет» [Сл. Срезн. Т. 3, Ч. 2: 1155].

Таким образом, основным значением глагола *удумати* (*вдумати*) являются значения «принять решение, решить что-л.», «надумать», «порешить», репрезентирующие значение ситуативной модальности «намерение», а значение «замыслить» – «негативное намерение». При этом в «Материалах...» И.И. Срезневского в качестве второго значения фиксируется значение «задумать, замыслить».

Присоединение форманта *у-* в пейоративном значении «укрытие, утаивание от кого-либо», «отнятие» [СлРЯ XI – XVII вв., Вып. 30: 306] к глаголу *думати* объективирует значение негативного намерения. Кроме того, префикс *у-* употребляется в значении «выражение нравственного участия или оценки: у (кого-л.): «Какъ уйдешъ у нихъ, аще не Господь поможетъ! Ав. Ж.» [Там же: 303 – 307].

Данные, полученные в ходе словарно-дефиниционного анализа, находят подтверждение в памятниках письменности, фиксирующих употребление глагола *удумати* в функции ситуативной модальности в значении «намерение» в его подзначении «негативное намерение».

Значение «намерение»: *Изяслав же стал, придя у Витечева.и ту приде к нему брат его ростиславъ силою многою. и оудумахъ* [имел намерение – **Ю.Б.**] *тоу перебрѣдоста днѣпръ* (Киев. лет.); *и тако нарядъ створше. в собѣ князи и дружина. и чернии клобоуци. и ки не. и не оудоумаша* [не имели намерения – **Ю.Б.**] *ити противоу имъ. полкомъ ити битъся. но припоустяче ъ к собѣ. тоуже сябити с ними* (Киев. лет.)

Подзначение «негативное намерение»: *а за то нашу братию избиша на озѣрѣ · а инии повѣдени · а вы роздравше та прочь · или есте на нас оудоумали* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] *тѣ мы противоу васъ съ святою богородцею* (Новг. И лет.). Маркерами негативной оценки намерения являются лексические единицы *избиша*, *роздравше*, обычно употребляемые в контексте событий, связанных с конфликтами и военными действиями. В

связи с чем говорящий квалифицирует намерение пойти войной (на них), как вступающее в противоречие с морально-этическими нормами общества. *Нечто Девгений уведаль и удумаль* [имел негативное намерение – *Ю.Б.*] *и над нами, либо хочет со многими вои быть* (Девг. деян). В данном текстовом фрагменте выражено беспокойство царя Василия по поводу возможных намерений Девгения (его замыслов), связанных с военными действиями.

В системном аспекте модальное функционирование глагола *удумати* (*вдумати*) предполагает сочетаемость с субъектным инфинитивом (*удумаль сотворить, не оудоумаши ити*), направленным на прямой объект (*удумаль сотворить нечто*) или косвенный (*не оудоумаши ити противу имъ*). В то же время репрезентируется модальное функционирование глагола *удумати* вне инфинитивной конструкции. *Или ...на ня оудумали, тъ мы противу васъ съ Святою Богородицею* (Новг. лет.).

Анализ текстового материала показывает, что модальный оператор *удумати* сочетается с акциональными глаголами физического действия, например: *сотворить, ити*. Употребление деривата *удумати* в функции ситуативной модальности встречается в тексте летописи и деяния.

Глагол *задумати*

В ходе исследования разножанровых текстов древнерусской литературы был выявлен единичный случай употребления деривата *задумати*.

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» фиксируется следующее его значение: «1. Задумать. ...*преж(е) понырения задумываетъ, до каких мест ей понырнувши в воде плыть, до тех местъ и пловетъ*. Козм., 442, 1670 г.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 5: 188]. Таким образом, основным значением деривата *задумывати* является значение модальности «иметь обдуманную готовность совершить некое действие».

В префиксальном деривате *задумати* присоединение префикса *за-* модифицирует значение глагола, актуализируя модальное значение «намерение». При этом служебный формант *за-* в значении «для обозначения пределов времени раньше или позже указываемого обстоятельства (*По зборъ*

за недѣлю (черезъ))» [Сл. Срезн. Т. 1: 891] объективирует временной аспект намерения – «заранее», «заблаговременно».

Единичный случай употребления деривата *задумати* в древнерусских памятниках письменности также свидетельствует о его употреблении именно в модальной функции намерения. Однако характер готовности субъекта намерения к изменению окружающей действительности в данном случае несколько специфичен, поскольку речь идет о наличии аналитической обоснованности данного намерения, его продуманности с точки зрения говорящего. В этом контексте здесь и далее мы считаем возможным в этой связи несколько расширить диапазон значений модальности намерения за счет включения в него дополнительного значения «план».

Значение «намерение», подзначение «план»: *Тогоже лѣта задумаша* [запланировали – Ю.Б.] *ити* *Олгови внуци на половци, занеже бяху не ходили томъ лѣтъ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ* (Лавр. лет.).

Сформированное к моменту речи намерение направлено на косвенный объект (*задумаша ити на половци*), относится к прошлому, соответственно выражено формой глагола прошедшего времени – аористом (*задумаша*). Данная лексическая единица практически не употребляется в языке рассматриваемой эпохи. Подтверждением тому в том числе служит иллюстративный материал к словарной статье, датируемый более поздним периодом развития – старорусским периодом развития русского языка.

Единичный пример употребления деривата *задумати* в функции ситуативной модальности не позволяет сделать вывод о системности синтаксических условий модального функционирования.

Отметим факт реализации модального значения глаголом *задумати* в сочетании с субъектным инфинитивом, традиционно обозначающим физическое действие (*ити, плыть*). Употребление рассматриваемого деривата в значении заранее обдуманного намерения зафиксировано в тексте летописи, относящейся к светской литературе (народно-литературный тип языка)

§ 3. Модальная специфика глагола *думати* в текстах конца XIV – середины XVII вв.

3.1. Глагол *думати* как экспликатор модальных значений

В данном параграфе рассматривается модальное функционирование глагола *думати* и его префиксальных производных в старорусском языке (кон. XIV – сер. XVII вв.), анализируется модальная специфика в динамике, устанавливается сфера их употребления.

Как показывает исследованный материал, глагол *думати* уже традиционно реализует модальные значения: значение объективной модальности, ситуативной (значение «намерение (решение)» в его подзначениях: «намерение (решение)», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия», «намерение (решение)» с семантическим модификатором «совместность действия», «негативное намерение (решение)»), а также реализует функцию прагматической модальности (побудительная модальность в различных значениях – «совет», «наставление» и др.).

Значение «объективная модальность»: *И о сем прилѣжно думаше и гадаше, искаше и пыташе, кого изыскати, избрѣсти и избрати, и поставити, и послати епископа в Пермъ, и како достоит епископу быти и какову подобает ему достоинством быти.* (Из Великих Миней Четъих митр. Макара.) – сообщение о факте мыслительной деятельности, направленной на выбор (достойной) кандидатуры. *И Юсуф деи со всеми мирзами думал, а хотел ити воевати царя и великого князя украину* (Посол. кн. по связям Москов-го гос-ва с Ногайской Ордой) – указание на факт совместных размышлений субъектов ситуации. *Геисенское собране Инѣ зачалос и учато. думами о великих делах и сверхъ всего. думают о прибавке воински людей* (Вести из Чех., Австр., Польш., Силезии, Франц., Голланд., Итал. и др. мест.) – факт размышления об увеличении воинского резерва. *И возлюбиха людие вси и*

*послушаху его во всем, глаголюще ему: «Да буди воля твоя над всѣми нами, вся повелѣнная тобою с радостию сотворяем: и се ты свѣси гораздо всякия обычаи московския, недавно бо еси оттуду пришед, и что про нас **думает** царь и великий князь: **миловати** ли нас или до конца **згубити**; и что подобает намъ о себѣ полезная смышляти: противная ли или смиренная»* (Казанск. ист.) – указание на факт царских размышлений, направленных на принятие решения (*миловати* или *згубити*). Примечательно, что в данном примере посредством глагола *думати* репрезентируется как положительное отношение пишущего к описываемому действию (*думает миловати* – простить, нежно обращаться, не причинять вред), так и негативное (*думает згубити* – привести к гибели, смерти). При этом объективная квалификация намерения возможна в условиях исчерпывающего контекста.

Значение «намерение: *Да **думаю*** [имею намерение – **Ю.Б.**] *я, государь, здѣсь в Никольском пруд **заводить*** (Грамотка приказчика И. Герасимова).

Значение «намерение» с семантическим модификатором «совместность действия»: *да и низкие католские с своими советники стоят в Ашенбурхе а на ночь имъ **сѣзжатицаи думат*** [имеют совместное намерение – **Ю.Б.**] *и того неведомо бдѣся* [Вес.-Кур.]; *А дѣловых людей пахату землю розделили мы через межу, и згонную, государь, крестьянскою пахату **думаем*** [имеют совместное намерение – **Ю.Б.**] ***розделить** черес межу* (Грамотка приказчика Р. Васильева и старост П. Романова и А. Федорова из д. Тельчья).

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *И собращася на вечи, **начаша думати*** [начальная фаза появления намерения – **Ю.Б.**], ***ставити** ли щитъ против государя и **запирати** ли ся во граде* (Пск. лет); *И ту **начаша** думу **думати** князь же Дмитрий с прочими князьями русскими...* (Пов. о наш. Тохт.); *И **нача думати*** [начальная фаза появления намерения – **Ю.Б.**], *з бояры, **въехати** в град Москву не явно, понеже бо тогда люди многие иноземци и послы* (Постник-ий лет-ц). Ограничение процессности временным пределом «начало» объективировано фазовым глаголом *начати*.

Как отмечалось ранее, глагол *думати* способен актуализировать значение «намерение» в его подзначении «негативное намерение».

Подзначение «негативное намерение»: *им по прежнѣму денег ни становѣ нѣ дали толко думают* [имеют негативное намерение – **Ю.Б.**] *ихъ побить* [Вес.-Кур.]. Говорящий оценивает указанное намерение как immoralное. Маркером негативной оценки служит лексема *побить*, в семантике которой содержатся пейоративные семы «избить», «убить», «умертвить». Кроме того, негативизация интенции усиливается посредством частицы «только» в значении «только, лишь» [Сл. Срезн. Т.3: 975]. *Да и опять думают* [имеют негативное намерение – **Ю.Б.**] *в ссылку меня послать* (Жит. протоп. Аввак.). Намерение послать в ссылку квалифицируется актантом как негативное. Лексическая единица *ссылка*, означающая наказание посредством насильственного переселения в отдалённый регион, выступает в роли соответствующего маркера. *Посадники же, пришедше въ Новъгородъ, начаша глаголати со слезами: «не думали* [не имели негативного намерения – **Ю.Б.**] *есмя ни гадали на брата своего Луку что его убить, ни засылали есмя на него»* (Никон. лет.). На отсутствие негативного намерения указывает отрицательная частица *не*.

Как уже отмечалось ранее, конструкции с рассматриваемым глаголом могут участвовать в формировании **модально-вопросительной** рамки высказывания: *Почто же ты, жиде, в царской двор ходиши? Не думаеш ли и сию царскую коруну изменить?* (Артакс. дейст. (1672); *нынѣца оспо како помышляете в бозѣ. гадка да в вашемъ здоровѣ русский: теперь, господа, как думаете поступить? На Бога надежда да на вашу силу (т. е. на вас)* (Берест. гр. 304).

Значение побудительной модальности «совет»/«наставление»: *Не прелищайся, чадо, на злато и сребро, не збирай богатства неправого, не буди послух лжесвидѣтельству, а зла не думай* [не имей намерения – **Ю.Б.**] *на отца и мать и на всякого челоуѣка, да и тебѣ покрываетъ Богъ от всякого зла* (Пов. о Горе-Злосч.); *Как сей столб стоит вовеки недвижим, назови лошадь именем*

или корову ту, так и ты вовеки **не думай** [не имей намерения – Ю.Б.] **бегать** (Приговор, чтобы не убегала лошадь); *Буде хочешъ розныя смѣты сколько нибуть въмѣсте сложить что ихъ будетъ, и ты ставь хоть 1000 чи, хоть 100, хоть 10, и опъ томъ не думай* [не имей намерения – Ю.Б.], *хоть многое число напередъ, хоть малое, толко чтобъ правая сторона была равна, а въ выкълатькъ ставь тѣ слова, которыя сверхъ десятку* (Пётр И. Отрывок из учебных тетрадей по арифм.). *Сею вам в темные леса, на луги зеленые, и вы свою собину топчите и толочите, а на меня, раба Божья, лиха не думайте* [не замышляйте злое – Ю.Б.] *и на мой на милой живот* (Заговор на посев поля).

Материал исследования показывает, что модальное функционирование лексемы *думати* традиционно реализуется в определённых лексико-грамматических условиях, включающих в себя семантику глагола и синтаксические условия (инфинитивные конструкции). В ходе исследования была установлена преемственность в плане синтагматических отношений глагола *думати* (*думаете поступить, думаешь взять и др.*). Инфинитив расширяется за счёт прямого и косвенного объекта (*думаю заводить пруд; имъ съѣзжатцаи думат*). При этом зафиксированы случаи автономного модального функционирования глагола *думати* с девербативом (*думают о прибавке (воински людей)*).

Намерение (решение), отнесённое к плану прошлого (*думали взять*) или настоящего (*съѣзжатцаи думат*), подразумевает перспективу реализации. По-прежнему фиксируется лексическая сочетаемость лексической единицы *думати* с акциональными глаголами физического действия (*съѣзжатцаи, побить*), а также с фазисным глаголом *начинати*.

Как показывает материал исследования, сфера модального функционирования глагола *думати* в качестве модального оператора значительно расширяется. Соответствующее употребление лексемы типично для народно-литературного типа языка – светской литературы (жанры: летопись, повесть, истории); для книжно-славянского типа, сферой

функционирования которого является религиозная литература (жанр: жития, минеи); для делового языка, а именно для юридических документов (жанр приговор), деловой документации (жанры приказ, грамотка), для дипломатической сферы («Посольская книга»), а также для публицистики (газета «Вести-Куранты»). Кроме того, зафиксированы случаи употребления глагола *думати* в качестве модальных экспликаторов в образовательном дискурсе (тетрадь по арифметике), а также в непосредственном устном общении («Речи» Семена Елизарьева).

3.2. Модальное функционирование глаголов

сдумати (здумати, съдумати)

Как и в языке предшествующей эпохи, дериват *сдумати (здумати, съдумати)* является широкоупотребительным. В ходе исследования текстового материала было выявлено, что рассматриваемый дериват выражает значения объективной модальности, ситуативной модальности – значение намерения (решения) и такие его подзначения, как «негативное намерение (решение)», «положительное намерение (решение)», «намерение с семантическим модификатором «совместность действия», «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия», а также значение вопросительной модальности.

Значение «объективная модальность»: *Новгородци призваша Псковичь и Ладожань и здумаша, яко изгонити князя своего Всеволода* (Моск-й летоп. свод) – указание на факт коллективного обдумывания действий, направленных на изгнание князя. *Сиа же слышавше воеводы Новгородцикиа и рекоша къ своей братьѣ: «о братиа, аще тако здумалъ нашъ господинъ князь велики съ нашими измѣнники, съ крестопреступники, съ Двинскими нашими воеводами, лутче, братиа, умерети за святую Софию, неже во обидѣ быти»* (Никон. лет.) – сообщение о факте размышления о своей участи.

Значение «намерение»: *И здумал* [имел намерение – **Ю.Б.**] *послати на Терку, и послал верных своих казаков да с ними астроханских жильцов, торговых людей, уговорити же людей* (Вес.-Кур.); *И здумал* [имел намерение – **Ю.Б.**] *послати на Терку, и послал верных своих казаков да с ними астроханских жильцов, торговых людей, уговорити же людей* (Писк. лет.).

При этом намерение, в зависимости от семантики присоединяемого инфинитива, может иметь негативный или позитивный характер.

Подзначение «негативное намерение»: *И здумали* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] *известити князя Данила. И мысля Кучка боярина дѣти со княгиною, како предати злой смерти* (Сказ. об убиен. Дан. Сузд.); *Князь же Константинъ, старѣйший сынъ его, услышавъ сиа, и разгорѣся яростию, и воздвиже брови своя з гнѣвомъ на князя Юрья, брата своего, и на всѣхъ думцевъ, иже здумаша* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] *сиа тако сотворити, и много волнение и смущение бысть о семъ, и мнози людие сюду и сюду отѣзжаху мятущеся* (Никон. лет.). *И не могучи совершити своего злого хотѣния, здумалъ* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *хитростью и насильством достигнуть того, которое дѣло было с великою жалостью отца тоѣ девицы и племяни ее, таково же и всего миру* (О прич. гибели царств). Таким образом, вышеперечисленные интенции являются предосудительными с точки зрения морально-этических норм общества. Негативный аспект намерения объективируется в соответствующей контекстуальной среде: *предати злой смерти, разгорѣся яростию, воздвиже брови своя з гнѣвомъ, свое злое хотѣние, хитрость, насильство.*

Значение «намерение» с семантическим модификатором «совместность действия»: *Ермакъ же совѣтомъ з дружиною услыша грозное слово и дѣло августа въ 29 числа, и с возвратомъ здумали* [имели совместное намерение – **Ю.Б.**] *бежать в Сибирь разбивать, обратя струги по Волге и по Каме вверхъ* (Ремез. лет. по Миров. сп.); *а князь Василей Ярославич в литвѣ будя, а того не вѣдая, здумал* [имели совместное намерение – **Ю.Б.**] *с бояры великого князя... поити искати великого князя* (Пов. об

ослепл. Вас. ИИ); *Князь же великий со отцем своим Фотием митрополитом и с матерью своею великою княгинею Софьею, и з дядями своими, князем Андреем и Петром и Костянтином Дмитриевичи, обослажесе тогда и со братом своим и дедом великим князем литовским Витофтом, и со всеми князи и бояры земли своя здумаша* [имели совместное намерение – Ю.Б.] *послати* ко князю Юрью отца своего Фотия митрополита (Писк. летописец).

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *великий государь, его королевское величество, въ грамотѣ своей писалъ, что неприятель Креста святаго, не отъ немалого времени имѣя въ великой у себя зависти соединение наше братское, присягою укрѣпленное, по призыванию измѣнника ево Дорошенка войну противъ государствъ ево всчинати здумалъ* [начальная фаза появления намерения – Ю.Б.] (Царск. грам.). На начальный этап формирования интенции указывает фазовый глагол *всчинати*.

Кроме того, конструкции с рассматриваемым глаголом могут выражать и **вопросительную модальность**: *Чему, господине, молчиши? Что еси здумалъ, кому приказываеши монастырь, братии ли?* (Рас. о смерти Пафн. Боровск.).

Разножанровые текстовые фрагменты демонстрируют активную употребительность глагола *сдумати* (*здумати, съдумати*), в том числе в функции объективной, ситуативной, прагматической модальности. При этом рассматриваемый дериват достаточно часто выступает в качестве экспликатора значения «намерение» в различных его подзначениях.

Намерение, направленное на прямой или косвенный объект (*здумаша посадити литовского королевича; здумаша пойти наполовец*), имеет отнесённость к прошедшему времени, что объясняет факт употребления рассматриваемого деривата исключительно в формах прошедшего времени (аорист, перфект): *сдумаша, здоумал*). При этом реализация намерения относится к плану будущего.

В системных условиях глагол *сдумати* способен выступать в качестве экспликатора модального значения «намерения» (и его подзначений), вопросительной модальности в сочетании с инфинитивом. Например: *Того же лѣта о Петровѣ заговѣнии новгородци и бояре Великого Новагорода приехаши в Торжокъ ставити города, совокупишиа и соединѣшиа с новоторжьци, и оукрѣпишиа крестным целованиемъ, и здумашиа стати заодинъ* (Отр. летописи типа Авраамки). При этом установлена возможность автономного модального функционирования глагола *сдумати*: *Князь великий здоумал на свою отчину...* (Псков. 1-я лет. Погод. спис.). В данном случае подразумевается инфинитив *пойти*.

Также в ходе исследования была установлена прогнозируемая комбинаторность деривата *сдумати* (*здумати, съдумати*) с акциональными глаголами физического действия (*бежать, достигнуть, изгнати, искать, поити, уготовити, послати, посадити, сотворити, поставити*), а также с неакциональным глаголом *быти* и неполнознаменательным фазисным модификатором *всчинати*.

В результате исследования было установлено расширение жанровых границ употребления глагола *сдумати* в модальной функции. Употребление рассматриваемой лексики типично для жанров светской литературы (летопись, повесть, сказание), а также для публицистической сферы (газета «Вести-Куранты»), сферы официально-делового общения (грамота), встречается в политических трудах (сочинение «О причинах гибели царств»).

3.3. Модальное функционирование глаголов *придумати, удумати*

Глагол *придумати*

В ходе исследования разножанровых текстов было зафиксировано употребление деривата *придумати*. В «Словаре русского языка XI – XVII вв. фиксируются следующие его значения:

«1. Прийти к выводу, выработать решение. *Придумалъ царь суланы и со князми к великому князю гонца послати. Крым. д. ИИ. 1517 г.; И совѣтъ*

сотвориши, како бы имъ собѣ в Вавилонѣ царя обрѣсти... и придумаша вси, и приговориша вси вавилоняне что поставити рогъ со измирномъ во вратѣхъ градныхъ Пов. Вас. ц.» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 19: 146].

2. Посоветовать. *Он меня заставил себя розувать и обувать и меня тем самым обесчестить. И вы мне придумайте, как мне отомстить царю Михаилу позоръ свой.* Сл. о цар. Мих. XVII в.» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 19: 146].

Таким образом, в качестве первого значения лексической единицы *придумати* указывается значение аналитической мыслительной деятельности («прийти к выводу»), репрезентирующее значение объективной модальности», а также значение ситуативной модальности – «намерение». Процесс выработки решения включает в себя такие составляющие, как анализ ситуации, выбор наиболее подходящего варианта из всех возможных. По нашему мнению, в семантике глагола *придумати* содержится имплицитно выраженная сема «возможность», что обусловлено характером описываемого глаголом действия. Подтверждение этому находим в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, фиксирующем следующее значение: «Придумать (придумывать) – изобрести, изыскивать умом, находить, открывать, размышляя, дойти своим умом, воображением. *Придумай сказку, выдумай. Придумывает от нечего делать; а также «затевают». Придумай, как тут изворотиться. Немец придумает, а русский сделает, перенявь»* [Сл. Даля. Т. 2: 374].

Второе значение «посоветовать» выражает значение прагматической модальности «совет».

При этом присоединение форманта *при-*, употребляемого в третьем значении «при обозначении объектных отношений» [Ст.-сл. сл.: 499], а также в значении «конец делу» («при – слитно съ глаголом: выражает *конецъ дѣлу. Все дѣла придѣлали* [Сл. Даля. Т. 3: 362] способствует преобразованию глагола мыслительной деятельности *придумати* в лексему, актуализирующую

модальные значения «намерение (решение)», «когнитивная возможность», «совет».

Материал исследования подтверждает способность глагола *придумувати* – *придумати* выступать в качестве модального оператора, выражающего значения объективной, ситуативной, прагматической модальности.

Значение «объективная модальность»: ...извещение творя на бояр на князя Никиту Иоановича и на сына его князя Якова Никитича и на князя Василия Феодоровича Одоевских, на Иоанна Михайловича Милославского, яко они **придумали послать** 6 приказов стрелцов на государеву службу, а последних порубить (Лет-ц) – указание на факт обдумывания проблем государственной службы. И ты деи пошли х кафинскому х Касыму, князю: как он о том **придумает** (Посол. кн. по связям Моск. гос. с Крым.) – сообщение о факте мыслительной (аналитической) деятельности князя.

Значение «намерение»: На татарской де празник был у царя съезд: и дума; и царь деи, и царевичи, и карачеи, и уланы, и князи, и мурзы **придумали** [имели намерение – Ю.Б.] к тебе, ко государю, посла Мурата-мурзу **не послати**, и нас, холопей твоих, **не отпустить** (Вести); и тогда неции от собора греческаго, священници, приложишиася единодушно к папе, злата доволно вземше и честь велику получиша, **и придумаша** [имели намерение – Ю.Б.] папе **дати** царю доволно злата, и да изведет папа царя за горы и все грекове к Риму близ во Фролентие (Холм. лет.). И въ кругу де, государь, **придумали** [имели намерение – Ю.Б.] онъ всѣмъ Войскомъ Яицкимъ, тотъ Немецкой карабль **пограмитъ**, дождався на Хвалынскомъ море, и **взять** ево **придумали** [имели намерение – Ю.Б.] на ходу, какъ онъ парусомъ побезжитъ по веснѣ, въ нынешнемъ въ 145-мъ году, а напередъ тово карабля, **придумали** [имели намерение – Ю.Б.] **громить** твои государевы бусы по той же веснѣ 145-го года (Отписка).

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): Хандыкеръ да крымскои царь к нам послов

своих прислали, чтоб нам троим, содиначився, Русь воевати, и мы тово **не придумали** [не смогли понять – **Ю.И.**] (Посольск. кн.).

Значение побудительной модальности «совет»: *И царевичи деи, и князи, и мурзы царю **придумали** [дали совет – **Ю.Б.**] **послать** деи тебе к Московскому гонца, а Турской деи на весну рать свою посылает, и тебе велит ити к Асторохани* (Посол. кн. по связ. Моск. гос-ва с Крым.); *И вы мнѣ **придумайте** [дайте совет – **Ю.Б.**], какъ мнѣ отомстить царю Михаилу позор свой* (Сл. о благочест. царе Мих.)

Как показывает материал исследования, намерение направлено на прямой объект (*придумали послать стрелцов; придумали послати и нас, холопей твоих*) или косвенный (*придумали миритца с королем*).

Анализ текстового материала показывает, что значение «намерение (решение)», выраженное глаголом *придумати*, относится к плану прошлого, соответственно, выражено формами прошедшего времени – преимущественно формой перфекта, а также аористом (*придумали отстаить, придумали послать; придумаши дати*). При этом подразумевается реализация намерения в будущем. Значение «совет» выражается глаголом в форме будущего времени (*придумает*) или императивом (*придумайте*).

Способность деривата *придумати* выступать в качестве экспликатора модального значения «намерения» актуализируется преимущественно в инфинитивной конструкции (*придумаши дати*). В то же время возможно его употребление вне инфинитивной конструкции (*и мы тово не придумали (воевати)*).

В ходе исследования была определена лексическая сочетаемость деривата *придумати* с акциональными глаголами физического действия (*отстаить, (не) послать, миритца, помирится, не отпустить, порубити*), а также с констатирующим глаголом *дати*.

В результате исследования разножанровых текстов было установлено, что употребление деривата *придумати* в модальной функции типично для текстов светской литературы (жанр летописи), а также для официально-

деловых документов – текстов дипломатического характера (Посольская книга), текстов деловой переписки (отписка), для публицистической сферы (газета «Вести-Куранты»).

Глагол *удумати*

Также в памятниках письменности рассматриваемого периода фиксируется употребление деривата *удумати*, реализующего модальное значение «намерение» преимущественно в его подзначении «негативное намерение», а также значение «намерение, маркированное по семантическому значению «совместность действия».

Значение «намерение»: *Вячеславъ же и Изяславъ пришедше сташа на Боловесь, и ту выидоша к ним из города князи, Ростиславъ и Изяславъ Давыдович и Святославъ Всеволодич; и начаша думати, хотяще поити по них; и не удумаши* [не имели намерения – **Ю.Б.**], *идяху бо прочь не оставающе, а уже бяшет к морозову; и тако совѣщаши раззвитися въ свояси, и готовитися всѣм, доколѣ рѣкы установятся* (Моск. лет. свод).

Подзначение «негативное намерение»: *И пошел Полкан к Бовѣ: «Брате Бова, долго спиши, ничего не вѣдаеш: хотят насъ мужики з города здать. И рече Бова: «Злодѣи – мужики, что ни продуму не гораздо удумали* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**]. *Не гораздо и имъ будетъ!»* (Пов. о Бове королевиче). На негативную квалификацию намерения указывает лексема *злодеи*, характеризующая людей, которые задумали определённое действие. Кроме того, говорящий оценивает данное намерение как негативное с семантическим признаком «очень», реализуемое посредством наречия *гораздо* в значении «значительно, намного» [НСРЯ. Т. 1: 326]. *Михайло Салтыков и Фетька Андронов удумали* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] *с Литвою великое воровское дело, то не велено ходити никаким руским людем ни с каким оружием, и по подворьем оружия никакова не держати и топоров; да не токмо со оружием: ни с ослопы, ни с палками, ни с ножи ходити* (Писк. лет-ц). Намерение украсть противоречит моральным нормам общества и закону, в связи с чем квалифицируется говорящим и социумом как негативное.

Лексическим маркером негативной квалификации намерения выступает лексема *воровской*, в семантике которой содержится семема «тайное присвоение чужого».

Значение «намерение, маркированное по семантическому значению «совместность действия»: *Мстиславъ же удумавъ* [имели совместное намерение – *Ю.Б.*] *съ Новгородцы, и послаша Добрыню Рагуиловичя предъ собою въ сторожѣ; Добрыня же пръвое изыма данники* (Никон. лет.).

Как показывает материал исследования, намерение нацелено на прямой объект (*удумали воровское дело*) или косвенный (*удумали съ новгородцы*). Процесс формирования намерения относится к плану прошлого, а его реализация имеет проекцию на будущее. Дериват *удумати* выполняет роль экспликатора соответствующего модального значения в конструкциях, подразумевающих инфинитив (*удумали (сделать) великое воровское дело; или есте на нас удумали (идти)*). Следует отметить низкую частотность употребления деривата *удумати* (5% от общего числа фактического материала, относящегося к данному периоду).

Анализ разножанровых текстов, относящихся к старорусской эпохе развития русского языка, позволяет сделать вывод о том, что глагол *думати* и его дериваты продолжают функционировать в качестве экспликаторов значения объективной, ситуативной модальности (значение намерения в его различных подзначениях), прагматической модальности (значение «совет», «предостережение», «запрет», «заговор»; вопросительные конструкции), а также устанавливают пропозицию «мнение».

§ 4. Модальная специфика глагола *думать* в текстах конца XVII – конца XX вв.

4.1. Глагол *думать* как экспликатор модальных значений

Как отмечают исследователи семантики глагола *думать*, «в современном русском языке семантическая структура рассматриваемой лексической

единицы значительно отличается от её структуры в древнерусском языке» (см. подробнее: [Каныгина 2012: 84; Шишков 2014: 124 и др.]).

Согласно словарным данным, лексема *думать* является многозначной и включает в себя следующие значения:

«1. Мыслить, размышлять, предаваться раздумью. || Думать о ком, чём-либо, *разг.* про кого-, что-либо. || Думать над чем-либо. || Думать за кого-либо.

2. *Перех.* Мысленно сосредотачиваться на чём-либо, обдумывать что-либо. || *Перех. и неперех.* Держать что-либо в уме, в сознании; иметь какие-либо мысли, соображения. || И думать забыть. Перестать помнить о ком-, чём-либо.

3. Предполагать. || *Разг.* Подозревать кого-то, считать виноватым в чём-либо. Думать на кого-либо. || Намереваться, собираться (*с неопр. ф. гл.*). || *Разг.* Думал было. Иметь мнение, суждение по поводу кого-, чего-либо; считать, полагать. || Много думать о себе. *Разг.* Быть о себе слишком высокого мнения. || Думаю, думаем и т. д., в кач. ввод. сл.

4. *Неперех.* Заботиться, беспокоиться о ком-, чём-л.

5. *неперех. разг.* Желать чего-л., стремиться к чему-л., мечтать о чём-л. || Надеяться, рассчитывать на что-л. || (И) не думай! Употр. для выражения запрета делать что-л. || Думать нечего; нечего (было) и думать. Невозможно надеяться, рассчитывать на что-л.» [БАС Т. 5: 421 – 423; НСРЯ Т. 1: 431].

В качестве первого в семантической структуре глагола *думать* указывается значение собственно мыслительной деятельности, репрезентирующее значение объективной модальности. Во втором значении собственно мыслительная деятельность сопряжена с модальным значением намерения (его подзначением «решение»). На это же модальное значение указывает приведенный в рамках словарной статьи в качестве синонима глагол «обдумывать», имплицитно выражающий модальное значение «намерение» в его разновидности «предварительное решение».

Глагол способен также выступать в значении «предполагать», в котором объективируется модальность предположения, неуверенности, например:

«Завидели ихуну: думали наша – нет: чересчур высок рангоут. Гонч. Фрег. «Паллада»; Неужели вы не знали [кто убил]? – спросил Смердяков. – Нет, не знал. Я всё на Дмитрия думал. Дост. Бр. Карамаз; Если бы у него спросили, что он думает о теперешнем положении России, то он бы сказал, что ему думать нечего, что на то есть Кутузов. Л. Толст. Война и мир» [БАС. Т. 5: 421 – 423].

Кроме того, глагол *думать* в значении «предполагать», способен выступать в качестве экспликатора комплексного значения «(предварительное) намерение + возможность / вероятность его реализации»: *«Комендант думал в тот же день подбросить арестанта. Пушкин. Кап. дочка» [Там же].* При этом в первом случае глагольное слово указывает на пропозицию «предположение/мнение», так называемые «личные модальности» (см. подробнее: [Прокопенко 1999]), а во втором – реализует ряд значений ситуативной модальности: «намерение», «возможность».

Словари также фиксируют характерное преимущественно для разговорной речи выражение «думать было», посредством которого также реализуется одно из значений ситуативной модальности – значение «намерение»: *«Сначала я думал было скоро увидеться с вами лично; ...потом моё намерение ехать к вам отложилось до весны.... Гоголь. Письма. 1848» [БАС Т. 5: 421 – 423].* В примерах данного типа, относящаяся к финитному глаголу, «частица *было* выступает в качестве антирезультатива или аннулированного результата» [Сичинава 2018: 83].

Заметим, что «существует давняя традиция рассматривать частицу *было* как модальную, прежде всего как маркер (неосуществленного) желания реализовать некоторую ситуацию» (см. подробнее: [Петрухин 2006]). При этом вышеуказанное модальное значение объясняется учёными сочетаемостью частицы с глаголами желания, попытки, едва намеченного действия, или в терминах Е.В. Падучевой, с глаголами, содержащими сему проспективности [Падучева 2016: 64]. По наблюдениям В.А. Плунгяна, характерные для древнерусского плюсквамперфекта и раннего современного

русского языка «антирезультативные» значения нереализованной модальности русскому языку в период с конца XVII до конца XX вв. свойственны в значительно меньшей степени [Плунгян 2001].

Модальные значения «желание», «стремление» эксплицитным образом содержит описание пятого значения рассматриваемого глагола, подразделяемое на две части: «желать чего-л., стремиться к чему-л., мечтать о чём-л.» и «надеяться», «рассчитывать». Если «желание» и «стремление» относятся к собственно модальным значениям, то «надеяться», «рассчитывать» объективируют более сложные, комплексные значения: «желание» + предполагаемая возможность его исполнения», например: «*А что, в этом первом письме вы просите её руки, что ли? – Я не смел и думать.* Герцен. Кто виноват?» [БАС Т. 5: 421 – 423; НСРЯ. Т. 1: 431] и «желание» + отсутствие возможности его реализации», например: «*[Иоан:] Второй мой сын Феодор; но и телом, И духом слаб он. Нечего и думать Ждать от него пособия иль дела!* А.К. Толст. Смерть Иоанна Грозн.» [Там же].

Кроме того, словари указывают на случаи функционирования глагола *думать* в качестве экспликатора побудительной модальности (значение «запрет»): «– *Ну, мамочка, позволь ехать. – Нет, нет, нет и не думай!* Верес. Порыв» [Там же].

Как видим, глагол *думать* в пятом значении реализует ряд значений ситуативной модальности: «желание», «стремление», «намерение», а также выступает в качестве экспликатора побудительной модальности – значение «запрет». Реализация вышеприведённых модальных значений типична для разговорного стиля речи.

Анализ примеров из НКРЯ, относящихся к рассматриваемому периоду, показывает, что глагол *думать* функционирует как в основном его значении – для обозначения различных аспектов мыслительной деятельности, актуализирующем значение объективной модальности, так и в функции ситуативной, прагматической модальности, а также способен устанавливать пропозиции «мнение», «предположение», «мнение-предположение».

В случае репрезентации объективной модальности рассматриваемый глагол в изъявительном наклонении указывает на факт целенаправленного мыслительного процесса.

Значение «объективная модальность»: *приступали по три дни, не могли попасть в крепость горы и хотѣша возвратиться и думали, какъ взять, и се роспутища ходу и голодъ близъ* (Ремез. лет. по Миров. сп. 1690 – 1710)) – указание на факт обдумывания захвата крепости; *И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать её, думала, что она такая же девица, как и протчия»* (Пов. о Ф. Скобееве (к. XVII в. – н. XVIII вв.) – сообщение о факте размышлений о качествах девицы; *я пришел вам сказать прямо, что хоть вы и несчастны будете, но все-таки знайте, что сын ваш любит вас теперь больше себя и что все, что вы думали про меня, что я жесток и не люблю вас, все это была неправда* (Ф.М. Достоевский. Преступл. и наказ., 1866) – сообщение о факте мыслительной деятельности матери); *Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологдой!* (И.А. Бунин. Дневники (1920-1929)) – констатация факта появления определённой мысли. *Все больше убеждаюсь, что и Сережа мало думает о том, что мне очень трудно* (Е.И. Карабанова. Дневник (1978)) – указание на факт нечуткого отношения субъекта к автору высказывания; *англичанин, даже отправившись на выручку к невесте, которая грязная и истощённая в яме сидит, думает, как этот опыт коммерчески использовать* (Известия, 1999) – сообщение о факте размышлений об извлечении коммерческой выгоды из сложившейся ситуации. Таким образом, посредством глагола *думать* отображается процесс мышления в его разных аспектах, к числу которых относятся размышление, раздумывание и т.п.

НКРЯ содержит большое количество примеров функционирования рассматриваемого глагола в качестве экспликатора значений ситуативной модальности: «желательности» (в её вариантном значении «намерение»), а также «возможность» в различных её аспектах.

Значение модальности желательности («собственно желание»): Ты все-таки *думаешь* [имеешь желание – Ю.Б.] *обокрасть* этого старика? – спросил он. – Да, я хочу это сделать сегодня же; К югу – это хорошо, – похвалил конструктор. – Я сам *думаю* [имею желание – Ю.Б.] *махнуть* скоро... – И конструктор пропел шутливо: – «Там море Чёрное, песок и пляж, там жизнь привольная чарует нас!» (В. Шукшин. Печки-лавочки (1970 – 1972)). С точки зрения говорящего, юг представляет собой нечто хорошее (к югу – это хорошо). На мелиоративный характер высказывания указывают такие лексические единицы и словосочетания, как *похвалил*, *жизнь привольная чарует нас*. Как видим, субъект высказывания имеет желание, сопряжённое с намерением *поехать на море* в самое ближайшее время – *думаю махнуть скоро*. Никогда в жизни я не был особенным любителем яблок. Я знаю людей, которые только и *думают* [хотят – Ю.Б.], вот *бы* яблочка *куснуть*, а я к ним спокоен. Говорят, если каждый день съедать по яблоку, будешь потом когда-нибудь очень здоров (Ю. Коваль. Сиротская зима (1980-1993)). На наличие данного желания указывает частица *бы* в третьем значении «различные оттенки желаемости действия» [НСРЯ. Т. 1: 139]. Например: «Ей *бы* большую семью иметь. Были *бы* все здоровые. Покрапал *бы* дождичек! Ты *бы* хоть позвонил!» (см. подробнее: [В. Жучжэнь 2019: 197; Грамота.ру]).

Значение «стремление»: Я ведь *думал* [стремился – Ю.Б.] *написать* Вам письмо. На интенсивность действия указывает частица «ведь», используемая для «подчёркивания чего-либо сказанного» [НСРЯ. Т. 1: 154]. В данном случае – для усиления пропозициональной установки «желать», выраженной глаголом *думать* (в значении «хотеть»). Он *думал добиться* своего во что бы то ни стало (И.С. Тургенев. Ася. 1857). В содержании фразеологизма *во что бы то ни стало* имплицитно выражена сема «стремление». В следующем примере на желание, проявляющееся с большой силой, указывает частица *даже*, «используемая при выделении или для усиления значения слова» [НСРЯ. Т. 1: 353], реализуемого глаголом *думать*. Но шло время, а вольер

пустовал, похоже, никто **даже и не думал** [не стремился – **Ю.Б.**] в него **переселяться** (В. Быков. Лесное счастье (1985-1995)).

Значение «намерение»: *И тотъ ихъ государевъ указъ на станахъ не засталъ, а коихъ схватили, тѣхъ и приказнили, и кои с ними **думали*** [имели намерение – **Ю.Б.**] *Ермака же и собрание воѣводы не толико **взяти**, но ни подумать, сами бѣжали прочь* (С.У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку (1690 – 1700)); *Я было **думал*** [имел намерение – **Ю.Б.**] *наслаждаться* веселостями, которых в вашем городе нашёл я очень довольно, но злость и болтовливость лишили меня сего удовольствия (Н.М. Карамзин. Письма рус. путеш-ка (1792)); *Они горды своим изгнанием, хотя обыкновенно при этом их никто и **не думал*** [не имел намерения – **Ю.Б.**] *изгонять* (Ю.Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)); *Как ты это себе представляешь? – **Думаю заняться*** [имею намерение – **Ю.Б.**] *сельским хозяйством, гражданин начальник* (В. Шукшин. Калина красная (1973)); *На самом деле она и **не думала*** [не имела намерения – **Ю.Б.**] *покоряться* слепой судьбе (В. Пьецух. Шкаф (1997)). По нашим наблюдениям, глагол *думать* способен функционировать в качестве экспликатора «намерения» и таких его оттенков, как «положительное намерение» и «негативное намерение».

Подзначение «положительное намерение»: *Да **думаю** я, государь, здѣсь в Никольском пруд **заводить*** (Грамотка приказчика И. Герасимова (1673)); *Из этой тяжести недоброй я **думал создать** нечто прекрасное* (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954 – 1961)). В приведённых примерах глагол *думать* сочетается с инфинитивами *создать, заводить* (в значении *создавать*). В их семантике содержится мелиоративный компонент «вызвать к жизни что-либо». Намерение, реализуемое глаголом *думать* в инфинитивной конструкции, направлено на объект, выраженный словосочетанием *нечто прекрасное*, т. е. нечто очень красивое / очень хорошее. Следовательно, намерение говорящего создать нечто прекрасное оценивается субъектом высказывания как конструктивное, коррелирующее с

общепринятыми морально-этическими нормами, т. е. может быть квалифицировано как положительное.

Подзначение «негативное намерение»: *Вот, говорит, чего, Василий Антонович. Я тебе давно хотела сказать: ты мне надоел со своим характером, и я с тобой **разводиться** думаю.* Слесарь так и обомлел (М.М. Зощенко. Фельетоны (1923-1929). Намерение развестись (т. е. разрушить институт семьи) противоречит морально-этическим нормам социума, поэтому оценивается им как отрицательное.

НКРЯ фиксирует также примеры модального функционирования исследуемого глагола в значении запрета (т. е. побудительной модальности): *Не ходи, чадо, х костаремъ и корчемником, не знайся, чадо, з головами кабацкими, не дружися, чадо, зъ глупыми, немудрыми, **не думай** [запрет/нельзя – Ю.Б.] украсти, ограбити, и обмануть, солгать, и неправду учинить* (Пов. о Горе-Злочастии (XVII – XVIII вв.)); *Замуж за артиста? И **думать** [запрет/нельзя – Ю.Б.] не смей!* – возмутился отец. *И все-таки он пошел с дочерью в театр, чтобы увидеть ее избранника* (Ю. Никулин. Как я стал клоуном (1979)); *Даже и **не думай** [запрет/нельзя – Ю.Б.] об отъезде!* *Никогда **не думайте** об этом!* При этом ограничение даже самой мысли подумать о реализации некоего замысла представляет собой категорическую форму запрета и реализуется в бытовом дискурсе, не связанном принципами статусного общения.

Отметим, что в отдельных случаях глагол *думать* формирует предикативную основу высказываний, репрезентирующих **вопросительную модальность**: *Не **думаешь** ли и сию царскую коруну **изменить**?* (Артак. действо (1672)); *Да вы что, ребята, – смеюсь я, – **думаете** здесь до открытия **простоять**, что ли?* (Г. Горин. Когда горит душа (1974-1984)).

Материал исследования подтверждает способность глагола мышления *думать* (в значении «предполагать») определять пропозицию высказывания – пропозициональные установки «мнение», «предположение», а также

смешанную пропозицию «мнение-предположение», т. е. реализовывать значение субъективной модальности.

Значение субъективной модальности «мнение»: *Говоря о роли науки, я думаю, следует более точно выяснить, что есть наука, так как сейчас, по-видимому, для придания значительности часто называют наукой то, что вовсе ею не является* (П.Л. Капица. Влияние современных научных идей на общество (1978)); *Я думаю, что этот фильм стоит посмотреть.*

Значение «предположение»: *Думал, не придешь. Дождь* (А.Н. Арбузов. Жестокие игры (1978)); *Вы, я думаю, не узнали меня.*

Значение: «мнение-предположение»: [Клотильда:] *Скажи, братец, долго ли граф пробудет у нас?* [Альбер:] *Думаю, сестра, что это будет зависеть от тебя* (Пушкин «Сцены из рыцарских времён»).

С синтаксической точки зрения примеры модального функционирования глагола *думать* подтверждают преемственность основных конструкций, объективирующих значение целенаправленной деятельности, ориентированной на определённый объект: прямой или косвенный (*думаю опубликовать свою разработку, не думает покоряться судьбе*). При этом намерение, находящееся в процессе формирования, выражено формой настоящего времени, но преимущественно в значении будущего: *думает поступить, думает махнуть* и др. Также намерение может быть сформированным, закономерно относящимся к плану прошлого. В таком случае реализация значения намерения осуществляется посредством форм прошедшего времени, однако осуществление задуманного также подразумевает перспективу (*думал поехать в следующем году; (никто) и не думал переселяться; (девушка) и не думала работать* и др.).

Неизменными остаются синтаксические условия модального функционирования глагола *думать*. Речь идёт о конструкциях с инфинитивом лексически неограниченной семантики (*Аркадий Лукьянович уже думал вздремнуть, как вдруг обнаружил себя ещё один собеседник из-за занавески* (Ф. Горенштейн. Куча (1982))). Не исключается также возможность реализации

модального значения вне инфинитивной конструкции, например, в сочетаниях глагола *думать* с девербативом / отглагольным именем существительными / именем действия (*Когда уже учинили крепкий град, и съехались в него и думали о запасе* (Ист. вкратце о Бохеме (кон. XVII в.)), а также в определённых речевых ситуациях, подразумевающих наличие инфинитива (– *Ты думаешь защитит диссертацию летом? – Нет, думаю зимой*).

Как показывает материал исследования, модальное функционирование глагола *думать* заключается в реализации значений объективной, ситуативной модальности: намерение (и его подзначения «положительное намерение», «негативное намерение»), «собственно желание», «стремление», а также в значении побудительной и субъективной (при реализации пропозициональных установок «мнение», «предположение», «мнение-предположение») разновидностей модальности. Употребление данной лексической единицы в качестве экспликатора желательности характерно для публицистических и художественных текстов.

4.2. Модальное функционирование глаголов

задумать, надумать, подумать, удумать, вздумать

Как показывает исследованный материал, модальное значение «намерение» реализуется следующей группой префиксальных дериватов глагола *думать*: *задумать, надумать, подумать, удумать, вздумать, сдумать*.

Глагол *задумать*

В ходе исследования текстов разной жанровой принадлежности было установлено, что оператором модального значения намерения выступает дериват *задумать*.

В префиксальном глаголе *задумать* присоединение префикса *за-* модифицирует значение глагола *задумать/задумывать* как глагола собственно мыслительной деятельности и переводит его в плоскость

модального намерения, что фиксируется всеми словарями в качестве первого значения и получает следующие истолкования:

«1. Иметь намерение сделать что-либо. *Наташа сидела в углу кареты и что-то она задумывала, что-то она решала или уже решила в своем уме теперь.* Л. Толстой, *Война и мир*». [БАС, Т. 6: 171 – 172; НСРЯ. Т. 1: 485]; «1. Разработать план некоего предприятия. *Хорошо разбираясь в людях, Надежда не верила, что у Зины, девицы ленивой и поверхностной, хватит ума и упорства, чтобы самой задумать и проверить сложную операцию, включающую похищение пейджера, вывод из строя телефона да ещё и слежку.* Пётр Акимов, «Плата за страх», 2000 г.» (НКРЯ), а также значение: «1. Мысленно решить сделать что-либо, замыслить. [Бурмакин] задумал статью *«О прекрасном в искусстве и в жизни».* Салтыков-Щедрин. *Пошехонская старина* [МАС, Т. 1: 517; Бабенко 1999: 328 и др.]. Некоторые словари приводят синонимические дефиниции, такие как «замышлять, затевать, придумать, вздумать, предполагать исполнить или предпринимать мысленно; загадывать, задавать для отгадки. *Задумал я домъ строить. Отгадай, что я задумал? Не трудно сделать, трудно задумать. Задумал бежать, так не лежать. Попрекаетъ своякъ свояку: кто первый задумалъ жениться? Они задумали путешествие на Восток. Я задумал жениться»* [Сл. Даля. Т 1: 592; Сл. Ушакова. Т. 1: 929].

«2. Остановиться мыслью на чем-н., мысленно выбрать что-н. *Задумай какое-н. число* [Сл. Ушакова. Т. 1: 929; МАС, Т. 1: 517]; «2. останавливать внимание на чём-либо, выбирать, определять что-л. *Вот вам колода карт, задумайте какую-нибудь одну карту.* Чехов, *Вишневый сад*» [БАС, т. 6: 171 – 172 и др.].

Обязательная направленность мыслительного процесса на некий объект в данном случае конкретизируется в виде плана будущих действий мыслящего субъекта, а его окончательный выбор объективируется с помощью префикса *за-*, выступающего в данном случае в значении «совершить действие заблаговременно, предварительно, запланировав», выделяемого Словарём

словообразовательных аффиксов современного русского языка (ССАСРЯ) В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, в «Русской грамматике – 80» (РГ – 80) в качестве восьмого значения префикса *за-* [ССАСРЯ: 87; РГ – 80. Т. 1: 361 – 362], а также в «Русской корпусной грамматике» [rusgram.ru]. Как отмечает А.А. Зализняк, «от некоторых ментальных глаголов префикс *за-* дает особое значение вроде «заранее составить план чего-л. путем мыслительной операции» [Зализняк 2006: 328 – 329]. Подтверждение тому находим в разножанровых текстах из НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *Раб свой имерек на што задумол да зогодал на всякую птицу и на всякого зверя* (Охотничий заговор (1688–1689)) – сообщение о факте мыслительной деятельности, направленной на выбор птицы; *Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам: задумали вы короля или даму* (Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)); *Я задумаю (число), а ты отгадай*. В последних двух примерах указывается на факт мыслительной деятельности, направленной на выбор карты, числа.

Значение «намерение, маркированное по семантическому значению «план»: *Когда она, говорили они, кушает с серебряной посуды, то непременно должна пить из хрусталя. Как задумали, так и сделали. Когда привели в покои лошадь, то она поклонилась на все четыре стороны, а хозяину и хозяйке по особливому поклону, чем доказала ясно, что и она бывала в той школе, в которой учат политике домашней* (М. Д. Чулков. Повесть о Нетоне // «И то, и сё». 1769 г.); *С весною вместе и Совере задумал на родину. Он хотел сесть на корабль и плыть домой. Ничто его не останавливало* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни (1788-1822)); *Ты знаешь, я долго размышлять не люблю; задумал, решился, надел мундир; тетушка благословила меня образом, а кузины... ведь я отгадал! ни одна из них не заплакала, прощаясь со мною* (М.Н. Загоскин. Рославлев или Русские в 1812 году (1830). Вышеприведённый пример представляет особый интерес – в одном контексте употребляются глаголы мышления *размышлять* (углубляться мыслью), *задумать* (заблаговременно планировать), *решился*

(после обдумывания принять решение). *Месяца за два до этого директор задумал учесть музейные коллекции* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)); *И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле* (Ю.М. Лотман. Символ в системе культуры (1982-1992); *Но Вигери пошел дальше – он задумал создать такую изощренную методику рассылки миллионов писем, которая создавала бы иллюзию индивидуального общения с каждым адресатом в отдельности* (АиФ, 1984); *Раньше Клод видел меня в «Ностальгии», «Полетах во сне и наяву», ему показалось, что я смогу справиться с ролью в его драматической постановке, которую он задумал осуществить в стиле современного авангарда силами интернациональной труппы* (АиФ, 1993). Следующий пример иллюстрирует диффузность значений «намерение» и «план»: *Урок «Чэлленджера» состоит в том, что мы должны допускать возможность аварий наших машин, а не полагать, будто все наши планы и намерения будут осуществляться так, как мы задумали* (АиФ, 1986).

Дериват *задумать* реализует также значение «**положительное намерение**» субъекта: *Должен вам сказать, что маменька, когда еще живы были, а я уже задумывал жениться, то они, бывало, заведут меня в большую кладовую, отонрут сундуки с серебряными вещами и прикажут мне выбирать все лучшее, что мне понравится и сколько пожелаю взять* (Г.Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839). В данном случае намерение жениться интерпретируется говорящим как положительное. В ближайшем контексте есть указание на маменькино одобрительное отношение к женитьбе. *Совещания не задуманы для конфронтации, они задуманы для расширения сотрудничества* (АиФ, 1986). Намерение *проводить совещания* квалифицируется говорящим как положительное. Указанная оценка выражена посредством противопоставления *не для конфронтации, а для расширения сотрудничества*.

В то же время дериват *задумать* способен объективировать значение «негативное намерение».

Подзначение «негативное намерение»: *Два или три гвардейских офицера задумали сделать против нея заговор* (А.С. Шишков. Записки (1780-1814)). Маркерами негативной квалификации намерения выступают лексемы *заговор*, *против*. *Иной, забыв, что он и стар и чуть не слеп, задумал всех пленять и в щегольство пуститься* (С.П. Жихарев. Записки современника (1806–1809)). В условиях данного контекста намерение субъекта пленять и красоваться воспринимается говорящим как негативное, порождающее осуждение и насмешку. Особенную отрицательную реакцию вызывает *щегол/пижон* весьма преклонного возраста. *Его решили проучить, вернее, унижить. А ещё точнее – опозорить. Была такая расправа, называвшаяся «огого»:* *затаскивали на задний двор, наваливались кучей и с криками «огого!»*, *сдирали с осуждённого штаны. Такую операцию задумали произвести с новичком* (Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)). Лексемы *проучить*, *опозорить*, *расправа* и др. содержат пейоративные компоненты, такие как «неодобрение», «порицание», «презрение», «уничтожение» и т.п. *Если какой-нибудь злоумышленник задумает устроить пакость и подложит на дороге противопехотную мину, езжайте смело: автомобиль ничуть не пострадает* (АиФ, 1985). Маркерами негативного намерения являются пейоративные лексические единицы *злоумышленник*, *пакость*, *пострадать* и др.; *Солдатская жизнь, однако, не пришлась ему по вкусу, и он задумал дезертировать* (Коммерсант, 1993). Дезертирство, общеизвестно, воспринимается социумом как преступление, что отражено и в настоящем тексте.

Чаще всего значение намерения актуализируется в сочетании с акциональными глаголами, семантика которых практически неограниченная (*позвонить*, *схватить*, *совершить*, *снять*, *сделать*, *открыть*, *жениться*, *читать*, *передать* и др.).

С синтаксической точки зрения дериват *задумывать* – *задумать* чаще всего реализует свою модальную функцию в сочетании с субъектным инфинитивом в рамках составного глагольного сказуемого. Например: *Очень стыдно, время неподходящее, но я тоже задумал жениться* (И. Грекова. Перелом (1987)); *Ты задумал умирать* (В. Астафьев. Пролетный гусь). При этом не исключается возможность модального функционирования глагола как простого сказуемого в отнесении к прямому объекту ((он) *задумал шутку*; (Пётр I) *задумал Санкт-Петербург*).

К синтаксическим особенностям глагола следует отнести его системную реализацию в прошедшем времени преимущественно в форме совершенного вида. Такая временная отнесённость является очевидной и прогнозируемой, поскольку факт мысленного формирования намерения уже состоялся; сформированное намерение находится уже в процессе реализации (или уже практически реализовано). Данный факт объясняет закономерность употребления глагола в форме прошедшего времени (*задумал написать, задумали ограничить*). Не исключается, однако, и возможность реализации соответствующего модального значения в форме будущего времени, о чём свидетельствуют единичные примеры из НКРЯ (*задумает позвонить*).

Глагол *надумать*

Как показывает исследование текстов разной жанровой принадлежности, дериват *надумать* способен функционировать в качестве экспликатора модального значения намерения (решения), фиксируемого словарями в качестве первого:

«Надумать, надумаю, надумаешь, 1. сов. (разг.). (несов. нет) с инф. Принять решение после некоторого размышления, раздумья. *Весь вечер Арина Петровна думала и наконец-таки надумала: созвать семейный совет*. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы. – *Надумал я послать тебя с денешами в главный штаб его величества*. Никулин, России верные сыны» [Сл. Ушакова. Т. 2: 347; МАС. Т. 2: 349 и др.].

«2. (несов. надумывать) *перех.* Придумать, выдумать. – *Ишь ты, проказница, что надумала, – бормотал он.* Чехов, Хорошие люди» [МАС. Т. 2: 349].

Примечательно, что в ряде словарей данное значение выступает в качестве первого и фиксируется с пометой «разговорное» [БАС. Т. 11: 127; НСРЯ. Т. 1: 929].

В префиксальном глаголе *надумать* присоединение префикса *на-* модифицирует значение глагола *надумать/надумывать* как глагола собственно мыслительной деятельности и переводит его в плоскость модальности намерения.

Как показывают словари, глагол *надумать* в первую очередь способен выступать в качестве экспликатора модального значения «намерение», в том числе маркированного по семантическому фазовому значению «конец действия», «положительное намерение», «негативное намерение». В некоторых случаях указанный глагол может репрезентировать модальность возможности (что обусловлено его связью с семантическим значением «когнитивная способность»).

Вышеуказанное модальное значение объективируется с помощью префикса *на-*, выступающего в данном случае в значениях «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ – 80. Т. 1: 361 – 362; ССАСРЯ 2016: 109], «целевая направленность» [ССАСРЯ 2016: 111], а также значение «интенсивно-результативного способа действия: *нагрешить, набезобразничать, нашкодить*» [ИССРЯ].

Вышеприведённые данные находят подтверждение в текстах разной жанровой принадлежности из НКРЯ.

Значение «намерение»: *Только умерла эта самая немка; батюшка надумал ее к себе в дом взять...* (А.А. Потехин. Шуба овечья – душа человечья (1854)); *Попробовали снова головами тяпаться, но и тут ничего не доспели. Тогда надумали искать себе князя* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869-1870)); *Давайте подумаем вместе, как быть. И надумали*

*поручить коммунисту шефство над молодыми трактористами (АиФ, 1986); Дети остались с отцом, а тут еще он **надумал жениться** на другой женщине (АиФ, 1993); Когда **надумал вернуться** сюда, то прописку сразу получить не смог (АиФ, 1995).*

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «конец действия»: *В голове так и стучит, сердце бьется. Думал, думал, да и **надумал**. Старуха у нас в околотке жила – колдуньей ее звали; пошел я к ней: «Вот тебе десять рублей, пособи горю!» (Н.А. Некрасов, А.Я. Панаева. Мертвое озеро (Часть первая) (1851)); Вышед от себя, я вспомнил, что помощь моя бедному семейству не будет велика, ежели принесу ему одно соболезнавание без вещественного, а так как у меня самого не было ни копейки, то я и **надумал обратиться** за деньгами к первому мне попавшемуся доброму и достаточному человеку. Благодетельному промыслу угодно было для доброго дела послать мне коменданта Дорошенку (Н.И. Лорер. Записки моего времени (1867)); И когда неделю спустя Яков **надумал идти** в хутор Алёшкин, мать пугала его (Б. Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996); Слава объявил хозяину и хозяйке, у которых был на постое, что отец его лежит в госпитале, шибко плохой, а семья у Каменщиковых большая – надо ее поддержать, кроме того, он **надумал учиться** на филологическом факультете (В. Астафьев. Обертон (1995-1996)).*

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *К несчастью, мысли не приходили мне в голову – и в целые 2 дня **надумал** я только следующее замечание... (А С. Пушкин. История села Горюхина (1830)).*

Подзначение «негативное намерение»: *Кондратий Трифоновч озадачен; он думает, как ему поступить, и, разумеется, как все люди, которых самолюбие неожиданно уязвлено, на первых порах **надумывает** глупейшую штуку (М.Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Деревенская тишь (1857-1863)). Говорящий оценивает решение (поступок) Кондратия Трифоновича как нечто глупейшее, лишённое разумного видения ситуации. И*

уж, наверное, ему и в страшном сне не могло привидеться, что «плату за воздух» **надумают** **взимать** (Независимая газета, 1996). Маркером соответствующей интерпретации намерения является выражение с негативно-ироничной окраской *взимать плату за воздух*, а также устойчивое выражение *ему и в страшном сне не могло привидеться*.

Анализ синтаксической сочетаемости глагола *надумать* показал, что исследуемый дериват либо является частью составного глагольного сказуемого, т. е. употребляется в сочетании с субъектным инфинитивом (*она* *рожать надумала*), либо сочетается с субъектным инфинитивом, который расширяется за счёт объекта. При этом распространение субъектного инфинитива может быть осуществлено за счёт как прямого, так и косвенного объектов. *Во-вторых, если Китай и надумает построить порт, то встанет вопрос, а как входить в него из моря и выходить из него в море* (Независимая газета, 1997); *Конечно, если вдруг знаменитая певица все-таки надумает баллотироваться в Думу, Саратовской губернии удастся произвести гораздо больше шума, чем теперь* (Независимая газета, 1998).

Однако следует отметить, что дериват *надумать* способен объективировать модальное значение самостоятельно в речевых актах следующего типа: *А знаете, что я надумала, Рита Петровна? – неожиданно мягко сказала Полина. – Сведу-ка я сегодня своего Николая Ивановича в кино!* (И. Грекова. «Скрипка Ротшильда» (1980).

В ходе исследования была установлена сочетаемость деривата *надумать* с инфинитивом лексически неограниченной семантики (*баллотироваться, заниматься, побороть, продавать, прокатиться, разыграть, строить, читать* и др.).

Как показывает анализ исследованного материала, глагол *надумать*, актуализирующий значение намерения в его различных подзначениях употребляется главным образом в форме прошедшего времени. При этом подразумевается перспектива осуществления той или иной интенции. Объясняется это тем, что процесс принятия решения уже состоялся и

завершён, а реализация самого действия относится к плану будущего. Например: *отметив два года назад юбилей, главный балетмейстер московского Музыкального театра Дмитрий Брянцев теперь **надумал провести** творческий вечер, но не в родном помещении, а в концертном зале «Россия»* (Независимая газета, 1999). При этом зафиксированы менее частотные случаи употребления деривата *надумать* в форме будущего времени. *Вдруг Ельцин опять **надумает приехать** в Карелию* (Независимая газета, 1998).

Использование деривата *надумать* в модальной функции типично для публицистических текстов, а также для произведений художественной литературы. При этом зафиксированы единичны случаи употребления рассматриваемого производного в качестве экспликатора значения намерения в научно-популярных изданиях.

Глагол *подумать*

Материал исследования показывает, что дериват *подумать* в ряде случаев способен выступать в качестве экспликатора модального значения намерения. Словари фиксируют следующие его значения:

«Подумать 1. Некоторое время || Обдумать что-л. *Подумать думу (думушку)*» [БАС. Т. 18: 218 – 219]; «1. Прийти к какой-либо мысли, сделать умозаключение // Составить какое-л. мнение о ком-л., чем-л.» [НСРЯ. Т. 2: 176].

«2. Прийти к какой-л. мысли, сделать умозаключение» [БАС. Т. 18: 218 – 219]; «2. Направить мысли на кого-л., что-л.; проявить интерес, внимание к кому-л., чему-л.» [НСРЯ. Т. 2: 176].

«3. Обдумать какие-л. проблемы, обстоятельства и т.п., связанные с кем-, чем-л.» [БАС. Т. 18: 218 – 219]; «3. Прийти к мысли о чем-л., решиться что-л. сделать (*с неопр. ф. глаг.*)» [НСРЯ. Т. 2: 176].

«4. Прийти к мысли о чём-л., решиться что-л. сделать (*употр. с неопр. ф. гл.*) *Подумать о судьбе сына. Подумать о ночлеге*» [БАС. Т. 18: 218 – 219];

«4. Провести некоторое время думая, размышляя. // разг. Задумать, обдумать что-л., не высказывая» [НСРЯ. Т. 2: 176].

«5. В знач. междометия Подумаешь. *Разг.* употребляется для выражения иронии, насмешки.

6. *Повелит. в знач. межд.* Подумай(те). *Разг.* употребляется с целью обратить внимание на странность, удивительность того, о чем говорится» [БАС. Т. 18: 218 – 219].

Так, в качестве первого выступает значение собственно мыслительной деятельности, сопряжённой со значением «наметить предварительное решение / намерение». В качестве второго приводится значение собственно мыслительной деятельности, репрезентирующее значение объективной модальности. Следующим (третьим) значением является собственно модальное значение «наметить предварительное решение». В качестве четвёртого значения выделяется собственно мыслительная деятельность, сопряжённая с процессом принятия решения, планирования. Также глагол функционирует в ироническом контексте (пятое значение) и в функции побудительной модальности (шестое значение) – значение «совет»/«наставление».

При этом ряд словарей ограничивается указанием только на темпоральную составляющую семантики «думать некоторое время», не принимая во внимание имплицитную сему целеполагающей мыслительной деятельности. Однако анализ вышеуказанных данных позволяет прийти к выводу, что значение намерения характерно для значительного количества контекстуальных употреблений. Так, в предложениях типа *Я должен подумать; Не торопись с решением, подумай хорошенько* речь не может идти о том, что субъект ситуации решил углубиться в процесс беспредметных размышлений. Подобные фразы имплицитным образом указывают на конкретную цель внутреннего размышления, сводящуюся, как правило, к выбору определенного решения. При этом ментальная деятельность не ограничивается самим процессом, она направлена на некий объект.

В префиксальном деривате *подумать* присоединение префикса *по-* модифицирует значение глагола *подумать/подумывать* как глагола собственно мыслительной деятельности и в ряде случаев переводит его в плоскость модального намерения. Отметим, что ментальная деятельность не всегда ограничивается мыслительным процессом, и в ряде случаев связана с направлением волевого усилия на объект (в терминологии Л.М. Васильева – это «процесс волевого акта сознания» [Васильев 1971: 371]). Так, в предложениях типа *Мне нужно подумать, Я подумаю об этом, Дай мне время подумать* имплицитно выражено указание на определённую цель внутреннего размышления, сводящуюся, как правило, к выражению намерения, подготовке / принятию решения, разработке плана действий, анализу. В ряде случаев подобные интенции сопровождаются предположением о возможности их осуществления. – *Вам нужно провести новое исследование. Вы готовы/согласны это сделать? – Я подумаю, прежде чем ответить.* Ситуация, смоделированная в диалоге, служит наглядным примером выражения того, что субъект намерен в течение некоторого времени обдумать предложение *провести новое исследование*, в том числе мысленно допустить возможность его осуществления, распланировать процесс, а затем принять решение. В основе когний субъекта находится его внутренняя цель – подготовиться к решению или принять решение.

В данном случае префикс *по-* имплицитно объективирует значение цели, связанной с процессом обдумывания, т. е. осуществляется переход от пространственно-временного значения префикса к более абстрактному. Также рассматриваемый аффикс объективирует значение «направленности действия на объекты (*Целыми клубами и командами рванули в богатые зарубежные клубы, поназаклучали шикарные контракты*» (газ.)), фиксируемое в ССАСРЯ в качестве второго значения [ССАСРЯ: 158], «совершённость, результативность действия» (значение б). *Столкнись мы нос к носу, я бы ... несомненно, как теперь принято выражаться, поприветствовал* (А. Крон)» [ССАСРЯ: 159]. В ССАСРЯ зафиксированы случаи стилистической

модификации глаголов ментальной деятельности в разговорных и просторечных словах: *забыть* > *по-забыть* (разг.), *решить* > *по-решить* (прост.). непрод.) [ССАСРЯ: 160]. Примечательно, что ещё в к. XVIII – нач. XIX вв. «начинательный префикс *по-* мог присоединяться к глаголам желания и восприятия, например, *похотеть, послушать*» [rusgram.ru].

Анализ словарных данных позволяет сделать вывод о том, что дериваты *подумать – подумывать* способны выступать в качестве экспликатора модального значения намерения (принятие решения) в тех контекстах, в которых они обозначают процесс целенаправленного внутреннего размышления, а также являются средством выражения отношения говорящего или побуждения. *Я подумаю, стоит ли попробовать; А ты подумай сделать это позже.* Вышеприведённый фактический материал находит подтверждение в разножанровых текстах НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *И не дошедъ они до того шатра, подумавше промеж себя много, что мочно итти в той шатер, и стояху на многъ час* (Пов. о королевиче Валтасаре (кон. XVII– нач. XVIII в.)) – сообщение о факте обдумывания пути в шатёр; *Тогда же я подумывал, как бы уйти в горы, к гайдукам, и с ними награть червонцев у богатых турецких беев и аянов в Боснии* (О.М. Сомов. Гайдамак (1825)) – указание на факт размышлений об уходе в горы и т.д.;

Значение «намерение»: *А я с тобою приказывал и писал к тебе многижды, велел бочек зделать десяток другои да к Юрасу сослать, и ты и не подумал по моему указу так зделать, неведомо, ты у чево там живешь* [Память А.И. Безобразова приказчику А. Казакову в белевскую вотчину (1681)]; *и указъ на преступление чинили жъгутами, а хто подумаетъ ототти отъ нихъ и изменить, не хотя быти, и тому по донски указъ: насыпавъ песку в пазуху и посадя в мешокъ, в воду* (С.У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку (1690 –1700)); *Когда чтение кончилось, никто и не подумалъ сказать хоть одно лестное слово г-же Крутильниковой, котораго она, конечно, заслуживала...* (А.В. Дружинин. Сантиментальное

путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам (1850)); *Медвежонок проснулся и увидел шагающую бочку. – Стой! – крикнул он. Но бочка и не подумала его послушаться* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981)); *Я надеялся, что он пойдёт меня провожать. Но Костя сказал, что и не подумает это делать* (Ю.В. Трифонов. Стимул (исп. А. Бухмин) (1960-1970)); *Поначалу, добавил Пантелеев, в Молдавии, вслед за прибалтийскими странами, тоже подумывали запрячь в одну упряжку внутренний и заграничный паспорта* (Независимая газета, 1996).

Модальное значение повторяющегося, многократного или привычного действия намерения объективируется посредством глагола *подумать* в итеративной форме. Словари фиксируют следующие значения глагола *подумывать*: «1. Думать, размышлять о чем-л., время от времени. 2. с неопр. Намереваться сделать что-н. *Некоторые из нас подумывали было ехать в калошах, чтоб было что снять при входе в комнату.* И. Гончаров, Фрегат «Паллада». *Много раз я подумывал вступить в переписку с вами.* Чернышевский, Письмо П. И. Бокову, 17 апреля 1884. *Басов подумывал отправить его на свои прииски, но, рассудив, решил, что делать этого не следует.* Саянов, Лена» [БАС. Т. 18: 220; НСРЯ. Т. 2: 176]. Следовательно, дериват *подумывать* реализует значение мыслительной деятельности (объективная модальность) и значение «намерение, находящееся в процессе формирования» (ситуативная модальность).

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *Естественно, многие, едва приехав, начинают подумывать об отъезде* (АиФ, 1992); *Тут, конечно, начинаешь подумывать, как бы называли сейчас дадаизм, если бы в те времена до кафе «Вольтер» добрались бы теперешние новые русские* (Независимая газета, 1996).

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «продолжение действия»: *Носятся слухи, что Шумский и Самарин останутся на сцене, потому что М.С. Щепкин тоже, со своей*

стороны, *подумывает, не послужит ли ему еще годик, другой* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Статьи из «Современника» (1863)); *Ныне, бывает, подумывают уже о покупке телевизора, стиральной машины или холодильника* (АиФ, 1984); *Что касается меня самого, то мне 42 года и я подумываю о том, что пора уходить из молодежной* (АиФ, 1988).

Значение «намерение», маркированное по признаку «многократность действия»: *Увольнять меня не было причин, но главком ВВС маршал Кутахов несколько раз подумывал снять меня с должности заместителя начальника института* (АиФ, 1995); *Все чаще стали подумывать люди о суровой правоте старого Тараса Бульбы, укоризненно произнесшего в седые усы: «Что, сынку, помогли тебе чертовы ляхи» (немцы, французы, американцы)?* (Независимая газета, 1996).

Как показывает материал исследования, намерение может быть как нейтральным, например: *стала известна другая информация – что сотрудники аппарата правительства подумывают выдвинуть собственного «технического» премьера, который мог бы руководить кабинетом министров, пока политический кризис не будет урегулирован* (Коммерсант), так и негативно окрашенным.

Подзначение «негативное намерение»: *То в застенках минского НКВД, уже после войны, он, с навыками начальника партизанской разведки, подумывает о самоубийстве, а после бежит, расправившись со своими* (Независимая газета, 1997). Лексическим маркером негативности намерения выступает лексема *самоубийство*. Самовольное лишение жизни противоречит законам бытия, поэтому намерение совершить самоубийство оценивается категорично.

Значение побудительной модальности «совет»: *Жри, пес, и подумай о лутчее слово* (Темир-Аксаково действо (1675)); *Пойди себе, и з добрыми людьми подумай, и как ни есть, хотя на себя поступя, а лучши помирись* (И.Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему (1718 – 1725)); *Не торопись с выводами, подумай ещё раз!*

Реализация значения намерения и его оттенков выражается преимущественно формами прошедшего времени глагола, т. к. оно к моменту речи уже является сформированным. *Я подумал – сесть мне тоже* (С. Довлатов. Заповедник (1983)). При этом не исключается модальное функционирование деривата *подумать* в форме будущего времени, подразумевающего перспективу принятия решения. *Я надеялся, что он пойдёт меня провожать. Но Костя сказал, что и не подумает это делать* (Ю.В. Трифонов. Стимул (исп. А. Бухмин) (1960-1970)). Также дериват *подумывать* способен реализовывать значение намерения посредством форм настоящего времени. Отнесённость намерения к настоящему времени характеризует сложившуюся на момент речи ситуацию. *Подумываем о создании совместного фильма, посвященного проблемам разоружения* (АиФ, 1986).

В ходе исследования было установлено, что в системных условиях дериваты *подумать – подумывать* способны выступать в качестве экспликатора модального значения намерения в сочетании с инфинитивом лексически неограниченной семантики: с акциональными глаголами физического действия (*закрыть, приехать, родить, снять, сбежать* и др.), ментального действия (*забыть, освоить (компьютер), научиться* и др.), с неакциональным авторизующим компликатором *считать*. При этом в определённых контекстах возможны случаи модального функционирования деривата *подумывать – подумать* без посредства инфинитива. *В данный момент не могу ответить на этот вопрос. Я подумаю; Мы подумываем о реорганизации.*

Анализ разножанрового текстового материала позволяет сделать вывод о том, что модальное функционирование глаголов *подумать – подумывать*, характерное для разговорного стиля речи, является типичным для сферы публицистики, а также художественной литературы. При этом зафиксированы единичные случаи реализации модального значения в учебно-научной литературе.

Глагол *удумать*

Словари фиксируют следующие значения глагола *удумать* – *удумывать*: «1. *несов. перех. разг.-сниж.* Придумывать, задумывать что-л.» [НСРЯ. Т. 2: 842]; «1. *простореч.* Надумывать, придумывать что-л. *Нет, Проня, видно, как ты не удумывай, а землю тебе бросать надо.* Милицына. Слепой. *И не удумаешь, как быть. Если пойти и покориться Капитонову, то еще хуже будет.* Мам.-Сиб. Пир горой. С неопр. формой глаг. – *То-то сказывали тут ребята проезжие: поедет кудиновский приказчик из городу... Коней, мол, старик готовь. А вам, я говорю, какая забота? Они, может, ночевать удумают.* Корол. Убивец. *Удумал Прохор народ о Пасхе удивить, стал откапывать пушку тайно.* Шишк. Угрюм-река. *Удумывать, удумать штуку*» [БАС. Т. 16: 359].

Как показывают словари, смысловое содержание глагола *удумать* – *удумывать* раскрывается с помощью синонимов – через лексические единицы *задумать, надумать, придумать*. Следовательно, рассматриваемый дериват реализует значение собственно мыслительной деятельности – объективная модальность, а также модальное значение «намерение», в ряде случаев сопряжённое с творческим процессом изобретения / создания чего-л. При этом иллюстрации к словарным статьям показывают, что намерение может иметь негативный характер. *Однако ты хитёр. Какую штуку удумал!* Семен. *Девичья погибель*» [БАС. Т. 16: 359].

В префиксальном глаголе *удумывать* – *удумать* присоединение префикса *у-* модифицирует значение глагола *удумывать* – *удумать* как глагола собственно мыслительной деятельности и преобразовывает его в экспликатор модальности намерения, что фиксируется рядом словарей.

Словари фиксируют ряд значений рассматриваемого аффикса, в числе которых негативное значение «доведения до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим словом (*уездить, укачать, умучить* и т. п.)» [ТССЕРЯ 2005: 476; РГ – 80, Т. 1: 371]. Данный факт подтверждает этимологический анализ рассматриваемого префикса. Так,

служебный формант у- имеет в качестве одного из значений «приставка, усиливающая отрицательное значение слова и ограничивавшая или ослаблявшая значение слова, когда оно не являлось отрицательным» [Сл. Черных 1999: 279]. Ранний случай реализации понятия «плохой» посредством префикса у- описан Л.П. Дроновой. Речь идёт о санскритском префиксе *ku-* (созвучном с русским у-): *ku-karman* «дурное деяние», *ku-cara* «порочный, безнравственный» и т.п. [Дронова 2006].

Исследование разножанровых текстов НКРЯ показывает, что дериват *удумать* является достаточно частотным модальным оператором, способным реализовывать значение намерения (и его подзначения). К подзначениям намерения могут быть отнесены следующие: значение «намерение», маркированное по семантическим признакам: фазовое значение «начало действия» / «конец действия», «совместность действия», а также значение «план», модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»), значение побудительной модальности «совет/наставление».

Значение «намерение»: *Но тем исполнена воля богов, или учинённое предопределение; я и все жрецы известны были о том чрез прорицание, глас великого Чернобога нам, предстоящим его кумиру, изрёк сие предопределение; но мы, зная сердце твоё, преисполненное нежными и сострадающими несчастным чувствованиями, удумали в совете не открывать тебе сего долженствующего учинить тебе подвига, для того что воля богов должна без отлагательства быть исполнена, и чувствительное твоё сердце без величайшего обременения приступить к тому бы не могло* (М.Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766-1768)); *Вот и удумал я идти сперва на Лупью, а там, буду, мол, жив, постепенно душу спасать стану* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)); *Вот и удумал он завалить снегом всю земелюшку – не только человеку, а и лисице не пробраться* (Е. Богданов. Вьюга (1972)).

Подзначение «негативное намерение»: *Хотя отец мой будет на меня гневаться, что я ко Ольговичам не пойду, но я имею довольную к тому причину, понеже сии Ольговичи и отец их злодей деду и отцу моему и всем стрьям моим были и много им, **удумывая**, зла учинили; того ради не могу на них никогда надеяться и в дружбе быть* (В.Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй (1750)); *Ох, не ладно ты, Сереженька, **удумал**, не в добрый час начал* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)); *Нет уж! Чего там? На это иностранцем надо быть. Они вечно что-нибудь **удумают** и у нас из-под носа вырвут. Лицо Нелидова опять темнеет. Он со школьной скамьи ненавидит все западное. Два года жизни в Англии усилили эту антипатию* (А.Н. Вербицкая. Ключи счастья (1909)); *наше правительство **удумало** внезапно, к осени, **отобрать** у крестьян по фиксированной (конечно низкой) цене (осенью она всегда ниже, чем зимой, но ее и для осенней назначили низкой) по возможности весь картофель и заставить жителей запастись на всю зиму, продав эту картошку обывателю с прибылью* (И.И. Шитц. Дневник «Великого перелома» (1929)). На негативный аспект вышеперечисленных намерений указывают такие пейоративные словосочетания, как *не ладно удумал, не в добрый час начал, из-под носа вырвут, отобрать картофель, антипатия*.

В то же время не исключается возможность реализации глаголом *удумать* намерения, которое можно интерпретировать как положительное.

Подзначение «положительное намерение»: *А тебе, не в пример ему, поручается зело умный труд, коим мы навеки **удумали** главнейшие реки империи нашей в одно водяное тело **сплотить** и тем великую помощь **оказать** мирной торговле, да и всякому делу военному* (А.П. Платонов. Епифанские шлюзы (1927)). Маркерами положительного намерения выступает лексема *сплотить*, а также словосочетание *великую помощь оказать*.

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *Стали они **удумывать** всякие пакости, чтоб*

известии Куриную Слепоту и бабу-ёжку нашу Соломонну лишить ее удела («Волга», 1999). В данном случае показателем фазы «начало действия» является фазовый глагол *стать*, указывающий на факт возникновения ситуации, ранее не имевшей места.

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «конец действия»: *В общем, если вы удумали открыть своё заведение общественного питания, приготовьте, займите, украдите от 100 тысяч до 2 млн долларов в зависимости от размера помещения и ваших представлений об идеальном интерьере и «высоте» кухни (РБК Дейли); Она до дыр зачитала газетку с изложением закордонного скандала и удумала сговориться с Вичкой и скопировать такую же штуку в Слепоте («Волга», 1999).*

Значение «намерение», маркированное по семантическому значению «совместность действия»: *Но наши, несмотря на неприятельские крепости, которые круг себя имел, яко: жестокие переправы, реки, болота и прочая, удумали со оным генеральную баталию дать (И.А. Желябужский. Дневные записки (1682-1709); С горя, с досады (солдаты) удумали с соседними частями связаться. Набралось нас сколько-то товарищей, приходим в 132-й Стрелковый. Жарко, тошно (А. Веселый. Россия, кровью умытая (1924-1932)).*

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *Ну, нет, думаю, это, видно, подождать придется! И удумал я тут штуку (М.Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Развеселое житъе (1857 – 1863)); Вот вам у кого учиться надо, – объяснил Федот Якимыч, тыкая пальцем на Карпушку. Простой мужик, слесарь, а какую штуку удумал... До всего своим умом дошел, а по заграницам не ездил (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Братья Гордеевы (1891); Кто их строил? Русский мужик, совершенно неученый человек! Все эти огромные пароходщици, баржи – чьи они? Наши! Кем удуманы? Нами! Тут все наше, все плод нашего ума, нашей русской сметки и великой любви к делу! Никто ни в*

чем не помогал нам! (А.М. Скабичевский. Новые черты в таланте г. М. Горького (1898)); *И вот еще что удумал мальчишка: зная, что Юрий Юрьевич очень не любит, когда Вовка называет прадеда «дедкой», удумал еще более обидное слово: «детка»* («Новый мир», 1997).

Значение побудительной модальности: *Много сора можно вынести таким образом из сознания и многого избежать. Удумайте ускорить путь свой* (Б.Н. Абрамов. Грани Агни Йоги (1953)); *Он покрутил бутылку. На троих надо. Ты что?! Ты не удумай!* – *Забеспокоился Кутя. Бога побойся. Сироту оставишь?!.. Лешка, не озоруй!* (С.Е. Каледин. Записки гробокопателя (1987-1999)); *Токо не удумай плснуть чаэм в чу-нито морду, ма* (Независимая газета 1998).

Как показывает материал исследования, глагол *удумать* реализует преимущественно значение негативного или недоброго намерения. По мнению Л.М. Васильева, в значении рассматриваемого деривата содержится пейоративная сема «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)» [Васильев 1970: 390], актуализируемая префиксом у- («рефлектором национального представления об аморальном и асоциальном поведении членов социума» [Лескина 2010: 11]).

Как показывает материал исследования, намерение, в том числе негативное, реализуется посредством форм прошедшего времени глагола (*танцевать удумали, удумало отобрать*). При этом сообщение о событии, реализованном в прошлом, автоматически переводит соответствующее намерение в плоскость ещё несвершившегося факта, т. е. в плоскость будущего. *Кержак тихо засмеялся. Бедноту наново удумали организовывать. Ково они там без меня, опеть ко мне сбегутся, как маралишки в двадцатом годе* (В.Я. Зазубрин. Горы (1934)).

Анализ текстового материала показывает, что дериват *удумать* выступает в качестве экспликатора модального значения в определённых синтаксических условиях, а именно в сочетании с субъектным инфинитивом (*удумал погромить, повторить, танцевать* и др.). В ходе исследования была

установлена лексическая сочетаемость деривата *удумать* с акциональными глаголами физического действия (*завалить, зарыть, ложить, посидеть, починить, рубить, сделать, сбегать, травиться, упасть, ускорить* и др.), ментального действия (*учиться*), с неакциональными констатирующими глаголами (*сговориться* и др.), расширяющимися за счёт прямого или косвенного объекта (*удумают погромить экспонаты, сотворить удумали на нашем чердаке*).

При этом выявлено самостоятельное модальное функционирование глагола (без инфинитива). *Только ведь скучно это, надписи-то в лесу, правда? Вот я и удумал: стихи. Хорошие стихи о порядке.* (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей (1973)); *Все мешками с песком перевешивает! – подробно ответила баба, бережно прислонив рельс к животу, чтобы усыпить растревоженного ребенка холодным и спокойным веществом. – Ишь, чего удумали, вошебойщики! – усмехнулся Бубнов. – А когда землю по кулацкому завету продавать вознамеритесь – тоже безмен понадобится?* (Независимая газета (приложение «Кулиса НГ»), 1999).

Дериват *удумывать* в качестве экспликатора модального значения употребляется носителями языка преимущественно в разговорной и просторечной речи. Его употребление типично для публицистических текстов, текстов художественной литературы, коммуникации на бытовом уровне. В словарях данная лексическая единица сопровождается пометами «сниж.-разг.» и «просторечное».

Глагол *вздумать*

В ходе исследования была выявлена способность деривата *вздумать* выступать в качестве модификатора инвариантного значения желательности (намерения, решения, желания, плана), фиксируемого словарями в хронологической последовательности в качестве основного (с пометой «разговорное»):

«Въздумати (здумати) *разг.* 1. Надумать, решить после раздумья» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 2: 149]; «1. что вспомнить, взгадать; представить себе,

вообразить; придумать, выдумать, изобрести; задумать, захотеть. –ся. безл. *Мне и ему вздумалось то и то, пришло на ум* [Сл. Даля. Т. 1: 172]; «1. разг. Неожиданно задумать, захотеть, решить что-л. сделать. *Адмирал любил её [дочь] самой нежной любовью, выполняя все её капризы, разрешая ей делать всё, что она вздумает.* Нов.-Прибой. Цусима. | С неопр. ф. глаг. *Жалея потного мерина, Павел неожиданно вздумал выкупать Карька, а заодно решил окунуться сам.* В. Белов. Кануны. | Не вздумай(те) делать что-л. Употр. как категорическое запрещение того, что хочет, намерен, может сделать кто-л. – *Вам куда? – спросил Андрей. – Не вздумайте меня провожать, – предупредила Марина.* Гранин. Искатели. | Ни вздумать, ни взгадать (ни пером описать). О большой трудности или невозможности представить, вообразить себе кого-, что-л.» [БАС. Т. 2: 509; НСРЯ. Т. 1: 171].

«2. Вздумать, принять неожиданное решение» [СлРЯ XI – XVII вв., вып. 2: 149]; «2. разг.-сниж. Надумать, придумать. || разг.-сниж. Подумать» [БАС. Т. 2: 509; НСРЯ. Т. 1: 171].

В семантике деривата *вздумать* эксплицитно выражена сема неожиданности, внезапности, объективируемая префиксом *вз-*. В данном случае многозначный префикс *вз-* реализует второе значение «интенсивно или резко, внезапно совершить действие» [РГ – 80. Т. 1: 358; ССАСРЯ: 61]. По данным словарей, глагол *вздумать* способен объективировать значение желательности с семантическим оттенком «спонтанность», а также значение побудительной модальности «запрет».

Данные словарей находят подтверждение в разножанровых текстах из НКРЯ.

Значение «намерение», маркированное по семантическому признаку «спонтанность»: «*Весьма вероятно, – продолжает он, – что первые пастухи **вздумали** в спокойствии своем и в праздности **петь** увеселения свои и любовь, да и вводили они по пристойности часто в те песни стада свои, леса, источники и все вещи, кои знакомее им были*» (В.К. Тредиаковский. Мнение о начале поэзии и стихов вообще (1752));

*Надобно знать, что благополучным быть не всегда зависит от добродетели; а разве кто стоическим манером **вздумает** и в крайнем своем неблагополучии **вообразать** себе, что он благополучен, так это будет по прямому разуму грезить, а не философствовать, потому что философы сами говорят, что благополучие есть постоянное веселие, а не воображение постоянного веселия (Я.П. Козельский. Философические предложения (1768)); Скажите пожалуйста! Сатир Никитич! Кто бы мог ожидать? **Ревновать** тоже **вздумал**... – проговорил он (В.Г. Авсеенко. Петербургские очерки (1900)).*

Как показывает материал исследования, намерение может иметь негативный характер.

Подзначение «негативное намерение»: *По ненависти **вздумалъ** онъ ему **ископать** яму, но самъ попалъ въ оную (Ежемесячные сочинения къ пользѣ и увеселению служащих. Генварь – Июнь, 1755 г.). Рассматриваемый отрывок содержит отсылку к фразеологизму «Не рой другому яму...», указывающую на злонамеренный характер действий субъекта. Мы его, знаете ли, за волосы, – так нет! **корячиться** **вздумал**... клоп постельный! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Хищники (1869)). В данном примере на негативную квалификацию намерения указывают лексические маркеры *клоп постельный* (т. е. кровососущее насекомое-эктопаразит), *корячиться*. Более того, *задаст вам лишней работы, если воры **вздумают поорудовать** ломом (Труд, 1993); если же он вдруг **вздумает тормозить** решение вопроса, то у владельца земельного пая сейчас есть все основания подать на такого руководителя в суд (АиФ, 1995).* В последних двух примерах также репрезентируются негативные намерения субъектов, связанные с противозаконными действиями (*поорудовать ломом в процессе воровских действий, умышленно тормозить решение вопроса*).*

Значение побудительной модальности «запрет»: *Не **вздумай** и ты мною **повелевать**; мне уж и от ее одной скучно (Е.Р. Дашкова. Тоисиоков. (1786)); Не **вздумайте отправиться** в командировку, особенно за границу, особенно на белом пароходе. Из всех средств передвижения самым*

*безопасным для вас является повозка, запряженная лошадьми, или, на худой конец, собаками (Коммерсант, 1993); Вполне возможны трудности в семье или в отношениях с противоположным полом – это касается в первую очередь Близнецов, Водолеев и Рыб. И не **вздумайте** перевоспитывать детей – они вам это припомнят (Коммерсант, 1993).*

Как показывает материал исследования, реализация намерения, направленного на прямой или косвенный объект, относится преимущественно к плану будущего и выражена формами будущего времени. *Если он **вздумает остаться**, то должен полностью оплатить все затраты и неустойку.* (Известия, 1997). Также неожиданное намерение может быть отнесённым к прошедшему моменту, следовательно, выражено формами прошедшего времени. *Однажды Шувалов **вздумал** было над ним **пошутить*** (Независимая газета (приложение «НГ-Наука»), 1999).

В системных условиях дериват *вздумать* актуализирует своё модальное функционирование в сочетании с субъектным инфинитивом, указывающим на конкретное действие. При этом не исключается возможность самостоятельной реализации значения желательности в ее подвидах в определённых контекстах (*Ты смотри, что **вздумал!***) Также была установлена лексическая сочетаемость рассматриваемого деривата с акциональными глаголами физического действия (*бунтовать, вести, дотронуться, корячиться, поджечь, пойти и др.*), с неакциональным авторизующим компликатом *считаться*.

Анализ разножанровых текстов показал, что модальное функционирование деривата *вздумать* характерно для разговорной и просторечной речи, в ряде случаев для выражения неодобрительной оценки. Употребление данного деривата в качестве модального оператора специфично для публицистической сферы, реже – для художественной сферы деятельности человека.

4.3. Модальное функционирование глаголов

раздумать, передумать, отдумать

Материал исследования и словарно-дефиниционный анализ дериватов глагола *думать* позволяет определить группу производных, способных выступать в качестве экспликаторов модального значения **«отказ от намерения»**, к числу которых относятся лексемы *раздумывать – раздумать, передумывать – передумать, отдумывать – отдумать*.

Глагол *раздумать*

Словари фиксируют следующие значения глагол *раздумать – раздумывать*:

«1. Раздумать что, о чем, обдумывать, размышлять, думать надвое, колебаться, искать в мыслях лучшего. | Отдумать, передумать, отложить, решиться иначе, на иное. *Раздумываю, как бы дело это поправить. Подумаешь – горе; а раздумаешь – воля Господня* || отдумать, передумать, отложить, решиться иначе, на другое. *Раздумать старику ехать за реку*» [Сл. Даля. Ч. 4: 23]; «разг.1. Изменять свое первоначальное решение, намерение; отказываться от задуманного» [НСРЯ. Т. 2: 436]. В то же время в качестве основного значения рассматриваемой лексемы указывается следующее: «1. Много, напряжённо думать, размышлять. *Арсений раздумывал над его словами и улыбался. Ляшко. Сладк. Каторга* || Много думать, колеблясь при принятии какого-либо решения. [Тузенбах:] *Подаю в отставку. Баста! Пять лет раздумывал, и, наконец, решил. Чехов. Три сестры*» [БАС. Т. 22: 335 – 336].

«2. Устар. Всесторонне обдумывать, продумывать. *Да, многое раздумать мне придётся. Лерм. Маскарад. [Джембулат] раздумывал распорядок набега. Марл. Аммалат.-бек*» [БАС. Т. 22: 335 – 336].

3. Отказываться от задуманного, изменять своё решение, намерение. *Хоронить её хотели и раздумали. Пушкин. Сказ. о мёртвой царевне. В Крым ехать я раздумал, я поеду на Кавказ с братом. А. Островский. Письма. Даша*

собиралась несколько раз с духом, чтобы рассказать ему о Бессонове, но раздумывала. А.Н. Толстой. Сестры» [БАС. Т. 22: 335 – 336].

Так, основным значением исследуемого деривата является значение собственно мыслительной деятельности (объективная модальность), сопряжённой с модальным значением «намерение» в его подзначении «отказ / изменение намерения».

Во втором значении в семантической структуре глагола *раздумать* фиксируется значение «обдумывать, продумывать», содержащее имплицитно выраженную семему «обдумывать с целью принятия решения». В данном случае дериваты *раздумывать* – *раздумать* репрезентируют имплицитно выраженное значение «намерение».

В качестве третьего значения фиксируется собственно модальное значение «намерение» в его подзначении «отказ от намерения».

Присоединение префикса *раз-* изменяет значение глагола *думать* как глагола собственно мыслительной деятельности и переводит его в модальную плоскость намерения с ядерным значением «решать».

При этом модальное значение рассматриваемого деривата объективируется префиксом *раз-* в его значении: «совершая действие, названное мотивирующим глаголом, отказаться или заставить, убедить отказаться от чего-л., аннулировать, отменить результат действия, названного мотивирующим глаголом: *разбронировать, разблокировать*» [РГ – 80. Т. 1: 370].

Таким образом, посредством рассматриваемого глагола реализуется модальное значение намерения в его подзначении «отказ от намерения».

Подтверждение соответствующего функционирования деривата *раздумать* находим в разножанровых текстах НКРЯ.

Значение «отказ от намерения»: *Отрок же той, не дождався вести ни коней, помысли в себѣ: «Яко аще государь мой великий князь раздумает и пошлетъ по мене, и велитъ возвратитися вспять, азъ же своего желанного не получилъ» (Повесть о Тверск. Отроч. монастыре (втор. Пол. XVII в.);*

*Прованская красавица **раздумала ехать** в Швейцарию и быть жительницей горы Нёшательской (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)); Один из тех, кои наставляли президента Карлиля, что ему делать и говорить, объявил за него, что дамы обещали приехать к обеду, но **раздумали** (А.И. Тургенев. Дневники (1825-1826)); Императрица Елизавета Алексеевна сперва хотела сохранить эту бумажку у себя, но затем **раздумала** и велела князю Волконскому вложить ее в мундир, который надели на тело почившего императора, в тот самый карман, где он всегда носил ее (Н.Э. Гейнце. Аракчеев (1898)); Одно время Лука собирался даже поступить в большевики, но потом **раздумал** – беспорядок ему не нравился (Независимая газета, 1997).*

Следующий пример иллюстрирует способность глагола *раздумать* объективировать более сложное модальное значение «отказ от намерения», сопряженное с модальным значением необходимости: *Но у нее есть родители, люди очень богатые... подумают... И **раздумают**; нужда переменяет даже законы (А.А. Бестужев-Марлинский. Лейтенант Белозор (1830)).*

Значение «отказ от намерения», маркированное по семантическому фазовому значению «продолжение действия»: *Я расслышал радостный возглас: «Не то, чтобы я **раздумал умирать**, но мне так нужно было сочувственное слово, хоть чуточку участия» (Ю.М. Нагибин. Рассказ синего лягушонка (1991)).*

Значение «отказ от намерения», маркированное по семантическому фазовому значению «конец действия»: *Долго искалъ онъ героя; хотель было прославлять Императора Генриха, но **раздумалъ**, и наконецъ рѣшился воспѣть Мессию («Вестник Европы». Часть XLI, № 17, 1808); Старики Скворцовы, к великой досаде Гаврилы, разговора о свадьбе больше не заводили, точно они совсем **раздумали парня женить** (С.Т. Семенов. Гаврила Скворцов (1904)); Потом я вовсе **раздумал** куда-либо поступать и устроился сторожем на кладбище (Независимая газета (приложение «Ex Libris НГ»), 1998).*

Как показывает материал исследования, изменение намерения традиционно направлено на прямой объект (*раздумали наносить визит*). Намерение является сформированным к моменту речи, поэтому имеет временную отнесённость к прошлому, что обуславливает использование рассматриваемого глагола в форме прошедшего времени: *Герберт намеревался послать открытки матери, но **раздумал**, полагая, что они вряд ли дойдут до дома через растерзанный войнами мир, и привез их с собой в Англию* (Независимая газета (приложение «Коллекция НГ»), 1998). При этом зафиксированы редкие случаи реализации соответствующего значения посредством форм будущего времени, указывающих на гипотетичность предстоящего намерения. *После этого даже приглянувшуюся вещь **раздумаешь покупать*** (Независимая газета, 1997).

В системных условиях модальное функционирование деривата *раздумать* возможно в определённых синтаксических условиях, а именно в сочетании с субъектным инфинитивом. *Франция **раздумала возвращаться** в блок Социалистическое правительство объявило, что Франция прекращает процесс реинтеграции в военные структуры НАТО, начатый в декабре 1995 года правым президентом Жаком Шираком* (Известия, 1997). В то же время возможна реализация соответствующего значения в автономной позиции или в конструкциях, подразумевающих инфинитив. *Одно время Лука собирался даже поступить в большевики, но потом **раздумал*** [поступать – **Б.Ю.**] – *беспорядок ему не нравился* (Независимая газета, 1997).

Как показывает материал исследования, для глагола *раздумать* характерна лексическая сочетаемость с неакциональными глаголами физического действия (*бросать, ехать, провожать, рождаться, умирать* и др.), констатирующими глаголами (*молчать, слушать* и др.).

В ходе исследования было установлено, что модальное функционирование деривата *раздумать* типично для разговорной речи, бытового общения. Он употребителен в сфере публицистики, художественной литературы, в редких случаях в учебно-научной литературе.

Глагол *отдумать*

Наряду с глаголами *раздумать* – *раздумывать* употребляется дериват *отдумать* – *отдумывать*. Словари фиксируют следующее значение вышеуказанной лексемы:

«Разг. 1. Изменять свое решение, намерение; передумывать. *Герой наш хотел было на что-то уже решиться. Но решению не суждено было состояться. Господин Голядкин отдумал, махнул рукой и воротился на улицу.* Дост. Двойник. С неопр. ф. гл. *Он отдумал ехать в Ирландию, убоясь моря и рвоты.* Вяз. стар. зап. книжка» [БАС. Т. 14: 421]; «Разг. 1. Изменять намерение, передумывать. *Отдумал уезжать*» [НСРЯ. Т. 1: 1168].

«2. Продумывать, обдумывать что-л. *За какой [решёткой] отсиживали, отдумывали горькие и злые думы его товарищи?* Федин. Необыкн. лето» [БАС. Т. 14: 421]; «2. Продумывать что-л.» [НСРЯ. Т. 1: 1168].

Так, основным значением дериватов *отдумать* – *отдумывать* является значение ситуативной модальности «намерение» в его подзначении «отказ от намерения». В качестве второго значения деривата *отдумать* указано значение собственно мыслительной деятельности, репрезентирующее значение объективной модальности («продумывать»). В то же время во втором значении «обдумывать» содержится имплицитно выраженная сема «готовить / составлять решение».

Актуализатором модального значения выступает префикс *от-* в значении «твёрдый (окончательный) отказ от намерения», фиксируемом в ССАСРЯ: «большая интенсивность действия; интенсивно, тщательно, полностью, окончательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом (*от-мобилизовать, от-репетировать*)» [ССАСРЯ 2016: 143], «совершая действие, названное мотивирующим глаголом, отказаться или заставить, убедить отказаться от чего-л.; аннулировать, отменить результат действия, названного мотивирующим глаголом (*думать > от-думать (разг.) подумав, отказаться от задуманного ранее, от-говорить, отсоветовать, от-учить*)» [Там же: 144].

Вышесказанное подтверждается данными анализа фактического материала.

Значение «отказ от намерения»: *За нѣсколько дней передъ симъ возвратился я изъ Сицилии; хотѣлъ-было сообщить тебѣ дневныя свои записки, но **отдумалъ** (В.А. Перовский. Отрывки писем об Италии (1824) // «Северные цветы», 1827 г.); У Морозова я прожил с полгода; писал для него сказки и подписи под картины и собрал было тетрадь своих стихотворений для печати, но цензура некоторые из них не пропустила, и я **отдумал издавать** их (И. С. Ивин-Кассиров. Автобиография (1901)); Пошла вроде обратно в артисты, да потом и **отдумала** (Ю. Герман. Дорогой мой человек (1961)).*

Значение «отказ от намерения», сопряженное со значением модальности необходимости: *«Нет, уж это, видно, **отдумать** надобно», – заметил Абрам Семеныч, злобно мотая головой, но как-то сомнительно улыбаясь (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856 –1857); Был в Ветеринарном институте и хотел туда поступать; но **приходится отдумать** – испытания начнутся с 18-го числа (В.С. Савельев. Дневник (1927)). На вынужденность отказа от намерения указывают лексические единицы *надобно, приходится*.*

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «конец действия»: *Он (князь Гремин) бы, вероятно, и **вовсе отдумал ехать** в отпуск, если бы внезапная смерть одного из дедов в Петербурге не призвала его туда для получения наследства и всех хлопот, с наследствами неразлучных (А.А. Бестужев-Марлинский. Испытание (1830)); Срамъ только одинъ. А теперь время другое. Онъ-то жениться на второй. Можетъ, **отдумаетъ** и **вовсе** не женится (Е.А. Салиас. Свадебный бунт (1886)). На завершённость действия указывает лексема *вовсе* в значении «разг. совершенно, совсем» [НСРЯ. Т.1: 192].*

В ходе исследования текстового материала было выявлено, что глагол *отдумать* является малоупотребительным в русском языке рассматриваемого

периода. Его употребление типично для текстов художественной литературы периода 1830 – 1924 гг.

Следует отметить, что рассматриваемый глагол может участвовать и в формировании **модально-вопросительной** рамки предложения: *Не отдумала ли «Русская мысль» выдавать мне ежемесячно 250 р.?* (Г.И. Успенский. Письма (1887)).

Глагол *передумать*

В качестве ещё одного экспликатора модального значения намерения выступает дериват *передумать* – *передумывать*. Словари фиксируют следующие значения рассматриваемой лексической единицы:

«1. Ещё раз подумав, изменить свое намерение, решение; перерешить, раздумать. *Лейтенант обращается в последний раз с вопросом: есть ли среди бойцов люди, которые передумали и хотят остаться?* В. Кожевников, Десант» [МАС. Т. 3: 62]; «1. что и без доп. Изменить своё решение, вновь его обдумав. *Я передумал, поеду завтра, а не сегодня*» [ТССРЯ: 446]; «1. Разг. Думать, раздумывать, размышлять обо всём, многом или много раз о чем-л. (обычно о прошлом, прошедшем). *Много передумал и вспомнил Григорий за двое суток пути от фронта до родного хутора. Шолох. Тих. Дон*» [БАС. Т. 16: 98; НСРЯ. Т. 2: 49].

«2. что и чего. Обдумать многое или много раз (разг.). *Зина долго ходила взад и вперед по комнате, скрестив руки, задумавшись. О многом она передумала.* Достоевский, Дядюшкин сон» [МАС. Т. 3: 62; ТССРЯ: 446]; «2. Ещё раз подумав, изменять свое решение, намерение; перерешать. *Я что задумал – не передумываю, что сделал – не переделываю!* А. Остр. Лес» [БАС. Т. 16: 98].

Как показывают словари, современные лексикографы фиксируют в качестве основного значения как значение собственно мыслительной деятельности – значение объективной модальности, так и значение «намерение» в его подзначении «отказ от намерения» – значение ситуативной модальности.

В качестве второго словари фиксируют как значение собственно мыслительной деятельности «обдумать многое или много раз» с имплицитно выраженной семой «решение», так и значение «изменять свое решение, намерение; перерешать». Кроме того, данная лексема реализует модальное значение намерения, маркированное по признаку «многократность действия».

Так, в результате присоединения к глаголу *думать* рефактивного префикса *пере-* в реконструктивно-повторном значении, а именно «повторно, заново, иногда по-новому, иначе совершить действие, названное мотивирующим глаголом: *переделать, переаттестовать, перегруппировать, перекроить* и под.» [Стойнова 2016]. М.Н. Стойнова поясняет, что речь идёт об однократной итерации предшествующей ситуации, направленной на изменение исходного результата, а чаще – в реконструктивном значении. В данном случае к семантике повторения добавляется или практически вытесняет его компонент «изменение результата исходной ситуации» [Там же].

Вышесказанное подтверждается фактическим материалом. Исследование текстового материала показывает, что дериват *передумать* реализует модальное значение «намерение» в его подзначении «изменение намерения», содержащем компонент «изменение результата исходной ситуации».

Значение «объективная модальность»: *Оставаясь почти целые дни один-одинешенек, он **передумал** и перемечтал обо всем* (А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)); *Многое **передумал** Павел Анисимыч и сильно утомился* (С.Т. Семенов. На ночлеге (1900)). В приведённых примерах отражается факт продолжительных размышлений субъекта.

Значение «отказ от намерения»: *Думал было особо напечатать ее, но **передумал*** (Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки: предисловие ко второй части (1831–1832)); *Он на ответ сказал: не хочу; потом **передумал**, пошел...* («Толстовский Листок – Запрещенный Толстой», № 6, 1995); *Я не хотел приезжать, но потом **передумал**...* (Б.К. Зайцев. Голубая звезда (1918)); *Потрогал Мишка ножик складной, спрятал за пазуху. Брюхо ремнем*

стянул покрепче, потом **передумал**. Лучшие на ремне, только бы веревочка не порвалась (А.С. Неверов. Ташкент – город хлебный (1923)); Больше ничем похвалиться не могу. К Дине мечтал заехать, но **передумал**. Не буду глупцом — уеду, не попрощавшись, не страшно, хотя и пообещал им (В.Н. Гельфанд. Дневники (1944–1946)); Степа вызвался было пойти с ними вместе – ему все казалось, что девочки **передумают** или не сумеют как надо поговорить с директором (А.И. Мусатов. Большая весна (1957)); Бывает и так, что у каких-то людей снимаются те или иные ограничения, но они **передумали**, отказываются от выезда (АиФ, 1988); Если вдруг в течение 2 недель она **передумает** и захочет забрать свое чадо, с помощью этих отпечатков будет несложно определить, действительно ли она оставила здесь новорожденного и что это именно ее ребенок (АиФ, 1995).

Материал исследования показывает, что отказ от намерения направлен на прямой объект (**передумали грабить курьера; передумали казнить убийцу**) или косвенный (**раздумал выходить на первом этаже; передумал поступать в вуз**). Оно может быть свершившимся в прошлом, соответственно выраженным формами глагола прошедшего времени (*Многое стало ясно и в среде демократов: одни сначала поддержали чеченскую операцию, потом **передумали*** (Общая газета, 1995), а также отнесено к плану будущего, выражено формами глагола будущего времени (*Однако совсем недавно она неожиданно решила, что дневник слишком интимен, чтобы его публиковать. Поэтому или придется подождать немного, пока она **передумает**, или развести руками: а жаль!* (Московский комсомолец, 1997).

В системных условиях, как показано выше, модальное функционирование деривата *передумать* подразумевает сочетание глагола с субъектным инфинитивом. Но, недолюбливая гольф, **передумал ехать** в клуб и решил провести день с семьей (Известия, 1997). Однако не исключается возможность самостоятельной реализации модального значения. *Он поцеловал нас всех, подошел к матери, она сидела с закрытыми глазами, как мертвая,*

хотел, наверно, погладить ее по голове, но **передумал** и вышел вместе с милиционерами из дома (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975 –1977)).

В ходе исследования была установлена лексическая сочетаемость глагола *передумать* с акциональными глаголами физического действия (*ехать, лететь, казнить, плакать, скреплять* и др.), с интерпретирующими глаголами (*косячить, обвинять, предъявлять, ревновать* и др.).

Употребление деривата *передумать* характерно для разговорной речи, употребляется носителями языка в сфере публицистики, а также в художественной литературе.

Как показывает материал исследования, дериваты *раздумать, передумать, отдумать* в первую очередь реализуют модальное значение намерения (в его разновидности «отказ от намерения») и его оттенки. При этом каждый из указанных глаголов, как было продемонстрировано выше, имеет свою семантическую специфику.

4.4. Модальное функционирование глаголов

придумать, выдумать, надумать

Творческая направленность намерения (принятия решения) связана с воображением индивида, т. е. с «психическим процессом создания нового в форме образа, представления или идеи, на основе переработки, мысленной реконструкции представлений, имеющих в опыте человека» [Рогов 1998: 291]. Данный вид воображения «лежит в основе художественной, литературной, музыкальной, конструкторской и научной деятельности человека. Результатом деятельности воображения могут быть как материальные, так идеальные образы» [Там же].

Как показывает исследование текстового материала, глаголы мышления *придумывать, выдумывать, надумывать* характеризуются частотностью и вариативностью употребления в русском языке с конца XVII и до конца XX вв.

Глагол *придумать*

Словари фиксируют следующие значения лексемы *придумать* – *придумывать*:

«Придумать *что*, примыслить, изобрести, изыскивать умом, находить, открывать, размышляя, дойти своим умом, воображением. *Придумай сказку, выдумай. Хитро придумано: чай пить. Придумывает от нечего делать, затевает, причудничает*» [Сл. Даля. Ч. 3: 374].

«*что и с инф.* Изобрести, отыскать мысленно; сообразить, догадаться что-нибудь сделать. *Придумать выход из положения. Придумай отговорку*» [Сл. Ушакова: 527].

«1. Приходить к какому-л. решению в результате размышления, раздумья и т.п. || Создавать что-либо в мыслях, воображении; сочинять. || *разг.* Изобретать [НСРЯ. Т. 2: 300]; «1. Догадаться сделать что-л., найти какое-л. решение, выход из создавшегося положения. *Не имею сахара уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал пить его с сахарным тростником.* Миклухо-Маклай, Путешествия. || Сообразить, догадаться о чем-л. *Искал, искал зверя Аггей по кустам – нет зверя. И не придумает Аггей, куда подевался олень*» [БАС. Т. 20: 171 – 172; МАС. Т. 3: 406].

«2. Изобрети, создать. *Придумать приспособление к станку*» [БАС. Т. 20: 171 – 172; МАС. Т. 3: 406].

«3. Выдумывать то, чего не было, нет. [Уездный врач] *сообщил суду всё, что помнил из своего протокола вскрытия и что успел придумать, идя утром в суд.* Чехов, В суде» [БАС. Т. 20: 171 – 172; МАС. Т. 3: 406].

Как показывают приведенные данные, основным в семантической структуре слова *придумать* – *придумывать* является модальное значение «намерение», связанное с семантическим значением «когнитивная способность». Эксплицитно выраженная сема «возможность» содержится в описательных лексемах «изобрести», «создать» «сообразить», «догадаться о чем-л.». В рамках последующих (второго и третьего) значений

рассматриваемой лексемы также опосредованно присутствует модальное значение «возможность», связанная с семей «когнитивная способность».

Присоединение к глаголу *думать* префикса *при-* в девятом значении «возникнуть в воображении в процессе действия, названного мотивирующим глаголом (обычно в безличном употреблении). *Грезить* > *при-грезить-ся* *возникнуть в воображении, в грезах* (о чем-л. желаемом), *привидеть-ся* (разг.), *при-мечтать-ся*» [ССАСРЯ 2016: 195] объективирует творческий аспект описываемого этой лексемой действия. Последний указывает на когнитивную возможность субъекта действовать / реализовать мысль («создать в процессе творческого акта мышления какой-либо внешний объект» [Васильев 1981: 130] или «придумывать нечто новое и воплощать его в реальность» [Немов 2011: 484 – 489]), что, как указывалось выше, связано с модальностью возможности.

Разножанровые тексты из НКРЯ подтверждают модальное функционирование глагола *придумать* – *придумывать* как в значении объективной модальности, так и в значении ситуативной модальности – «намерение» и «возможность».

Значение «объективная модальность»: *Я придумал, что делать надо с Гаврилой* (М.П. Погодин. Черная немочь (1829)) – сообщение о факте мыслительной деятельности; *Надо придумать план, как бы лучше воспользоваться* (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6 (1867)) – указание на факт предстоящей мыслительной деятельности, направленной на создание плана; *После неприятных пререканий, мы придумали пререкания приятные: ты звездочка, а ты шоколадка* (К.И. Чуковский. Дневник (1925)) – сообщение о факте существования добрых антропонимов.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *В творении начала три дела творити повелевает риторика: искати милости слушателей, просити о прилежном послушании, известити о вещах, яже в поучении творити придумал еси* (А.

Белобочкий. Риторические труды (1698-1710)); *Я думаю, что Вы и причины не **придумаете**, почему я к Вам так долго не пишу* (А.М. Шумлянский. Письмо И. В. Руцкому (1785)); *До техъ поръ поручи мне думать о месте, которое бы могло быть тебѣ по всему приятно. Что **придумаю**, о томъ напишу къ тебѣ* (А.И. Тургенев. Письма П.А. Вяземскому (1815)); *Хорошо, что **придумали писать** историю въ портретахъ. Более тридцати уже начато, и физиономия улана Чаликова самая значительная* (А.И. Тургенев. Письма П.А. Вяземскому (1819)); *Он знал, что майор иначе не принял бы от него денег, из барской спеси, и для того **придумал** эту хитрость* (О.М. Сомов. Сказки о кладях (1829); *Самый злейший враг Наполеона не **придумал** бы для него брани, обиднее вашей похвалы* (М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)); *Исполнив это с точностью, он **придумал** удивительный способ пополнить свою опустевшую казну* (А.В. Никитенко. Дневник (1848)); *Впрочемъ, чего не **придумаетъ** и не соединитъ детский умъ* (А.К. Шеллер-Михайлов. Гнилые болота (1864)); *Уже **придумали**, как обойти закон* (А.Н. Савин. Дневник (1911)); *Жадный богач Саранбай **придумал** такую хитрость: кто увидит ночью хороший сон, тот и съест целого гуся* (А.П. Платонов. Башкирские народные сказки в пересказе Андрея Платонова (1942-1947)); *Инженеры-нефтяники одной из компаний в Саудовской Аравии остроумно **придумали**, как проверить прочность обшивки нефтехранилища («Юный Техник», 1956); Все мои прежние варианты никуда не годились! Теперь я действительно **придумал** нечто потрясающее! Пойдем!* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Старики-разбойники (1966-1969)); *Задавшись таким вопросом, я **придумал** схему аппарата, судить о которой предоставляю читателям («Техника - молодежи», 1977); Деньжат в нужном количестве не оказалось, и тут же **придумали**, как их достать* (С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров» (1979)). *А если и не отыщем нужного нам – не беда: мы ведь инженеры, сами **придумаем*** («Огонек», 1980)

Значение «намерение»: *После обеда погуляли немного в саду, а в дождь играли на галерее в мячи, а потом **придумали ехать** в Ораниенбаум, мужчины*

были против этого, но уступили желанию и воле дам, линейка была подана (Ю.П. Перцова. Дневник (1839)); Костя **придумал подарить** ей икону Спаса Нерукотворного и дети на свои карманные деньги купили ее в монастыре и отнесли к бабушке (Вел. Кн. Константин. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма (1903)); Некогда в этом Александровском парке, висящем над трубами и мачтами порта, отцы города с педагогической целью ознакомить население с отечественной географией **придумали соорудить** небольшой пруд в форме Черного моря (В.П. Катаев. Встреча (1934-1935)); У меня был длинный кинжал. В последний момент **придумал** кинжал **вынуть**. Я вынул (Ю. Казаков. И родился я на Новой Земле (Тыко Вылка) (1972)); И вот я **придумала уехать** в Москву! («Огонек». № 12, 1991).

Отметим и участие данного глагола в конструкциях, репрезентирующих значение **вопросительной модальности**: Полноте, Ксаверий Астафьевич, это воображение, что вы это **придумали**? (А.Ф. Вельтман. Аленушка (1836)); Кого бы пригласить из священников, – право, не знаю; не **придумаете** ли? (И.С. Никитин. Письма (1853-1861)); Да что вы это **придумали**, господин юнкер? (А.И. Куприн. Юнкера (1932))

Значение побудительной модальности: **Придумай**, пригадай, каким бы образом нам освободиться от сей напасти, угрожающей нам смертию (Сказка о Брунцвике-королевиче (1794-1795)); (она) примолвила: «Я вам уже сказала, что он должен иметь фамилию: этот день должен все решить, – **придумайте**» (Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)); Нет, ты такое своей силе **придумай**, чего никто еще до тебя не делал (С.Д. Мстиславский. Крыша мира (1905)); **Придумай** сначала, что делать с самим собой (В.Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска (1953)).

Как показывает материал исследования, дериват **придумать** способен в изъяснительном наклонении транслировать значение объективной модальности. При этом он реализует значения ситуативной модальности – намерения (в контексте творческого характера, передаваемого данной

лексемой действия) и возможности, а также конституента прагматической модальности – побудительной модальности.

Описываемая глаголом деятельность направлена на прямой объект (*придумал изображать туман*). Употребление деривата *придумать* – *придумывать* типично для ситуаций, когда необходимо обозначить «результат интеллектуального труда, воплощённый в реальность, или «решение проблемы, подразумевающее необычные пути их решения» [Бабенко 1999: 330]. Данный факт объясняет временную отнесённость творческого аспекта намерения к прошедшему времени (*Ленский не может бросить детские выдумки и опять **придумал** пробовать таяние Снегурочки, но я запретил мастерским заниматься этим делом* (В.А. Теляковский. Дневники директора Императорских театров (1900)). В то же время не исключается перспектива его реализации (*Решительно еще не знаю, что мы **придумаем**, но только несомненно то, что если она младших возьмет с собой, то пользы от лечения не будет никакой!* (П.И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1879)).

В системных условиях дериват *придумать* способен выступать в качестве экспликатора модального значения в сочетании с инфинитивом лексически неограниченной семантики (*придумал изображать, придумала решить, придумал вкапывать*). В то же время зафиксированы случаи самостоятельного модального функционирования (*теперь уже середина декабря, до праздников вам сюда ходить не стоит, а в январе милости просим: мы и место вам приготовим, и **придумаем** занятие какое-нибудь...* (А.Н. Апухтин. Неоконченная повесть (1888)).

Материал исследования показывает, что сферой функционирования деривата *придумать* – *придумывать* является публицистическая и художественная литература.

Также отмечены случаи реализации значения, связанного с творческим аспектом намерения, дериватами *выдумывать* – *выдумать*, *надумывать* – *надумать*.

Глагол *выдумать*

Словари фиксируют следующее значения глагола *выдумать* – *выдумывать*:

«1. Придумывать, догадываться что-л. сделать. [Царь] *многожёнца вмиг велел под суд отдать. И выдумать ему такое наказание, чтоб в страх привести народ.* Крылов. Троеженец. Разг. Изобретать, придумывать. В четвёртом классе я уже стал заядлым авиамоделистом, выдумывал новые конструкции моделей» [БАС Т. 3: 393 – 394; НСРЯ. Т. 1: 251].

«2. Создавать воображением, измышлять то, чего не было, чего нет. [Мать] *была большая мастерица рассказывать завлекательные сказки, выдумывая их по мере рассказа*» [МАС. Т. 1: 254; БАС Т. 3: 393 – 394]; «2. Сочинять небылицы, фантазировать» НСРЯ. Т. 1: 251]; «налгать» [Сл. Ушакова. Т 1: 449 – 450].

Как показывают словари, основным значением глагола *выдумать* – *выдумывать* является значение собственно мыслительной деятельности, при наличии соответствующего глагола в изъявительном наклонении связанное со значением объективной модальности. Также в рассматриваемых значениях данный глагол выражает значение ситуативной модальности – модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»), типичное для разговорного стиля речи (на что указывает словарная помета «разговорное»).

В качестве второго значения фиксируется значение собственно мыслительной деятельности, направленной на создание того, чего нет, не было (выдумывать и т.п.).

Рассмотрим, как это реализуется на примере исследуемого материала.

Значение «объективная модальность»: *Нашлись люди, кои выдумали, будто я играю за деньги, беру за вход с приказнослужителей* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении, всей моей жизни. 1791-1798) – сообщение о факте существования ложной мысли; *разве то противно наук происхождению, чтобы анатомик знал химию и писал свои в ней*

изобретения? Или, что он **выдумал**, то отдать химику и чрез то потерять часть своей славы? (М.В. Ломоносов. Записка о необходимости преобразования Академии Наук (1758-1759)) – сообщение о факте мыслительной деятельности; «*Старица против Москвы! **Выдумал** ты тоже чего бояться*», – заметил князь Иван (А.К. Шеллер-Михайлов. Дворец и монастырь (1900)); *Вот тогда она и **выдумала** эту злосчастную вечеринку* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)) – указание на факт мыслительного процесса, направленного на поиск решения определенной проблемы; *Чего только люди не **выдумали**, чтобы убежать из общества, в котором государство вмешивалось в их жизнь* (Независимая газета, 1996) – сообщение о мыслительной деятельности, направленной на поиск вариантов решения ситуации.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *Однако жъ изобретение гораздо лучше избирания, понеже доброе всякъ избирать можетъ, а лутчее редко кто **выдумаетъ*** (С.С. Волчков. Придворной человѣкъ (1742)); *Он **выдумал** обвертывать пушечные ядра особо приготовленною хлопчатою бумагою толь крепко и хорошо, что четырехфунтовое ядро получает от того вид самого большого калибра* («Вестник Европы», 1811); *он решился пуститься на какую-нибудь шалость, только чтоб сыскать средство войти к ним в дом; думал, передумывал и наконец **выдумал**, чтобы я отослала с ним книги к Выродовой* (Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)); *Думал он, думал, да и **выдумал** вот какой несложный, а между прочим, верный проект* (Т.Г. Шевченко. Несчастный (1855)); *Критики, которым он, однако, про себя говорит «подлецы» (ниже всех будто бы; в результате же выше всех).* *Эпизоды из своей бывшей жизни, как бы в назидание детям и проч. Публичные лекции. О том, как он много идей **выдумал**, и литературных, и всяких* (Ф.М. Достоевский. Из записных тетрадей (1870)); *Если же он не найдет истинного Бога, то **выдумает** нового* (И. Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире (1992); *И в третьей экспедиции,*

озабоченной иностранцами. И в четвертой... И даже в пятой – цензурной... И ни хрена нового они **не выдумали**, саркастически подумал Милий Алексеевич, не расшифровывая, кто такие эти «они», но адресуясь отнюдь не к синим тюльпанам (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989).

Глагол **надумать**

Другие дериваты *надумывать* – *надумать*, также употребительные в текстах НКРЯ, имеют следующие значения:

«1. Разг. Придумать что-л. *Думаю и не могу надумать, куда девался ум мой. Гог. Ночь перед Рожд.*» [БАС. Т. 11: 127]; «разг. 1. Придумывать что-л.» [НСРЯ. Т. 1: 929].

«2. Принимать решение после некоторого размышления, раздумья. *В любое время, Дуняшка, приходи, как надумаешь. А. Иван. Повитель. – Ты что-то надумал? – Да, – сказал я, – уезжаю на Дальний. Сажин. Каб. Кирибеев*» [БАС. Т. 11: 127; НСРЯ. Т. 1: 929].

Так, основным значением исследуемого деривата является значение мыслительной деятельности – объективная модальность, а также значение «возможность», связанная с семантическим значением «когнитивная способность» – ситуативная модальность. В качестве второго значения также фиксируется значение ситуативной модальности «намерение», значение «намерение», маркированное по признаку «многократность действия». Кроме того, глагол *надумывать* в форме несовершенного вида способен репрезентировать значение «намерение», маркированное семантическим признаком «напраслина, поклёп».

Продемонстрируем, как это реализуется на примере фактического материала.

Значение «объективная модальность»: *Всё это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян (А.С. Пушкин. Роман в письмах (1829))* – указание на факт мыслительной деятельности; *мы, собственно, надумали, что наш мир действительно лучший (Коммерсант, 1993)* – сообщение о факте существования определенной когниции. *Почти*

всегда задумчивый, съ гитарой, онъ наигралъ и **надумалъ** себѣ какой-то особенный миръ изъ мечтательныхъ звуковъ, изъ блестящихъ словъ, изъ мудреныхъ выдумокъ, – и жилъ себѣ въ этомъ мирѣ одинъ (И.В. Киреевский. Остров. (Недоконченная повесть) (1838)) – констатация факта (законченного/результативного) мыслительного процесса; *Не могу сказать, сам ли отец **надумал**, или ему кто подал мысль, но он дал разучить роль Дездемоны старшей моей сестре и, прослушав ее, решил, что она может сыграть эту роль* (А.Я. Панаева. Воспоминания (1889-1890)) – указание на факт появления у субъекта определённой мысли.

Модальность возможности, связанная с семантическим значением «когнитивная способность»: *Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не **надумаю*** (А.С. Пушкин. Письмо Н. Н. Пушкиной (1835)).

Значение «намерение»: *А может, **надумаю ехать** в Петербург либо в Москву полечиться... всё лучше, как будет готов* (Н.А. Некрасов, А.Я. Панаева. Мертвое озеро (1851)); *Ко времени моего отъезда из этого города, вице-король **надумал отправить** в Ливан своего министра общественных работ* (Вестник Европы, 1905); *Теперь **надумали сообщать** об особо секретных совещаниях через своих штатских ординарцев* (Ф. Искандер. Летним днем (1969)); *В первом случае, общаясь с ним, вы должны до какой-то степени тоже взбунтоваться (но не забывайте, что если в этой жизни что-нибудь **надумают изменить**, то с вами не посоветуются)* (АиФ, 1992); *Вот старик **надумал помирать** и стал деньги делить: старшему дал сто рублей, среднему – сто рублей, а Ивану давать не хочет – все равно, говорит, дурак, растеряешь* (Коммерсант, 1993); *И когда неделю спустя Яков **надумал идти** в хутор Алешкин, мать пугала его* («Новый Мир», 1996); *несмотря на свое шестидесятилетие, Виктор Степанович пенсионером не стал. И пока оформлять пенсию не собирается. Но если бы **надумал**, то его пенсия составила бы 15 тысяч рублей* (АиФ, 1998).

При этом намерение может иметь положительный/негативный характер.

Подзначение «негативное намерение»: *Поэтъ Коуперъ, подвергавшійся въ теченіи всей своей жизни лихорадочнымъ видѣніямъ, надумалъ* однажды въ молодости *повѣситься*, будто слышалъ трижды восклицание: «Свершилось!» («Современникъ», 1850)). Как уже отмечалось выше, суицидальные действия/ намерения противоречат морально-этическим и религиозным нормам русского общества. Поэтому данное намерение имеет негативную квалификацию. *Вот тогда-то он (Ложкин) и надумал поправить* дела за счет учителя. *Помимо десятка четвероногих артистов, костюмов, реквизита, самой идеи спектакля «Фантастические кошки» Ложкин присвоил и имя наставника* (АиФ, 1996). Незаконное присвоение чужого противоречит как общепринятым правилам общества, так и законодательству. Следовательно, такое намерение оценивается негативно. Кроме того, мы считаем возможным выделить специфическое семантическое значение, реализуемое указанным дериватом в рассматриваемой модальной функции – «напраслина, поклѣп»: *Дети снова надумывают – говорят, что учитель математики несправедливо оценивает их успеваемость. А я сомневаюсь в этом; – Ходят слухи, что вы часто конфликтуете с советником Президента? – Все это надумано. Мы знакомы 25 лет, и у нас никогда не было конфликтов* (АиФ, 1994).

Значение «намерение», маркированное по признаку «многократность действия»: *А он надумывал соловья отцу подарить, а меня и не прихватил птиц смотреть* (И.С. Шмелев. Лето Господне (1927-1944); *Несколько раз надумывал, а потом все же отдумывал...* (К. Симонов. Случай с Плыниным (1969)).

Значение «намерение», маркированное по признаку «конец действия»: *4 августа, в среду, я надумал, наконец, поехать к генералу Марченко* (А.М. Достоевский. Воспоминания (1896)); *И волнуясь, Эми окончательно надумала и рѣшила только одно... послать депешу другу Рудокопову, проводившему лѣто недалеко, въ Аркашонѣ* («Вѣстникъ Европы», 1897); *В один прекрасный день, прикинув, что за годы, что деньги лежат в*

чулке, капитал мой увеличился бы чуть ли не в полтора раза, я **надумал** **отнести** их наконец в банк (Независимая газета (приложение «НГ-Политэкономия»), 1998).

Следующий пример представляет интерес в плане реализации значений глаголом *думать* и его дериватами в рамках одного контекста. *Нет, ты такое своей силе **придумай** [требование придумать – Ю.Б.], чего никто еще до тебя не делал: в этом второе дивье отличие, – у нас каждый – особый по делам, без примера. **Стал думать** [намерение (возникновение действия) – Ю.Б.] палавон. Три дня **думал** [указание на факт мыслительной деятельности – Ю.Б.]: что ни **придумает** [возможность (когнитивная способность) – Ю.Б.], все было: или в сказке, или в песне, или сам видел, – словом, было уже с кем-нибудь на деле. **Наконец удумал** [намерение (конец действия) – Ю.Б.]. «Могу, – говорит, – принести стельную корову в зубах» (С.Д. Мстиславский. Крыша мира (1905)).* Данный пример репрезентирует способность глагола *думать* выражать значение объективной модальности (собственно мыслительная деятельность), актуализировать следующие значения ситуативной модальности: «намерение» (*думать*), значение «намерение (решение)» – *удумать*, значение «возможность (когнитивная способность) – *придумывать*, а также значение побудительной модальности – *придумай*.

В ходе исследование разножанровых текстов было установлено, что употребление вышеперечисленных дериватов в качестве экспликаторов модального значения является низкочастотным. При этом наибольшую модальную активность проявляет дериват *придумать*.

Как показывает исследованный материал, относящийся к рассматриваемому периоду развития русского языка, глагол *думать* и его префиксальные дериваты не только сохраняют способность модального функционирования, но и демонстрируют высокую модальную активность. Частотность употребления глагола *думать* и его префиксальных производных возросла в 20 раз по сравнению с древнерусским периодом развития русского языка и в 9,5 раз по сравнению со старорусским периодом развития русского языка.

Выводы

Комплексное применение функционально-семантического, словарно-дефиниционного, компонентного и контекстуального методов анализа специфики модального функционирования глагола *думати* и его префиксальных дериватов в разные периоды развития русского языка позволило нам прийти к выводам общего (относящегося ко всем периодам) и частного (относящегося к конкретным историческим эпохам) характера.

Проанализированные глаголы объективируют главным образом модальные значения ситуативной модальности: намерения (и его различные подзначения) и желательности. Кроме того, в определенных контекстах глагол *думати* способен устанавливать модальные пропозиции «мнение» и «полагание»; указывать на объективность ситуации; выступать в качестве экспликатора побудительной модальности, участвовать в формировании модально-вопросительной рамки предложения в целом.

Префиксальные дериваты *сдумати* (*здумати*, *съдумати*), *подумати*, *удумати* (*вдумати*), *задумати* значительно расширяют базовый модальный ресурс исходного глагола *думати*, выполняя функции объективной, ситуативной и прагматической модальности. Кроме того, они выражают более широкий диапазон модальных оттенков намерения, актуализирующихся в той или иной контекстуальной среде.

Префиксальные дериваты глагола *думати* объединены общей модальной семьей «намерение». В ряде случаев они объективируют близкие или тождественные оттенки намерения. К примеру, производные *сдумати*, *удумати*, *задумати* употребляются в значении «заранее обдуманное намерение», «план», т.е. находятся в синонимичных отношениях и являются взаимозаменяемыми.

Анализ текстового материала позволил идентифицировать намерение как целенаправленную мыслительную деятельность, обращённую к прямому или косвенному объекту, а также установить временную отнесённость намерения

преимущественно к плану прошлого. Это объясняется тем, что факт появления намерения, обдумывания, принятия решения, изменения намерения мысленно уже состоялся. Сформированное намерение находится в процессе реализации (или уже практически реализовано). Данный факт объясняет закономерность употребления глагола *думати* (и его дериватов) в форме прошедшего времени, хотя и не исключает возможность реализации модального значения в формах настоящего времени.

Модальное функционирование рассматриваемых лексических единиц в системных условиях осуществляется в сочетании с субъектным инфинитивом с семантикой физического действия (*взять, ити, отвергыся, перенести, плыть, побѣгнути, погубити, сотворить, уготовити*). В текстах, относящихся к старорусской эпохе, фиксируется сочетание как с акциональными глаголами физического действия, так и с неакциональным глаголом *быти*, а также с неполнознаменательным фазисным модификатором *всчинати*. При этом не исключается возможность их автономного функционирования в качестве экспликаторов значения «намерение» (и его подзначений).

Анализ разножанровых текстов, относящихся к XI – сер. XIV вв. (древнерусский период), показал, что употребление глагола *думати* и его префиксальных дериватов в качестве экспликаторов модального значения желательности является типичным для таких жанров светской литературы, как летопись, повесть, рассказ, история, сказание, деяние (народно-литературный тип языка). Отметим, что исследуемые глаголы реализуют модальную функцию преимущественно в жанре летописи. Зафиксирован лишь единичный случай модального функционирования деривата *з(с)думати* в религиозной литературе в жанре жития (книжно-славянский тип языка).

Для следующего (старорусского) периода развития языка (кон. XIV – сер. XVII вв.) характерно расширение жанровых рамок, допускающих употребление глагола *думати* и его дериватов в модальной функции. Случаи соответствующего словоупотребления типичны как для текстов светской

литературы (жанр летописи), публицистических текстов (газета «Вести-Куранты»), так и для официально-деловой сферы, включающей в себя дипломатические и деловые отношения («Посольская книга»; грамота, отписка, приказ), текстов политической направленности (книга «О причинах гибели царств»), а также для религиозной литературы (жанр житие, минеи и др.).

Частотность модального функционирования исследуемых лексических единиц возрастает в два раза по сравнению с предшествующим (древнерусским) периодом (см. Приложение 2).

В текстах конца XVII – конца XX вв. глагол *думать* и его префиксальные дериваты, основным значением которых является собственно мыслительная деятельность, преимущественно участвуют в реализации (в рамках той или иной конструкции) значения объективной модальности. При этом они репрезентируют различные значения ситуативной (значение желательности в её разновидности «намерение»), прагматической (значение «совет»/«наставление» и др.) модальности, могут выражать значение вопросительной модальности, а также способны устанавливать пропозицию «мнение», «предположение», «мнение-предположение».

Присоединение префиксов к базовому глаголу *думать* актуализирует разнообразные оттенки модального значения – различные аспекты действия, названного мотивирующим глаголом. В ряде случаев модальные значения, реализуемые различными префиксальными дериватами, характеризуются синонимичностью или диффузностью.

В системном аспекте модальное функционирование осуществляется в условиях сочетаемости глаголов мышления с инфинитивом лексически неограниченной семантики. При этом не исключается автономная синтаксическая способность префиксальных дериватов выполнять модальную функцию. Происходит сужение стилистической принадлежности рассматриваемых глаголов: они становятся компонентом лексического состава преимущественно публицистического и разговорного стилей речи, что

обуславливает и определенное смещение их модального спектра в сторону субъективно-оценочных семантических оттенков.

В ходе **статистического анализа** было установлено, что случаи модального функционирования древнерусского глагола *думати* составляют 34 %, его дериватов – 66 %. При этом наиболее частотным экспликатом значения намерения является дериват *зь(с)думати* (46%). Также зафиксированы низкочастотные случаи употребления в модальной функции таких производных, как *удумати* (11 %), *подумати* (7%), *задумати* (2%) (см. Приложение 2).

В языке старорусской письменности употребление глагола *думати* в модальной функции составляет 46 %, его дериватов – 54 %. Наиболее частотным оператором модального значения является дериват *здумати* (36 %), менее частотными – *придумати* (13 %), *удумати* (5%) (см. Приложение 2).

В русском языке (кон. XVII – кон. XX вв.) частотность модального функционирования составляет: *думать* (6 %) и дериваты (94 %). При этом случаи выражения модальных значений дериватами следующие: *задумать* (19 %), *раздумать* (16 %), *надумать* (12 %), *выдумать* (11 %), *подумывать* (11 %), *удумать* (10,5 %), *передумать* (7 %), *вздумать* (4 %), *придумать* (2 %), *отдумать* (1,5 %) (см. Приложение 2).

ГЛАВА III. МОДАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ГЛАГОЛА *МЫСЛИТЬ* И ЕГО ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Модальная специфика глагола *мыслити* в текстах XI – середины XIV вв.

1.1. Глагол *мыслити* как экспликатор модальных значений

Анализ словарных дефиниций глагола *мыслити* позволяет выявить следующие его значения, характерные для анализируемого периода:

«1. Думать, мыслить, размышлять. *Никто же не вѣсть еже мыслиши, но еже твориши то все видять. Менандр. 13. XIV – XV вв.*» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 9: 332 – 333]; «1. Cogitare, думать, размышлять. ...*мыслите вы зѣло въ срдцихъ вашихъ. Ост. ев. О немъ мы паче мыслимъ. Гр. Наз. XI. Тако же и сему тому (Святополку) явися ему, мыслящу оубо ему, како и кымъ образомъ погубити брата своего Бориса. Нест. Бор. Гл. 16; Мышлѣаше в себѣ глаголя. Зогра. Мар. Ас. лихо мыслихъ*» [Ст.-сл. сл. 1999: 337; Сл. Срезн. Т. 2: 216; СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 9: 332 – 333].

«2. Намереваться, замышлять. *Толика добра вѣнника погубити мыслятъ. Супр. 386, 24. Исоухристосово оубитне мыслятъ. Супр. 383, 30*» [Ст.-сл. сл.: 337];

«3. Предполагать. *Възмѣше от корабля тело, съ еѣликою чѣстїю вѣнесоша въ црквь, мысляху бо въ цркви погрети. Пов. о ж. Епиф. XI – XII вв.*» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 9: 332 – 333]; «3. замышлять, злоумышлять. *Окаяныи не токѣмо и мышляше на нь зло, нь и погубитъ его посылаше. Нест. Бор. Гл. 12. Ему зла на нас не хотѣти, ни мыслити. Псков. И л.*» [Сл. Срезн. Т. 2: 216].

«4. Замышлять недоброе. *Игорь же ... нача мыслити на древяны хотя примыслити большую дань. Радзив. лет. 1096. Отворотилъ отъ города со многими казаки, которые къ воровству не пристали и не мыслили, внизъ по*

Волгѣ. 1683. Мыслити зло, злая (на кого-л.) *Въсякую мыслите зъло въ срдцихъ вашихъ?* Остр. ев. 1057» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 9: 332 – 333].

Таким образом, в качестве основного значения глагола *мыслити* фиксируется значение мыслительной деятельности («думать, мыслить, размышлять»), в изъявительном наклонении рассматриваемого глагола репрезентирующее значение объективной модальности. Второе значение («намереваться, замышлять») объективирует значение ситуативной модальности «намерение», в том числе в его подзначении «негативное намерение». Значение негативного намерения фиксируется всеми словарями в качестве второго, третьего, четвёртого значений.

В то же время одна из описательных единиц третьего значения («предполагать») указывает на мелиоративный характер намерения («надеяться на реализацию намерения»).

Вышеприведённые словарные данные коррелируют с результатами анализа функционирования глагола *мыслити* в памятниках письменности исследуемого периода. Глагол *мыслити*, имеющий основное словарное значение «думать, мыслить, размышлять», реализует значение объективной модальности, ситуативной модальности (преимущественно значение «намерение» в его подзначениях: «негативное намерение», «положительное намерение»).

Значение «объективная модальность»: *Даниилъ мысляше, како проити землю Опавъскую* (Гал.-Вол. лет.) – указание на факт аналитической деятельности субъекта, направленной на решение конкретного логистического вопроса; *Довѣмонть же мысляшеть бо, акы како убити Мндовга* – отражение факта планирования субъектом преступного действия (убийства) (Гал.-Вол. лет.); *Антоний же приде Кыеву и мысляше, кдѣ жити; и походи по манастиремъ и не возлюби, Богу не хотящу* (Пов. врем. лет) – сообщение о факте поиска местожительства; *И въсхотѣ сынъ его, якоже учашеть его, и мысляшста како ему изити из града* (Пов. о взят. Царьгр.) – указание на факт обдумывания субъектом вариантов выхода из города; *Азъ,*

отче, много **мыслях**, како бы намъ **пособити** крестьяномъ сим (Ж. Мих. Тверс.) – сообщение об осуществляемой субъектом аналитической деятельности, направленной на решение конкретной проблемы (помощи крестьянам).

Значение «намерение»: *Григорьи же Васильевичъ собѣ горную страну Перемышльскую **мышляше** [имел намерение – Ю.Б.] **одержати** (Гал.-Вол. лет.); **Не мыслию** [не имеешь намерения – Ю.Б.] **ти прелетѣти** издавеча, от ня злата стола поблюсти (Сл. о плку. Иг.); **Мысляше** [имел намерение – Ю.Б.] же **ѣхати** и на другую, Божии же воля водящи и, идѣже бѣ жена его съхранена от иноплеменника того (Сказ. об Евст. Плакиде); (Он) **пришель въ** Лядскую землю, **мысляше** [имел намерение – Ю.Б.] во умѣ своемъ **взяти** Галичъ (Гал.-Вол. лет.); но держаше мысль високу своя уности, **мышляшетъ** [имеет намерение – Ю.Б.] бо, емже мужъ, и **бѣжати** в Русь (Ипат. лет.); **Аще** который братъ **мысляше** [имел намерение – Ю.Б.] **изыити** из монастыря, узряше и, пришедъ к нему, и обличаше мысль его утѣшаше брата (Пов. врем. лет); Видѣвша же и, **не мысляшета** [не имели намерения – Ю.Б.] **въпросити** его (Сказ. об Евст. Плак.).*

При этом намерение, как уже ранее указывалось, может быть оценено субъектом речи как «намерение», отражающее негативное («негативное намерение») или положительное («положительное намерение») отношение пишущего к описываемому действию.

Подзначение «негативное намерение»: – *Рече Володимеръ: То како вы инѣхъ учите, а сами отвѣржени от Бога? Аще бы Богъ любилъ васъ, то не бысте расточнени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ то же **мыслите** [имеете негативное намерение – Ю.Б.] **зло прияти** (Пов. врем. лет) [БЛДР].* Риторический вопрос *Или и нам того же намереваетесь дать?* содержит иронически окрашенное указание на намерение адресатов высказывания (иудейских богословов) принести русскому народу несчастья (отвержение Богом и распад этноса), которые обеспечивает предлагаемый ими религиозный уклад. *Н (сам), обманывая его, часто посылал к Владимиру с*

*призывами идти приступом на город, **мышляше*** [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *в это время **убить** Ярополка* (Пов. врем. лет). В приведённом текстовом фрагменте указание на факт намерения (*мышляше*) сопровождается негативно маркированными в семантическом плане лексемами *обманывая, убить*.

Подзачение «положительное намерение»: *Преподобный и благочестивый Игнатий епископ **мышляше*** [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *создати* церковь камену въ имя святого Игнатъа (Ж. Авр. Смол.); *Нъ нѣ вѣмъ, что **мыслить*** [имеет положительное намерение – **Ю.Б.**] *милосердый Богъ **сътворити*** (Чудеса Ник. Мирлик.); ***Мысляше*** [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *же **ѣхати** и на другую, Божию же воля водящи и, идѣже бѣ жена его съхранена от иноплеменника того* (Сказ. об Евст. Плакиде). Вышеприведённые примеры объединены тем, что намерения субъектов (создать церковь, совершить некое действие, ехать в другую страну) предопределены Божьей волей, воспринимаемой социумом того времени как высший закон. В связи с этим намерение субъекта ситуации получает положительную оценку с точки зрения говорящего. На соответствующую квалификацию намерения указывает в том числе ближайшее контекстуальное окружение, содержащее такие мелиоративные лексические единицы / словосочетания, как *благочестивый, создать, церковь, милосердый (Богъ), (жена) съхранена*.

Следующий пример представляет особый интерес с точки зрения квалификации намерения. *Се уже, Нире, велико гибение бысть на земли, к тому не трѣплю ни поносу, се аз **мышлю*** [имею намерение – **Ю.Б.**] *вскорѣ **низъпустѣти погубление** велико на землю* (Сказ. о Мелх.). Данный фрагмент посвящён библейскому сюжету, относящемуся ко времени Ноя. Тогда Бог решил ниспослать гибель на род человеческий за его грехи (*не потерплю я (Бог) впредь ни поругания*). Слово «погибель» объективирует негативное значение интенции «лишить жизни», «смерть». Негативность намерения усиливается уточняющим определением «великий» – *великая гибель великой*

земли. В то же время лексема *ниспослать* в определенном смысле нивелирует значение «злонамерение». Словари фиксируют следующее толкование: «Ниспослать – книжн. устар. Послать даровать (обычно о Боге, божественных силах и т.п.). *Да ниспошлет господь любовь и мир Его душе.* Пушкин. Борис Годунов» [МАС. Т. 3: 500]; «посылать, даровать свыше» [НСРЯ. Т. 1: 1042]. Таким образом, «ниспослание погибели» в данном случае позиционируется пишущим как благо, поскольку с религиозно-философской точки зрения, Бог – это форма безусловной любви, а не гнева и наказания, т. е. Он не может погубить.

Модальное значение намерения с семантическим модификатором «начало действия»: *Аще же пойдет и мыслити начнет* [начало формирования намерения – Ю.Б.], *славити вездѣ, таковому закрывает Господь* (Леген. о гр. Китиже). Посредством фазового глагола *начинати* объективируется значение «начало действия».

Кроме того, глагол *мыслити* способен выступать в качестве экспликатора таких значений ситуативной модальности, как «стремление», «возможность».

Значение «стремление»: *Олегъ же не восхотѣ сего послушатъ, но паче мысляше* [имел интенсивное намерение – Ю.Б.] *и Новгородъ прияти* (Пов. вр. л.). На интенсивность намерения указывает лексема «паче» в значении «protius», «лучше», «гораздо, ещё» [Сл. Срезн. Т. 2: 891 – 892].

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *Видѣвши же и, не мысляшета* [не могли, т.к. не догадались – Ю.Б.] *въпросити его* (Сказ. об Евст. Плак.).

В ряде случаев глагол *мыслити* реализует значение прагматической модальности – значение побудительной модальности «запрет».

Значение побудительной модальности «запрет»: *княгини же. ляховица соуци. възбрани емоу. глици. не мысли* [не имей намерение – Ю.Б.] *ни створи сего. сице бо створися в нас. нѣкоя рад вины. изгнани быша черноризци. и велико зло здѣся в лядьскои земли. се же рече княгини* (Сим. Владимир., Пол.

Пече. Киев.-Печ. пат.). Данное значение реализовано посредством глагола *мыслити* в императивной форме (*не мысли ни створи*).

Встречаются также отдельные примеры использования настоящего глагола в составе **вопросительной** модальной рамки: *То о сѣмъ чему не мыслите?* (Пов. врем. лет.).

Как показывает материал исследования, реализация модального значения, в том числе намерения, характеризуется целенаправленностью на некий объект: прямой (*мышляше создати церковь; не мысляшета въпросити его*) или косвенный (*не мыслию прелетѣти издалежа*). При этом намерение относится преимущественно к плану прошлого, что обуславливает использование глагола *мыслити* преимущественно в форме прошедшего времени: *Князь (Михайло) глаголаше: «Азъ, отче, много мыслях, како бы нам пособити крестьяномъ сим...»* (Жит. Мих. Ярослав. Тверск.); *Богъ же за высокомыслие его и не створи того, еже онъ **мысляше*** (Гал.-Вол. лет.). Прогнозируемость и закономерность временной отнесённости намерения к прошедшему времени обусловлена тем, что факт появления намерения мысленно уже состоялся. При этом не исключается реализация модального значения посредством форм настоящего времени в значении будущего. *И въсхотѣ сынъ его, якоже участь его, и **мышляшита**, како ему **изити** из града* (Пов. о взят. Царьгр.); *Четвъртыйи же день медъ въкыдавыше въ ламъ вѣложиша тѣло въ нѣ. **Мысляхоу** бо въ церкви е **погрети*** (Пов. Поливия) [Усп. сб.: 293].

В системных условиях глагол *мыслити* реализует модальные значения и актуализируется в инфинитивных конструкциях (*мыслях пособити, мысляшеть убити, мышляше одержати* и др.). При этом в ходе исследования была установлена лексическая сочетаемость глагола *мыслити* с акциональными глаголами физического действия (*бѣжати, ѣхати, изыити, погрети, прелетѣти* и др.), а также с некоторыми констатирующими глаголами (например, *въпросити*).

Как показывает материал исследования, функционирование глагола *мыслити* в качестве экспликатора модального значения намерения типично как для народно-литературного типа русского языка (в частности, для жанров светской литературы, в числе которых повесть, летопись, сказание), так и для книжно-славянского типа, а именно для таких жанров религиозной литературы, как житие, чудеса.

В ходе исследования текстового материала был определён ряд дериватов глагола *мыслити*, способных реализовать инвариантное значение желательности (преимущественно значение «намерение» в его подзначениях): *возмыслити*, *домыслити*, *замыслити*, *помыслити*, *смыслити*, *умыслити*.

1.2. Модальное функционирование глаголов

помыслити, умыслити, замыслити

Глагол *помыслити*

Дериват *помыслити* (*помышляти*) характеризуется достаточно высокой степенью употребительности в рамках исследуемого материала. В словарях древнерусского языка фиксируется достаточно объёмный перечень значений данного глагола, при этом авторы различным образом выстраивают иерархию последних. Так, словари выделяют следующие значения глагола *помыслити*:

«1. Подумать, рассудить. *Помыслите в сѣбе, кого хотите, да азъ поставлю вамъ.* Нест Жит.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 17: 41; Сл. Срезн. Т. 2: 1169 – 1170].

«2. Обдумать. *Не пѣцетися, како ил чѣто помыслисте или чѣто речете.* Остр. ев.» [Сл. Срезн. Т. 2: 1169 – 1170]; «2. Вспомнить о ком-л. *Лежащую ти въ тѣвѣрдо покрѣвенѣ храминѣ, слышащую же ушима дѣждѣвное множество, помысли о убогих...* Изб. Св. 1706 г.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 17: 41].

«3. Подумать, представить себе. *Ничто же о нем лукавно не помысли.* Псков. лет.» [Сл. Срезн. Т. 2: 1169 – 1170]; «3. Вообразить, (мысленно) представить себе что-л. *Яко не подобаетъ чудити ся добротѣ женѣстѣи, нѣ*

помыслити ю абие больну и състарѣвшуся. Изб. Св. 1706 г.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 17: 41].

«4. Задумать, пожелать. *Помыслившоу ти... наоучитя.* Иппол. Антихр.» [Сл. Срезн. Т. 2: 1169 – 1170]; «4. Обдумать, посоветоваться с кем-либо. *Помысливъ с дружиною своею, крестися... въ цркви Святыя Троица.* Моск. лет. 1456 г.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 17: 41].

«5. Замыслить, возыметь притязание. *Прияста извещение яко не помыслити на царство.* Новг. лет.» [Сл. Срезн. Т. 2: 1169 – 1170]; «5. Задумать, замыслить, пожелать (что-л. сделать). *Видѣ [Сава] въ мори островець малъ и помысли вълѣсти и помолчати въ нѣмъ.* Ж. Сав. Осв. XIII» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 17: 41].

«6. Иметь злой умысел, возыметь притязания (на территорию, власть). *Яко николи же помышлю на страну ваию, ни собираю вои.* Лавр. лет.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 17: 41].

«7. *На кого, на что.* Почувствовать, испытать желание к кому-л, чему-л. *Не помыслихъ на доброту чюжю, не познахъ жены другыя, развѣ мири ваю.* Изб. Св. 1076. 8. *На что.* Заподозрить что-л. *Въ црсто же ихъ помыслиша на крамолу Аспира патрикия.* Хрон. И. Малалы XIII» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 17: 41].

Следовательно, в качестве основного в семантической структуре значения глагола *помыслити* указывается значение собственно мыслительной деятельности «подумать что-л. / о чём-л.», что посредством изъявительного наклонения эксплицирует значение объективной модальности. Данное значение сопряжено с модальным значением «намерение» в его разновидности «решение». Действие, объективируемое глаголом *помыслити* в значении «подумать», «рассудить», можно интерпретировать как (не)продолжительный процесс принятия решения на основе анализа некоторых данных. В то же время в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» значение собственно мыслительной деятельности фиксируется в качестве основного, а также и в двух последующих значениях («вспомнить о ком-л.»,

«представить себе, вообразить»). При этом в «Материалах...» И.И. Срезневского во втором значении («обдумать») рассматриваемый глагол объективирует действие, связанное с продолжительным по времени процессом осмысления некоторого вопроса и таким образом связан с объективной модальностью. В то же время в данном значении содержится имплицитно выраженная сема «решение». В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» значение, фиксируемое в качестве четвёртого – «обдумать, посоветоваться», имплементирует в содержательную структуру глагола сему совместности, не влияя на способность рассматриваемого глагола выражать значение объективной модальности.

С объективной модальностью сопряжено и третье из выделенных лексических значений («подумать», «представить себе»), связанное с указанием на факт собственно мыслительной деятельности. В своих четвертом и пятом значениях глагол *помыслити* очевидным образом способен выражать конституент ситуативной модальности – «желание». При этом в случае реализации значения «замыслить, иметь притязание», по нашему мнению, исследуемый глагол способен репрезентировать модальное значение возможности (поскольку речь идет о наличии/отсутствии у субъекта действия перспектив реализовать свои притязания).

В рамках шестого значения – «иметь злой умысел, возыметь притязания» – следует отметить способность глагола *помыслити* выражать ранее отмеченное нами модальное значение «желание» (с субъективно-модальным оттенком «негативность/предосудительность»), «стремление». Модальное значение желательности также чётко прослеживается при употреблении глагола в седьмом его значении – «почувствовать, испытать желание к кому-л., чему-л.». В качестве последнего в семантической структуре глагола *помыслить* фиксируется значение «заподозрить» – мнение-умозаключение о причастности кого-л. к чему-л., что можно связать уже с выражением объективной модальности.

В префиксальных глаголах *помышляти* – *помыслити* из всех выделяемых традиционно значений префикса *по-* (см. подробнее: [РГ-80; ССАСРЯ]) реализуется ограниченность процесса во времени. Однако, в отличие от традиционно приводимых примеров с префиксами в этом значении (*побегать*, *попрыгать*, *посидеть* и т.п.), ментальная деятельность не ограничивается самим процессом. Таким образом, присоединение вышеуказанного форманта актуализирует значение направленности действия на некий объект, а также объективирует семантический оттенок «размышлять некоторое время с целью принятия решения / обдумывания замысла».

В разножанровых текстах из БЛДР и НКРЯ отражено функционирование деривата *помыслити* в значении объективной модальности, а также модальности ситуативной – преимущественно в значении «намерение».

Значение «объективная модальность»: *Апелинъ на мѣсто не обрѣте тѣлесе. И помысли си «ко гдѣ ис хсъ прѣложи ю въ раи»* (Муч. Ирины) [Усп. сб.: 160] – факт размышления о времени переселения в рай; *имже велика бысть печаль Еуспасиану, зане не помысли, что сътворити высотѣ той противу* (Из Ист. Иуд. вой.) – указание на факт мыслительной деятельности субъектов, направленной на поиск решения конкретной ситуации (*сътворити высотѣ той противу*).

Значение «намерение»: *Помысли* [имел намерение – Ю.Б.] *строитель црквьныхъ въ сѣмени льн янѣмъ избити* масла (Жит. Ф. Печ.); *бѣ бо купецъ, родомъ торопчанинъ, и помысли* [имел намерение – Ю.Б.] *быти мнихомъ, ... иде къ великому Антонию в пещеру* (Пов. вр. л.).

К оттенкам намерения, реализуемым глаголом *помыслити*, относятся следующие: «негативное намерение», «положительное намерение».

Подзначение «негативное намерение»: *Иже помысли* [имеют негативное намерение – Ю.Б.] *от страны Рускыя раздрушити* таковую любовь. *да приимуть мѣсть от Бога вседѣржителя* (Пов. вр. л.); *А нынѣ вѣдай, яко умьреши, понеже помыслилъ* [имел негативное намерение – Ю.Б.]

еси **взити** въ Ерусалимъ, зло **створити** ерѣмъ Божьимъ и к людемъ его (Там же). В вышеприведённых текстовых фрагментах содержатся такие лексические единицы / словосочетания, как *разрушити любовь, принять месть, зло створити*, указывающие на пейоративный характер намерения.

Подзначение «положительное намерение»: *И възбнувся, яко от сна, от идолского служения и помысли* [имели положительное намерение – **Ю.Б.**] *своими бояры креститися во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Сказ. о Довм.); *По сем же Володимиру живуцю в законѣ крестьянѣм, и помысли* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *создати* каменую церковь святыя Богородица (Пов. вр. л.); *(Братъ Григорий и Иоаннъ) имѣста же вѣру велию ко прчистей Богоматери помыслиста* [имеют положительное намерение – **Ю.Б.**] *же создати* монастырь во имя пречистыя Богородицы (Пов. о Благ. церк.). С точки зрения религиозных и морально-этических норм, намерения принять крещение, создать церковь/монастырь воспринимаются говорящим и социумом того времени, как положительные.

Также дериват *помыслити* способен актуализировать модальное значение «собственно желание».

Значение «собственно желание»: *И возлюбивъ мѣсто то, и помысли* [пожелал – **Ю.Б.**] *созиждеть на немъ градець малъ* (Гал.-Вол. лет.). Состояние любви к определённой географической точке детерминирует желание субъекта создать на её месте город.

Итеративная форма глагола *помышляти* также репрезентирует вышеприведённые значения, фиксируемые словарями:

«1. Размышлять, думать. *Яко подобает разумети наше естество, помышляти грехи, ведети, чьто есмь*. Сбор. 1706.

2. Представлять себе, иметь в мыслях. *Присно имуща бога пред очима своима и день смертельныи помышляти*. Илар. Сл. Вспоминать. *Зѣлобы своего не помышляти в сѣрдцѣхъ вашихъ*. Панд. Ант. Замышлять. *Не помышляше никако же зла на брата своего*. Нестор. Бор. Глеб. Злоумышлять.

Что помышляете на насъ. Ип. лет. Желать. ...не елико приближатися помышляютъ. Гр. Наз.» [Сл. Срезн. Т. 2: 1170 – 1172].

В качестве основного значения также фиксируется значение собственно мыслительной деятельности – значение объективной модальности, а в качестве последующих (неосновных) значений – модальные значения «намерение» в его подзначении «негативное намерение», а также значение «желание». Подтверждение тому находим в памятниках письменности соответствующего периода.

Значение «объективная модальность»: ... юже кѣто *размышляя помышляи* по малу от чѣсти можетъ разумѣти того познати, иже есть сътворилъ сиця дѣла дивѣна и многа... (Ж. Меф.) – сообщение о факте обдумывания ситуации с целью понимания и познания (замыслов Творца-создателя). Много борещися сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣннѣ суци, *помышляю, како стати* предъ страшнымъ судьей, каянѣя и смѣренѣя не приимши межу собою (Поуч. Вл. Мон.) – указание на факт размышления пишущего об опасности состояния душевного раздора в контексте неизбежной встречи со Всевышним. С тѣми бесѣдовавшие, с нимиже бѣше полезнѣе, уклоняся от укланяющихся въ стропты, и *помышляше, како бы* земными небеснаа премѣнишу, *излетѣти* ис телесе сего и съ Богомъ жити (Жит. Конст.-Кир.) – сообщение о факте благочестивых размышлений актора.

Значение «намерение»: *Нѣ да никѣто же не помышляетъ* [не имеет намерения – **Ю.Б.**] *ти речеть. Чѣто ти оубо въшьдѣ хсѣ сътвори* (Сл. на сошест. св. духа); *И умножившимся челоуѣкомъ на земли, и помыслиша* [имели намерение – **Ю.Б.**] *создати столпъ до небеси въ дни Нектана и Фалека* (Пов. врем. л. т.); *Овии сѣдѣти хотяху, затворившися въ градѣ, а друзии бѣжати помышляше* [имели намерение – **Ю.Б.**] (Пов. о наш. Тохт.).

Подзначение «негативное намерение»: *Воле не оужасосте ли ся прѣдѣ симъ моучени. И скупѣша полк, и послаша к Володимерю: Ты что помышляете* [имеешь негативное намерение – **Ю.Б.**] *противу нас. а хотимъ ся*

с вами коньчати; не нас бо одиных дума, но и о вас суть же в той же думе (Пов. об убиен. Андр. Богол.) На негативную направленность намерения / замысла указывает лексема «против», объективирующая значение «указание на противодействие» [Сл. Срезн. Т. 2: 1593]; «враждебно или с противодействием по отношению к кому-л., чему-л.» [НСРЯ. Т. 2: 382].

Подзначение «положительное намерение»: *И умножившимся братьи и не могущимъ имъ вмести́тися в пещеру, и **помыслиша*** [имели положительное намерение – **Ю.Б.**] ***поставити** внѣ пещеры монастырь* (Пов. вр. л.). Намерение построить монастырь – местоительство православных христиан, предназначенное для духовного и нравственного совершенствования, квалифицируется говорящим и социумом как положительное.

Значение «стремление»: *Си же слышавъ богодѣхновеный Феодосий и раждѣгъся божѣствомъ рѣвностію и любвю, и дышаниемъ Божиємъ, **помышляаше*** [имел интенсивное намерение – **Ю.Б.**] ***пострѣщеся и утаитися** матерѣ своей* (Ж. Феод. Печ.) На значение стремления указывает словосочетание *раждѣгъся божѣствомъ рѣвностію и любвю*.

Кроме того, дериват *помышляти* способен выступать в роли оператора побудительной и вопросительной модальности.

Побудительная модальность в значении «призыв», «совет»: ***Не помышляй*** [не имей намерения – **Ю.Б.**] *такового, нѣ от всего сердца своего обратися къ Господу и спроси у него, не сумняся, и разумей многое милосердіе его, яко не оставитъ тебе, нѣ прошение душа твоя исполнитъ* (Из Толкового Ап.); ***Не помышляй*** [не имей намерения – **Ю.Б.**] *же ни на домъ, ни къ женѣ, ни на дѣти, развѣ къ Богу* (Чуд. Ник. Мирл).

Участие в формировании **вопросительной модальности:** *Воле не **помышлясте*** [не имели ли намерения – **Ю.Б.**] *ли нынѣ **моучити** ся?* (Сл. Злат. о св.).

Как показывает материал исследования, намерение субъекта связано с его целенаправленной мыслительной деятельностью, объективируемой прямым объектом (*помысли раздрушити любовь*) или косвенным (*помышляаше*

утаитися матерѣ; помыслихъ прѣдложити въсей братии). Как правило, оно отнесено к плану прошлого, поскольку является состоявшимся (сформированным) к моменту речи. Интенция, реализуемая глаголом *помыслити*, выражается формами прошедшего времени. Например: *О неи же помыслихъ дѣтицю създати стѣлпъ* (Муч. Иринии). Однако не исключается употребление рассматриваемой лексической единицы в форме настоящего времени в значении будущего: *...помышляю, како стати пред страшным судьей* (Поуч. Вл. Мон.).

В системных условиях глагол *помыслити* реализует модальное значение в сочетании с субъектным инфинитивом (*помысли быти, помысли создати*). Также установлена лексическая сочетаемость рассматриваемого деривата с акциональными глаголами физического действия (*бежати, взити, ехати, ити* и др.) и констатирующими глаголами (*прѣдложити, речеть* и др.).

Анализ разножанровых текстов позволил определить сферу модального функционирования дериватов *помышлять – помыслить*. Соответствующее функционирование типично для таких жанров светской литературы, как повесть, сказание, летопись, поучение, слово, а также для жанров религиозной литературы (житие, единичные случаи – мучение, патерик, слово церковное).

Глагол *умыслити*

Дериваты *умышляти – умыслити* являются достаточно частотными лексическими единицами в рамках исследуемого материала. Словари фиксируют следующие его значения:

«1. Замыслить, задумать. *Неправду уоумыслилъ языкъ твои*. Син.» [Ст.-сл. СРЯ: 739]; «1. Задумать, замыслить. *Не хотя обличити ея, въсхотѣ отаи поустити..., сице же емоу оумышляшоу, се англь явися емоу...* Остр. ев.» [Сл. Срезн. Т. 3, Ч. 3: 1217 – 1218].

«2. Понять, осознать. *Саторнинъ же много мудръство восприимъ. оумысли въ правду яко мужъ тъ*. Супр. 204 – Евх. 37 а [Ст.-сл. СРЯ: 739]; 2. Порешить, рассудить. *Или Богъ умыслитъ о дѣтѣхъ моихъ, ино брату*

Григорью половина въ животѣ моемъ. Дух. Ост. ок. 1396. 3. Потерпеть убытокъ [Сл. Срезн. Т. 3, Ч. 3: 1217 – 1218].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля указывается значение: «умышлять, умыслить *что*, на(вы,при)думать, замыслить, задумать, решиться сделать *что*, умудриться, ухитриться. *Умысливъ въ поле ехать, стали собираться. Человекъ умышляетъ снаряды, приспособляя ихъ къ делу. Какъ умыслимъ завтра: утро вечера мудренее. И умыслилъ (Феодоръ) ехать, тело брата своего погребсти*, Кошх. || *Что, на кого* посягать, замышлять, задумать вредъ, зло, крамолу. *Да сотворите ему (лжесвидетелю), яко же и онъ умысли сотворити противу брата своего. Умышляющий человекъ понуро глядитъ. Строя... козни, онъ умышлялъ на брата своего.* -ся быть умышляему; Умысель, умысль, дейст. по гл. Злое умышление. *По умышлению вражью стались крамолы или Умышления или умысел заговорщиковъ открыты.* || Умысель, замысель, помысль, обдуманное напередъ дело, намерение» [Сл. Даля Ч. 3: 455].

Как свидетельствуют вышеприведенные данные, основное значение лексемы *умыслити* связано с ситуативно-модальным значением «намерение», в том числе «негативное намерение» («злое умышление», «задумать вредъ, зло, крамолу»), «замысел», а второе – значение собственно мыслительной деятельности («понять, осознать») – с модальностью объективной.

Как известно, префикс у- имеет значение «приставка, усиливающая отрицательное значение слова и ограничивавшая или ослаблявшая значение слова, когда оно не являлось отрицательным» [Черных 1999: 279], а также «доведение до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим словом (уездить, укачать, умучить и т.п.)» [ТССЕРЯ: 25]. Присоединение указанного форманта к глаголу *мыслити* переводит его в модальную плоскость преимущественно негативного намерения.

Значение «**объективная модальность**»: *Како оубо оумыслили быша наконѣхъ я исцелены тещи* (Сл. Злат. Конст.) – факт принятия обдуманного решения о лечении тёщи; *отвсюду оумышляеомъ помыслы оума моего.*

възвратихся на страс. егда оунже ми терние грѣховное. от свѣсти моей осужаюся. и всѣми (Кир. Тур. Молитвы Кирилла (XIII в.) – указание на факт мыслительной деятельности – обдумывание некой ситуации.

Значение «намерение»: *Ти видяше, яко многашьды лишаем сущи литургии, проскурънааго ради непечения, жалашеси о томъ зѣло и умысли* [имел намерение – **Ю.Б.**] *же самъ своимъ съмѣрениемъ отълучитися на то дѣло* (Жит. Феод. Печ.); *и умыслихъ* [имел намерение – **Ю.Б.**] *нагъ жити и броня тяжкши възложити на тѣло свое* (Киев. – Печ. Пат.); *Мы же, тръгубу радость приимъше, умыслихомъ* [имели намерение – **Ю.Б.**], *испытавъше, посылати* Мефодия, свящъше и съученики, сыну же нашего на странываша. (Ж. Меф.); *Мы же, тръгубу радость приимъше, умыслихомъ* [имели намерение – **Ю.Б.**], *испытавъше, посылати* Мефодия, свящъше и съ ученики, сыну же нашего на странываша (Жит. Меф.).

Рассматриваемый дериват, реализуя ситуативно-модальное значение намерения, в ряде случаев имеет субъективно-оценочную маркированность по признаку положительности.

Подзначение «положительное намерение»: *И се же пакы по дньхъ немнозѣхъ оумысли тѣ же боляринъ дати* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *евангеліе въ манастирь блаженааго* (Жит. Ф. Печ.); *Стославъ сынъ Ярославль оумысли* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *сзъдати цркъвъ камноу* (Сказ. о чуд. Р. и Д.); *Стославъ оумысли* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *въздвигнути цркъвъ съкроушивъшуюся вышегородѣ камяною. и приведеъ зъдателе повелѣъ зъдати въдавъ имъ въсе пообилоу. яже на потребоу* (Чуд. Бор. и Гл. по Усп. сб.). В приведенных высказываниях исследуемый глагол сочетается с лексическими единицами, объективирующими положительные с точки зрения этических норм действия (пожертвовать Евангелие, построить/воздвигнуть церковь).

Другой пример: *на прѣидушее лѣто вложил Богъ мысль добру в русьскии князи – умыслиша* [имели положительное намерение – **Ю.Б.**] *дерзнути на половцѣ, поити в землю их* (Пов. вр. л.) Решение русского князя пойти на

половскую землю позиционируется говорящим как положительное, на что указывает конструкция *вложил Богъ мысль добру в русьскии князи*. Следующий пример: *Сий убо такоже сътвори: умысли* [имели положительное намерение – **Ю.Б.**] *положити* душу свою за отчество, избави множество от смерти своею кровию и от многоразличных бѣд (Жит. Мих. Яросл. Тверск.). Решение субъекта ситуации положить свою душу за отчество является патриотичным и, следовательно, имеющим несомненную положительную оценку.

В то же время глагол *умыслити* – *умышляти* может репрезентировать модальное значение намерения, имеющего негативный семантический оттенок.

Подзначение «негативное намерение»: *аще который брат умышляаше* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] *ити* из монастыря, он обличаше его мысль и утѣшаше брата (Киев.-Печ. пат.). Обдуманное намерение брата уйти из монастыря позиционируется говорящим, как неправильное и предосудительное, на что указывает лексическая единица *обличать*, т. е. делать явным что-то дурное. *И ничьто же оумыслихъ* [не имел негативного намерения – **Ю.Б.**] *противоу братоу моему* (Сказ. о Б. и Г.) [Усп. сб.: 49]. На отсутствие негативного намерения по отношению к субъекту (*братоу моему*) указывают лексемы *ничьто* и *противоу*.

Отметим, что намерение субъекта представляет собой его целенаправленную мыслительную деятельность, связанную с объектом напрямую (*умыслихомъ посълати Мефодия, оумысли дати евангелие*) или косвенно (*оумысли своимъ съмѣрениемъ отълоучити, умышляаше ити из монастыря*).

В ходе исследования была определена отнесённость намерения к прошедшему времени, реализующаяся посредством соответствующих форм глагола (*умыслиша, оумыслихъ, умысли, оумыслили быша*).

Как правило, модальное функционирование дериватов *умышлять* – *умыслити* реализуется в инфинитивных конструкциях (*умыслихъ жити и*

возложити, умысли възградити) с акциональными глаголами физического действия (*ити*), а также констатирующими глаголами (*дати*), интерпретирующими глаголами (*дерзнути*). При этом не исключается модальное функционирование рассматриваемого деривата вне инфинитивной конструкции (*ничьто же оумыслихъ*).

В ходе исследования текстового материала, было установлено, что употребление префиксального деривата *умышлять – умыслити* в качестве модального оператора типично в первую очередь для текстов религиозной литературы (жанр житие, патерик). Также зафиксированы единичные случаи использования данного глагола в модальной функции в произведениях светской литературы (жанр повесть, слово)

Глагол замыслити

В рамках исследуемого материала также фиксируется употребление дериватов *замышляти – замыслити*. Словари фиксируют следующие значения указанных лексических единиц:

«1. Замыслить, задумать. *Блудъ же не възмогъ, како бы погубити [Ярополка], замысли лестью*. Лавр. лет. 1308» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 5: 247];

«2. Выдумать, измыслить. *Аще кто отъ мирскихъ... дерзнетъ святителя кого бити..., или замысливъ вину: таковый будетъ проклятъ*. Гр. мт. Кипр. 1378» [Сл. Срезн. Т.1 часть 1: 930].

«3. Придумать, устроить; ввести. *Постъ того ради замышленъ, яко да тѣло смѣрится*. Никон. панд. XII в.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 5: 247];
«3. задумать, выдумать. ... *яко нѣ имею тои мысли, оже бы, что на васъ замыслившие, абы у кого что взяти*. Ил. Новг. поуч.» [Сл. Срезн. Т.1, Ч. 1: 930].

Таким образом, с основным значением рассматриваемого деривата коррелирует модальное значение «намерение» в его подзначениях «замысел», «план». При этом иллюстративный материал к словарным статьям показывает, что в ряде речевых ситуаций данный глагол объективирует негативный аспект

намерения (*замыслил погубити лестью, замысливше, абы кого, что взяти*) [Сл. Срезн. Т.1, Ч. 1: 929].

Второе из указанных значений деривата *замышлять* – *замыслити* («выдумать, измыслить») объединяет в себе два подзначения: 1) собственно мыслительного процесса «создать воображением / выдумать то, что не соответствует реальному положению дел»; 2) возможности (найти способ, догадаться, как реализовать намерение). Третье значение («придумать, устроить; ввести») комбинирует значения мыслительной деятельности и возможность (реализации намерения/решения).

Словарные данные находят подтверждение в памятниках письменности соответствующего периода. Как показывает материал исследования, дериваты *замышляти* – *замыслити* употребляются в качестве экспликаторов значений объективной, ситуативной, побудительной модальности. Они объективируют значение «намерение» и ряд таких его подзначений, как «намерение с семантическим модификатором «начало действия», «негативное намерение», «намерение/замысел», в том числе предполагающее изобретательность, значение побудительной модальности «запрет».

Значение «объективная модальность»: *отоль начашиа строити брань къ град. и замыслишиа яко же и прѣж. на кораблихъ раями на шьглахъ* (Новг. перв. лет. по Синод. сп.) – указание на факт обдумывания определённых действий.

Значение «намерение» в его подзначении «план»: *иоанн замыслишиа* [имел намерение/план – **Ю.Б.**] *къ симону слати съ молбою къ собѣ* (Ист. Иуд. войны Иос. Флав.); *смятошася обои бьющес володиславъ же замысли* [имел намерение – **Ю.Б.**] *взяти стягъ* (Киев.лет.); *но яко г-нъ рабом крѣпком и могоущемъ. тяжьская и великая дѣла пороучает. немощным же и слабым. хоудая и легкая дѣла замышляет* [имеет намерение – **Ю.Б.**] (Киево-Печ. пат.); *Володиславъ же замысли* [имел намерение – **Ю.Б.**] *стягъ взяти Михалковъ и натѣкнути на нь прилбицю и собравшиися поткнуша на нь* (Сузд. лет.).

Подзначение «негативное намерение»: *оубити* ярополка. гражены же не бѣ лъзѣ оубити его. блудъ же не възмогъ како бы погубити и. **замысли** [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] лестью веля ему излазити на брань изъ града (Пов. врем. лет по Лавр. сп.). Лексическими маркерами негативной характеристики намерения с точки зрения говорящего являются лексемы *погубити*, *лесть*, содержащие пейоративные компоненты «лишить жизни», «неискреннее восхваление кого-либо, чего-либо». *Всеволодичъ бо не добръ жилъ съ отцомъ твоимъ. и с тобою. а чи что. замыслить* [иметь негативное намерение – **Ю.Б.**] *лихое. олегъ же вборзѣ ѣха чернигову и не заста. отца живого* (Киев. лет.). Пример содержит указание на immoralность намерения субъекта ситуации, выраженную словосочетанием *замыслить лихое*. *Брат единъ именем никита. желя. славимъ быти члвкъ. дѣло велие не бога рад замысливъ* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] (Киев.-Печ. пат.) – указание на намерение субъекта реализовать масштабный замысел под влиянием сомнительной с религиозно-философской точки зрения мотивации (желание иметь славу среди людей, а не «Бога ради»).

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»:

обличаи прмдра възлюбить тя. безумнаго обличишь възненавидит тя тако и си възревно *ваша и не послушаша его, но замышляти почаша* [начало действия – **Ю.Б.**] *на нь рать* (Киев. лет.); *Сѣде олговичъ в Киевѣ и нача замышляти* [начало действия – **Ю.Б.**] *на Володимеричѣ и на Мстиславичѣ* (Сузд. лет.); *Нача рать замышляти* [начало действия – **Ю.Б.**] *изяславъ двдвичъ на дюрѣ и примири и к собѣ. ростислава мѣстиславича. и мѣстислава изяславича. и стослава олговича. подѣмолвивашеть к собѣ възстати на гюрѣ* (Киев. лет.). На начальный этап формирования намерения указывают фазовые глаголы *начати*, *почати*.

Побудительная модальность (значение «запрет»): *а воевода (сказал) и рубежа межси себе не замышляти* [не имей намерения – **Ю.Б.**] (Договор вел. кн. Мих. Ярослав); *Въ немецкомъ дворѣ тобѣ княже торговати а рядоу вольного*

не посоужати. а самосоуда в новгородьскои волости не замышляти [не имей намерения – Ю.Б.] *по пошлинѣ* (Договор Новг. с с вел. кн. Мих. Яросл.).

Как показывает материал исследования, намерение в обязательном порядке направлено на прямой объект (*замыслишиа съвѣшивати бочки, замысли взяти стягъ*) и косвенный (*замыслишиа къ симону слати*), предполагает целенаправленную деятельность субъекта. При этом намерение относится преимущественно к плану прошлого, соответственно выражено формами прошедшего времени (*замыслишиа, замысли*), а также причастием и деепричастием (*замышленаго; замысливъ*). При этом не исключается употребление в соответствующей функции форм настоящего времени в значении будущего. *Но рабом крѣпком и могоущемъ. тяжьскаи и великаи дѣла пороучает. немощным же и слабым. хоудай и легкаи дѣла замышляетъ* (Киев-Печ. пат.).

В системных условиях модальное функционирование рассматриваемых дериватов осуществляется как в инфинитивных конструкциях (*замыслишиа слати, замыслишиа съвѣшивати*), так и без посредства инфинитива: *о цсрвѣ грамотѣ. а соудье слати тобѣ своеа рядоу въ новгородьскои волости тобѣ княже и твоимъ соудиымъ. не посоужати. а самосоуда. не замышляти* (Новг. дог.); *тяжьска и велика дѣла пороучает. немощным же и слабым. хоудая и легкая дѣла замышляетъ. тако разоумѣи при брани стрстнѣи* (Киев-Печ. патер.).

В ходе исследования было установлено, что дериваты *замышляти* – *замыслити* в функции ситуативной модальности употребляются в текстах светской литературы (жанры: летопись, история, повесть), а также в официально-деловых документах (договор).

1.3. Модальное функционирование глаголов

възмыслити, домыслити, смыслити

Анализ текстов разной жанровой принадлежности показывает, что дериваты *възмыслити, домыслити, смыслити* также способны выступать в качестве экспликаторов модальных значений (в первую очередь – намерения), что обусловлено их лексическими характеристиками, фиксируемыми словарями.

Глагол *възмыслити*

Лексема *възмыслити* имеет значение: «Задумать, замыслить. *Кии бо звѣрь, повѣже ми, на своего мужа возмысли зло, или кая змия своего супруга погубити хочетъ*. Изм. XVII в. [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 2: 298; Филкова Т. 1: 249]; «възмышление – *Да тѣмъ же оружием потрѣбует на възмышлениее*. Златостр. Гл. 4» [Сл. Срезн. Т. 1: 364]. Таким образом, лексемы *възмыслити, възмышление*, имеющие значение «задумать, замыслить» способны репрезентировать модальное значение «намерение», объективирующее действия негативного характера.

Присоединение древнерусского префикса (приставки-предлога) *воз/в(ъ)з-* к глаголу *мыслити* в значении «возникновение интенсивно проявляемого действия» [РГ – 80, Т. 1: 358], «внутри, внутри» [Саккини 2015: 42] указывает на специфику интенсификации процесса мыслительной деятельности. Таким образом, на наш взгляд, осуществляется модификация модального значения исходного глагола *мыслити*. В этом случае дериват *възмыслити* реализует модальное значение «намерение» в его подзначении «интенсивное намерение».

Модальное значение «намерение», модифицируемое по признаку «интенсивность»: *Видѣвъ же епифанъ пакы многоу пакость бывающоу емоу въ монастыри и пакы възмысли* [имел интенсивное намерение – Ю.Б.] *отити* (Жит. Елиф.). Кроме того, интенсивное намерение Елифана уйти (из монастыря) является многократным, на что указывает лексема *пакы* в значении «опять, снова» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 14: 125].

Значение вопросительной модальности: *впрашнѣ изяслава князя. вноука володимирия игумена федосья печерьскаг манастир. Что възмыслилъ еси бголюбивый княже въпрашати мене некнижьна и хоуда. о таковѣи вѣщи* (Феод. Печ. Посл. кн. Изясл. Ярослав. «О неделе»).

Как показывает материал исследования, дериват *възмыслити* служит для репрезентации вышеуказанных модальных значений в текстах религиозной литературы – в таких жанрах, как житие, послание (духовная литература).

Глагол *домыслити*

Заслуживает внимания и специфика модального функционирования в рассматриваемых текстах глагола *домыслити*.

Словари фиксируют следующие значения данного глагола:

«1. Представить себе. *О, мноого побѣды, братье! Бещисльное число...око не может умъ челоувѣчьскъ домыслити избъеныхъ.* Новг. лет.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 4: 313 – 314; Сл. Срезн. Т. 1: 703 – 704].

«2. Понять, догадаться. *Бяше же Прокль нѣ домысля себѣ, како есть внити къ Иоанну.* ВМЧ. XVI в.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 4: 313 – 314].

«3. Додуматься, придумать. *Разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничто же, не домысляше, что створити.* Новг. лет.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 4: 313 – 314]. Соответственно, основным значением выступает значение собственной мыслительной деятельности «мысленно вообразить», репрезентирующее значение объективной модальности. В качестве второго значения приводятся лексические единицы «понять», «догадаться», указывающие на значение мыслительного процесса – постичь (в уме) суть чего-либо. Заметим, что процесс понимания/постижения требует определённых интеллектуальных способностей/возможностей. Следовательно, во втором значении имплицитно выражена сема «способность/возможность». Данные семы эксплицитно выражены в значении лексических единиц *домысль*, *домышление*. Словари фиксируют в качестве основных их значений следующие: «Домысль – 1. Разум, умственные способности [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 4: 313]; «Домышление – 1. Ум,

умственные способности [Там же: 314]. Таким образом, глагол *домыслити* во втором значении реализует более сложное значение «мыслительная деятельность», предполагающая возможность связанную с семантическим значением «когнитивная способность».

В качестве третьего фиксируются значения «додуматься», «придумать», также репрезентирующие значения ситуативной модальности, такие как «возможность, связанная с семантическим значением «когнитивная способность» и «намерение».

Присоединение префикса *до-*, «употребительного при обозначении объектных отношений», а также «при обозначении кульминационного пункта какого-л. действия» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 4: 253] актуализирует соответствующие модальные значения. В данном случае речь идёт о когнитивной возможности *мыслить* – довести до конца мыслительный процесс, понять.

Таким образом, на основе приведенных словарных данных можно заключить, что дериваты *домыслити* – *домышляти* реализуют значение объективной модальности (в тех случаях, когда сообщается о собственно мыслительной деятельности), а также значения ситуативной модальности – преимущественно значения «возможность, связанная с семантическим значением «когнитивная способность» и «намерение», в том числе «решение», требующее изобретательности.

Данные выводы находят подтверждение в текстах БЛДР и НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *Или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыхъ болгаръ* (Пов. об убиен. Андр. Богол.) – указание на факт отсутствия победы над противником. *въ се время разболѣлся володимиръ. очима. и не видяше ничтоже. и тоужаше велми. и не домышляше что створити* (Пов. врем. лет по Ипат. спис.) – описывается факт непонимания или отсутствия решения в сложившейся ситуации.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *О, мьного побѣды, братье, бещисльное число. сколько оумь члвчьскъ не домысливает* [не может понять – **Ю.Б.**] *избьеных. а повязаныхъ* (Гал.-Вол. лет.).

Как показывает материал исследования, случаи функционирования дериватов *домыслити* – *домышляти* являются малочастотными, фиксируются в текстах светской литературы (жанр повесть, летопись).

Глагол *смыслити*

Также зафиксирован единичный случай модального функционирования деривата *смыслити* в значении намерения. Словари фиксируют следующие значения глагола *смыслитись*:

«1. Понимать, соображать (сообразить), разуметь (уразуметь). *И сицѣхъ ради ума вашего съвратъ ничесоже гне съмысляште являете ся.* Изб. Св. 1073. ...*еда когда узрять очима и ушима услышать, и срдцемъ смыслять и обратятся, и исцелю я.* Библ. Генн. 1499 г. (1216).

2. Быть в здравом рассудке. *И придоши к Иисови и обрѣтоши сѣдяша члвка из негоже изидоша бесы, обълчена и смысляща.* Остр. ев. 1057 г.

3. Быть благоразумным, рассудительным; поступать благоразумно. *И писано есть: погублю мудрость мудрыхъ и съмысль съмышлящихъ прѣобижу.* Изб. Св. 1073 г.

4. Рассуждать, размышлять (размыслить); подумать, обдумать. *Отягчите дѣла чади сеи, да ся ими пекуть и не смыслять мыслями своими.* Пятикн. XIV в.

5. Держать в мыслях, помнить. *Не мыслить* [вар. смыслить] *Господа...* Новг. лет.

6. Думать, считать, полагать. *Се бо и цсрци първое бываетъ тѣщание, еже единое приять и мыслите въсѣмъ* (Ж. Феод. Студ. XII в.)

7. Представить себе. ... *а како выправить, и мнѣ того съмыслити неможно.* Крым. д. 1516 г.

8. Надумать, придумать. *Имже срамятся кумирами своими, яже сами смышляаху.* Кн. прор. XV.

9. Замыслить (замышлять), задумать. *Кнзю своему добро имѣи, а не смысли на нѣ – злая.* Изм. XVI в.

10. Совместно обдумать, задумать. *Владимирове сынове, внуци Глѣбови... смыслившие себѣ едины тайно съ своими боары.* Никон. лет. XVI в.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 25: 230 – 232].

Так, в качестве основного значения рассматриваемого деривата выступает значение мыслительной деятельности, подразумевающей наличие интеллектуальных способностей для её реализации, т.е. когнитивная возможность. Во втором, третьем, четвёртом, пятом, седьмом значениях также объективируются действия, связанные с когнитивными процессами (объективная модальность). При этом в четвёртом значении фиксируется описательная единица *обдумать*, в семантике которой имплицитно выражена сема «решение». В рамках шестого значения фиксируется значение собственно мыслительной деятельности, а также значения субъективной модальности – значение «считать», «полагать». В восьмом, девятом, десятом значениях актуализируется значение «намерение» в его подзначениях «негативное намерение», значение «намерение», маркированное по признаку «совместность действия», «план».

Префикс *с-* является многозначным. Например, присоединение данного префикса в значении «при указании направления движения, действия *с, из, от; заранее*» [Ст.-сл. сл.: 635 – 636] способно объективировать модальное значение «намерение», маркированное по признаку «заранее»; в значении «при указании временного начала действия» [Там же] – значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»; «при обозначении противопоставления» [Там же] – подзначение «негативное намерение», противоречащее кому-л., чему-л.

Как показывает исследование разножанровых текстов, дериват *смыслити* является малоупотребительным и реализует значение объективной модальности, а также выражает значение вопросительной модальности.

Значение «объективная модальность»: *Не смылиша бо, ни разумѣша въ тмѣ ходящии, и не видѣша славы Господня* (Пов. врем. лет) – указание на факт отсутствия понимания ситуации.

Нами зафиксированы и случаи употребления рассматриваемого глагола в конструкциях, реализующих значение вопросительной модальности: (Василий) *глаголаша въ умѣ си: «Что се смыслилъ [имел намерение – Ю.Б.] князь нашъ толико богатество погубити?»* (Киев.-Печ. пат.).

§ 2. Модальная специфика глагола *мыслити* в текстах конца XIV – середины XVII вв.

2.1. Глагол *мыслити* как экспликатор модальных значений

В данный период развития русского языка заметно возрастают частотность и разнообразие реализации глаголом *мыслити* и его префиксальными дериватами различных модальных значений – в первую очередь объективной (в случае употребления рассматриваемого глагола в изъявительном наклонении) и ситуативной модальности.

Значение «объективная модальность»: *Услышавъ то, князь Петръ вельми обрадовался и стал мыслить, како доѣхать до того королевства, потому что и прежде сего об той прекрасной королевне Магилене от иных многих людей слыхалъ* (Пов. о Петре злат. ключ.) – указание на факт мысленного намерения доехать до королевства; *Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумѣяшеся* (Ерм.-Еразм. Пов. о П. и Ф. Мур.) – указание на факт анализа князем действий врага; *Рыцарь же поѣде от нея и смылиша, како еѣ искусити и солгати еще* (Пов. о семи мудр.) – сообщение о факте размышления субъекта действия о нанесении вреда другому лицу;

Извещай без мешкоты, како, где и кой человек сие мыслит и дерзает таково сотворити (Артакс. дейст.) – указание на факт намерения отдельных субъектов сотворить нечто, порицаемое говорящим.

Значение «намерение»: *И вставше от сна, мыслихомъ* [имели намерение – Ю.Б.] *взяти* кубокъ с виномъ и нести царю (Сказ. о Вавил.); ...*старецъ по обычаю повелѣвавшие священнику ранѣе литургию свершати, понеже и сам мысляше* [имел намерение – Ю.Б.] *ити* (Рас. о смер. Пафн. Боровск.); *да короя же говоря что полском готовитца иди к Москве, и паны рада то ж мыслят иди на короя же* (Вес.-Кур.) [имеют намерение – Ю.Б.]; *Войска же бѣ индѣяне все чернообразни, их же видѣвшие еллини во странных зрацех, и убоявшеся от зрака их и оружия, и от звѣри устрашившеся, их же индѣя кормит, нощию бежати мысляху* [имели намерение – Ю.Б.] *и оставити* Трои (Из Хроники К. Манассии). При этом намерение выполнить то или иное действие часто связано с негативными интенциями субъекта.

Подзначение «негативное намерение»: *И глаголаше на святаго: «Сей человекъ зло мыслит* [имеет негативное намерение – Ю.Б.] *на нас, не хочет у нас ясти и пити»* (Жит. Ник. Пск.); *А князь Дмитрей услышевъ, что дѣти князя великаго, пришед, сѣли в Муромѣ со многими людьми, и не всѣхотѣ на них посылати, бояся, понеже бо всѣ люди негодоваху о княженьи его, но и на самово мысляху* [имели негативное намерение – Ю.Б.] *пойти убрати хотяще великого князя на своем осподарьствѣ видѣти* (Пов. об ослепл. Вас.); *Егда и нам мыслите* [имеют негативное намерение – Ю.Б.] *то же де зло прияти* (Писк. лет-ц); *Затвори бо ся Блуд сий съ Ярополком, а летя под ним и сляше ко Владимиру часто, веля ему приступати ко граду бранию и сам мыслит* [имеет негативное намерение – Ю.Б.] *убити* Ярополка (Писк. лет-ц); *И глаголаше на святаго: «Сей человекъ зло мыслит* [имеет негативное намерение – Ю.Б.] *на нас, не хочет у нас ясти и пити»* (Жит. Ник. Пск.). Указание на негативную квалификацию автором описываемого намерения содержится в конкретизирующих его словах и словосочетаниях с негативно-

оценочной семантикой: *зло мыслит на нас, мысляху пойти убрати (князя), мыслите зло прияти, мыслит убити (Ярополка).*

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *Князь великий Василей Иванович всеа Руси начат мыслити* [начало формирования намерения – **Ю.Б.**] *ехати* в свою отчину на Волок на Ламский на осень *тешится* (Пост-й летоп-ц); *нача мыслити* [начало формирования намерения – **Ю.Б.**] *въ сердци своемъ тако и Рускую землю поплентити, аки прежде* (Пов. о Т. Аксак.); *И Ивашика Заруцкой почал мыслить* [начало формирования намерения – **Ю.Б.**] *бежать ис под Москвы* (Челобитн. М. М. и А. М. Вельямин).

Значение «план»: *И князи говорили: И были деи мы у францовского короля, а ото францовского приехали к аглинской королевне, а из Аглинского деи государства ехати нам к шкотцкому королю, а от шкотцкого к датцкому, а от датцкого к свейскому королю; а от свейского мыслим ехати к Москве* (Стат. сп. Г.И. Микул.). В данном текстовом фрагменте очерчивается дальнейший план передвижения (*а из Аглинского деи государства ехати нам к шкотцкому королю, а от шкотцкого к датцкому, а от датцкого к свейскому королю; а от свейского мыслим ехати к Москве*).

Как показывает материал исследования, намерение направлено на прямой объект (*мыслити землю поплентити, мыслите зло прияти*) или косвенный (*мыслим ехати к Москве, почал мыслить бежать ис под Москвы*). В большинстве случаев намерение относится к плану прошлого и выражено формами прошедшего времени (*И воставше от сна, мыслихомъ взяти кубокъ с виномъ и нести царю* (Сказ. о Вавил.). При этом зафиксированы единичные случаи реализации значения намерения, отнесённого к настоящему времени и подразумевающего перспективу исполнения (*Прежде помянутым же шурьямъ его, Кучковичем, возрастъшимъ и живущимъ у великаго князя Андрѣя в велицѣй чести, с ними убо жена его совѣщався, и зло мыслить с ними на господина своего, великаго князя Андрѣя Юрьевича* (Пов. о зачале Моск.).

В системных условиях глагол *мыслити* выступает в качестве экспликатора модального значения намерения в сочетании с субъектным инфинитивом (*и азъ не мышлю болше работати* (С. Полоцкий. Ком. притчи о блудн. сыне)). Как правило, глагол *мыслити* сочетается с акциональными глаголами физического действия (*бежати, ехати, иди, поити*), а также с констатирующими (*взяти, зимовати, прияти, разорити* и др.). В то же время выявлена способность глагола *мыслити* реализовывать модальное значение намерения самостоятельно (без посредства инфинитива). Такое функционирование типично для контекстов, репрезентирующих преимущественно негативное намерение субъекта. *Аще не мыслитъ на насъ зла, выпѣйтъ чашу сию во здравие* (Ремез. лет.); *Воевода жь и вои видят, что мыслятъ зло, и с тихостиы махнувъ рукою казакомъ, и нача битъ поганныхъ* (Ремез. лет.); *с ними убо жена его совѣщався, и зло мыслить с ними на господина своего, великаго князя Андрѣя Юрьевича* (Пов. о зач. Моск.); *азъ, имярекъ, цѣлую крестъ Господень государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, и его царицѣ и великой княгинѣ Евдокеѣ Лукьяновнѣ и ихъ царскимъ дѣтемъ, которыхъ имъ государемъ впредь Бог дастъ, на томъ: и никакого лиха ему государю не мыслити, и опричь государя своего* (Записн. кн.).

Как показывает исследованный материал, модальное функционирование глагола *мыслити*, типичное для текстов светской литературы (повесть, сказание, рассказ, история, хроники, комедийное действо), проникает в сферу деловой письменности (челобитная, записная книга, статейный список), в сферу стремительно развивающейся дипломатии (дипломатические письма, посольские книги). В то же время зафиксированы единичные случаи соответствующего употребления глагола *мыслити* в текстах религиозной литературы (житие, притча).

2.2. Модальное функционирование глаголов

умыслити, помыслити, замыслити

Глагол *умыслити*

Как показывает анализ текстов разной жанровой принадлежности, дериваты *умышлять* – *умыслить* в рассматриваемый период продолжают использоваться в качестве экспликаторов модальных значений объективной и ситуативной модальности (преимущественно в значении «намерение»).

Значение «объективная модальность»: *Самъ государь умышляет, какъ за их измѣну стояти с ними, отпускает в Свяжской град в судѣх с ледомъ вмѣсте боярина своего и дворецкого Данила Романовича, а с нимъ дети боярских и казаковъ* (Лет-ц царя и вел. кн. Ив. Вас.) – указание на факт планирования Иваном IV определенных действий в отношении изменников; *И разгнѣвашиа и рекоша: «Мы есми сътворили Трою град, мы умыслимъ, како и разорити во дни Приамовы»* (Пов. о созд. и пленен. Трои) – сообщается факт о намерении разорить Трою.

Значение «намерение»: *но больша сих и умышляше* [имели намерение – Ю.Б.] *храбрости показати* великий князь Михаилъ (Из Вел. Миней Четъих митр. Макар.); *В тѣх же убо болѣзняхъ уже отчаявшу ми ся живота, умыслих* [имел намерение – Ю.Б.] *милости просити* у чудотворцовъ Сергия и Никона о неисцелныхъ болѣзняхъ (Симон Азарьин. Жит. архимандр. Дионис.); *умыслиша* [имели намерение – Ю.Б.] *ехати* поля смотрити зайца лову (Сказ. об убиен. Дан. Сузд. о нач. Моск.); *прутко ранилю. инѣ Буквой умышляет* [имеет намерение – Ю.Б.] *над городком Реце промышляти* и в тож городъке чехов *У члвкъ и с абни у людей поставили* (Вес.-Кур.); *Пьсковичи же мало о сихъ недоумѣниемъ понегодоваша и великому князю не покоритися умышляху* [имели намерение – Ю.Б.] (Степ. кн.); *царевичи деи однолично умыслили* [имели намерение – Ю.Б.] *на трубческие и на брянские места, а быти деи на Николин день или Рожество Христово* (Пос. книга по связям Моск. гос-ва с Крым.); *И Сулейман деи салтан уведал, кое сын его хочет*

убити, да велел деи был Баязыта поимати, и Баязыт деи **был умыслил** [имели намерение – **Ю.Б.**] **бежати** на Русь ко государю, царю и великому князю, да и побегал на Крым (Статейн. сп.).

Материал исследования показывает, что глагол *умышляти* – *умыслити* зачастую реализует значение «намерение», квалифицируемое говорящим как негативное.

Подзначение «негативное намерение»: *двизатися посвоему хотѣнию, безумнѣмъ, якоже овцы безсловесныя, не имуще пастырь въ страхъ поставлена имъ жезла, но сами собою водитися* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] *умыслиша* (И. Тимофеев. Временник). В представленном примере речь идёт о восставшем народе, боровшемся под знаменами Ивана Болотникова – политического деятеля Смутного времени. Автор высказывания сравнивает толпу людей со стадом овец. В данном контексте лексическая единица *овца* используется как уничижительный эпитет, подчёркивающий глупость, безмолвность, бессмысленность, хаотичность, стадность. Другой пример: *Тако же и недавними лѣты (яко лутчи, мню, вамъ ведомо есть сие) князь великий Иоанъ Московский дѣд того настоящего, умыслилъ былъ* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *тую землю взяти* (А. Курбский. Ист. о вел. кн. Моск.). Намерение князя взять чужую землю квалифицируется говорящим в негативном ключе. *И грѣх ради наших вмѣсто кротости сверепѣ звѣрей кровоядцовъ обрѣтаются, яко ни от естества подобново пощаждѣти попустиша, неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умыслиша* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] (А. Курб. Втор. посл-е Вас. Муром.); *Послѣди же паки краль своимъ лукавствомъ умысли* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *води [так в рукописи] наводити Крымскихъ Татаръ на православие и Украйны великого князя (Степ. кн.); Оканнии же хотяху бежати, и умыслиша* [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] *ударити на город на ону страну, а друзии озером на ею сторону; и возбрани им невидимо сила христова, и убоявшися не смѣша, а людие начаша возитися на ону сторон ко святѣи Софии (Моск. лет-й свод). В*

вышеприведённых примерах эксплицитно выражена негативная оценка намерений субъектов ситуации совершать недобрые и предосудительные действия, такие как *напасть, ударить, причинить неслыханные смерти и муки*. При этом в ближайшем контекстуальном окружении присутствуют такие пейоративы, как *лукавство, грех, смерть, муки* и др.

В то же время зафиксированы единичные случаи реализации дериватами *умыслити – умыслиши* намерения, интерпретируемого как положительное.

Подзначение «положительное намерение»: *Тогда оумышли* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *князь великий Константин, а богъ ему добрыя мысли влагаше в сердце, создати церковь святого Афонася* (Пск. лет.: Стр. сп.); *Симъ убо сицемъ бывающимъ, Святославъ, сынъ Ярославовъ, умысливъ создати церковь каменну святыма и создавъ еѣ до о 80 локоть возвыше* (Кн. Степен. царск. родосл. Влад. И Святосл.). Социум оценивает создание церкви как доброе дело, на что указывают мелиоративы *бог, добрые мысли, создать*.

Различные оттенки намерения иллюстрируют значения, представленные ниже.

Значение «намерение, маркированное по признаку «совместность действия»: *Шемяка же видѣ, яко мнози людие укланяются отъ него ради великаго князя, и разсла по епископомъ, съ ними же совѣтуя, та же и со княземъ Иваномъ Можайскимъ и з боляры умышляше* [имели совместное намерение – **Ю.Б.**] *выпустити ли великаго князя или ни* (Степ. кн.).

При этом совместное намерение зачастую имеет **негативный характер**: *А Вишерской Вагулетинъ Сарьямытъ Воренкинъ въ роспросѣ сказалъ, что умышляли* [имели совместное негативное намерение – **Ю.Б.**] *во всѣхъ Вишерскихъ и Лозвинскихъ волостяхъ ... итти въ Пермь воевать* (Отписка тобольс. воеводы). Описанное в документе совместное решение вогулов Вишерской и Лозвинской областей идти войной на Пермь подразумевает с точки зрения автора – царского военачальника – антигосударственный мятеж, что дает возможность квалифицировать соответствующее намерение как

деструктивное. *А самые болише паны, которые съ тѣмъ воромъ богоотступникомъ умыслили* [имели совместное негативное намерение – **Ю.Б.**] *Московское государство въ ссору и въ разоренье привести, нынѣ на Москвѣ поиманы* (Грам. царя Вас. Иван. к датск. кор. Христиану IV). Совместное решение заговорщиков об антиправительственных действиях очевидно оценивается говорящим – Василием Третьим – как заведомо преступное (негативное). На соответствующую оценку намерения указывают такие лексические маркеры, как *вор, богоотступник, ссора, разоренье. И говорили намъ отъ него, что онъ умыслилъ* [имели совместное негативное намерение – **Ю.Б.**] *съ своими завѣщатели, с своимъ и съ нашимъ недругомъ з Жикгимонтомъ, королемъ полскимъ, свое дѣло дѣлати* (Речи рус. послан.).

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *Егда же уготоваша мѣсто, собра царь вельможъ своихъ и мегистановъ, сиирѣчь земьскихъ князей и магистровъ, и начаша умышляти* [начало формирования намерения – **Ю.Б.**], *како быти стѣнамъ и стрѣльницамъ и вратомъ граднымъ* (Степ. кн.).

Подзначение «план»

Как известно, процесс планирования подразумевает структурированный подход, определённую последовательность действий, необходимых для достижения поставленной цели/задач. Так, намерение захватчиков стрелять с целью окончательного взятия города побудило их начать из-за реки Великой вести обстрел по народу, стоящему в том месте у городской стены: *В тѣ поры из-за Великия реки из наряду по всему народу, во граде у того мѣста стоящих, стреляти умыслиша* [имели намерение-план – **Ю.Б.**] *и сим град свершенне взяти чаяху* (Пов.о прихожд. Стеф. Батор. на град Псков); *Звѣзды с небеси совлащити тищится, сиречь, мучеников веньцов отлучати, и прогнанных и изобиженныхъ мздовѣдаяния от праведнаго Судьи лишати* **умышляет** [имеет намерение-план – **Ю.Б.**] (А. Курбск. Предисл. к Нов. Марг.). В данном случае намерение (оно же цель действия) отнять у прогнанных и у обиженных то, что они получили от праведного Судьи, подразумевает предварительное

осуществление такого действий, как *звёзды сорвать с небес*, т.е. *лишить мучеников их венцов*.

Материал исследования показывает, что дериват *умышляти* – *умыслити* актуализирует намерение субъекта, имеющее преимущественно негативную оценку. Это свидетельствует о тенденции к негативизации модального значения, реализуемого дериватами *умышляти* – *умыслити*: *сице, мню, блаженный малую присовокупляет благокознению, еюже великое зло целити умыслил* (А. Курб. Ист. о вел. кн. Моск.). В то же время не исключается способность рассматриваемого экспликатора реализовывать значение намерения, оцениваемого как **положительное** (мелиоративное): *И умыслил [имел положительное намерение – Ю.Б.] Фроль Скобеевъ ...итить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того, что тот Ловчиковъ весьма к нему добръ* (Пов. о Фр. Скоб.). При этом обязательным условием для объективной квалификации намерения является достаточный (адекватный) контекст.

Интересно обратить внимание на примеры употребления деривата *умыслити*, реализующего значение намерения, порождённого не только деятельностью *соgitare*, но и велением сердца: *Тогда оумысли князь великий Константин, а богъ ему добрыя мысли влагаше в сердце, создати церковь святого Афонася* (Пск. лет.). Примечательно, что в христианской литературе лексическая единица *сердце* используется для обозначения деятельности души, а понятие «сердце» наделяется не только значением телесного, но и значением средоточия сил человеческой души вообще, значением какой-либо из её сфер, например, чувственной или ментальной» [Азбука.ру].

Как показывает материал исследования, намерение субъекта ситуации направлено на прямой (*умысли наводити Крымскихъ Татаръ*) или косвенный объект (*был умыслил бежати на Русь*), т.е. отражает целенаправленную деятельность субъекта. При этом начальная интенция, процесс её становления закономерно относятся к плану прошлого, поскольку состоялись до момента появления намерения. Данный факт объясняет реализацию значения

намерения преимущественно формами глагола прошедшего времени (*умыслиша злаа, умыслише*). При этом не исключается употребление форм настоящего времени, подразумевающего будущее (*умышляет*).

В ходе исследования были установлены синтаксические условия модального функционирования деривата *умышляти* – *умыслити*, заключающиеся в сочетании с субъектным инфинитивом (*умышляху изяти, умыслиль дѣлати*). При этом данный глагол демонстрирует способность автономного модального функционирования. Реализуется это преимущественно в тех контекстах, в которых речь идёт о критически оцениваемом автором намерении субъекта: *В тоє же ноць инъ сынъ боярской совѣту тѣх же злодѣевъ, иже зло сие умыслиша* (Авр. Палицын. Сказ. об осаде Троиц.-Серг. мон.); *Въ то жь время злочестивый и безбожный Пелымский князь ярости многия наполнися, наипаки жь звѣрострастиемъ объятъ и умысли злохитрое коварство в своемъ и леств с лукавствомъ сиивати, и бысть ему безбожному к своей злой погибели* (Строган. лет.).

В ходе исследования было установлено, что модальное функционирование деривата *умышляти* – *умыслити* относится к сфере светской литературы (жанр летопись, повесть, история сказание), а также проникает в тексты официально-деловых документов («Статейный список», «Посольская книга», «Речи русских посланников», отписка, царская грамота), в периодику (газета «Вести-Куранты») и переводную литературу (Предисловие к Новому Маргариту). Также зафиксированы немногочисленные случаи употребления рассматриваемой лексической единицы в религиозных произведениях (жанр житие, минеи, сказания и др.).

Глагол *помыслити*

Как показывает материал исследования дериваты *помыслити* – *помышляти* продолжают употребляться в разножанровых текстах исследуемого периода развития русского языка.

Значение «объективная модальность»: *а нѣкоторые честные мужи изъ думцовъ на то были прибраны, которымъ было быти съ нами на съѣздѣ,*

и ваше королевское величество **помыслилъ** себѣ, какъ ихъ **отпустить** на такой дальней путь, не дождався (Грамм. царск. послов) – указание на факт размышления короля. И **помышляхъ** въ умѣ своемъ, аще и выше нашей мѣры приахся дѣлу, еже священное оно начати повѣдание, но на Бога всю надежду възложих (Минеи митр. Макарь.) – сообщение о факте мыслительной деятельности субъекта. Не токмо, государь нашъ, подвигом своим врагов устрашалъ, но и мыслию: **помыслишь** на враговъ, и от мысли твоя дале бѣгут, со страхом емятся (Писание о преставл. и погреб. М. Скопина-Шуйского) – факт обдумывания устрашающих мер для врага.

Значение «намерение»: *помышление* одного беззаконного и свирѣпаго и гордаго мучителя и губителя Аксакъ Темиря цесаря, **како помышляше** [имели намерение – **Ю.Б.**] на православну вѣру (Пов. о Темир Акс.); Не токмо, государь нашъ, подвигом своим врагов устрашалъ, но и мыслию: **помыслишь** [иметь намерение – **Ю.Б.**] на враговъ, и от мысли твоя дале бѣгут, со страхом емятся (Писание о преставл. и погреб. М. Скопина-Шуйского).

В ходе исследования текстового материала также были зафиксированы контексты, указывающие на формирование намерения в сердце: *А не помыслимъ* [не имеем намерения – **Ю.Б.**] в сердцых наших коею мыслию или боязнеством в размышления ся дати, или отчаяти (Пов. о приходе Ст. Батор. на град Псков).

Подзначение «негативное намерение»: *И какъ скоро сѣде на государство, помыслилъ* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] **воздвигнути** войну на христианъ, и иные всѣ везыри и наши совѣтовали ему, чтобы прежде на Польшу войну началъ (Пов. об астрол. Мустаеддыне); И егда некий царь или краль с коея страны **помыслитъ** [имеет негативное намерение – **Ю.Б.**] **итти** войною на Римъ, и на той башне той человекъ станетъ звонити в свой колоколчик (Пов. о семи мудр.); Или аще нынѣ **помыслию** [появится негативное намерение – **Ю.Б.**] кое убо зло, мало или велико, на тебя (Казанск. ист.); И сию неизреченную Порову силу македоняне видѣвши и прочии языцы, убояшася зело, **помыслиша** [имели негативное намерение – **Ю.Б.**]

Александра **предати** Пору, индѣйскому царю (Александрия); **И помыслил** [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] во злохитромъ своемъ умѣ того непоколебимаго нашего столпа **покачати** и на свою отпадшую отъ Бога страну кочнути, аки змий (Нов. пов. о пресл. Росс-м царстве); помышление оного беззаконнаго и свирѣпаго и гордаго мучителя и губителя Аксакъ Темира цесаря, **помышляше** [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] на православну вѣру (Пов. о Темир Акс.).

На негативный аспект намерения указывают такие лексические единицы и словосочетания, как зло, злохитрый умъ, война на христиан, начать войну, идти войной, убивать, предати, отпадшую отъ Бога страну кочнути, аки змий, беззаконный и свирѣпый, гордый мучитель.

Подзначение «положительное намерение»: *Благоволениемъ же Божиимъ помысли* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *по сихъ преблаженный Владимиръ совѣтъ благъ совѣщати со отцемъ своимъ, пресвященнымъ митрополитомъ Леонтомъ всеа Руси* (Степен. кн.). Сообщается о вдохновлённом свыше намерении субъекта действия (Владимира) совершить благоразумное действие (обратиться за наставлением к своему духовному отцу). На созидательность (положительный аспект) намерения с точки зрения говорящего указывают словосочетания *Благоволениемъ же Божиимъ, совѣтъ благъ. И яко видеста родители своя преставльшася, имѣния же многа оставльша, ...помыслиста* [имеют положительное намерение – **Ю.Б.**] *же создати монастырь во имя пречистыя Богородицы* (Пов. о Благовещ. церк.); *И нѣкто былъ старецъ, именемъ Тихонъ; помысли себе угодити Богу и здѣлалъ себѣ на труды ужище желѣзное, и сидѣлъ в трудѣхъ седмь лѣтъ* (Жит. Ирин. Ростовск.). Намерение субъекта *создать монастырь, угодить Богу* квалифицируется социумом и говорящим как положительное.

Значение «намерение», маркированное по признаку «совместность действия»: *и помышляше* [имели совместное намерение – **Ю.Б.**] *же игумен*

Трифанъ с братиею иную церковь вмѣсто той, болюю **въздвигнути** (Жит. Кир. Белоз.).

Значение «намерение», маркированное по признаку «многократность действия»: *и въ та времена многия скорби постигоша мя, ово отъ великаго пожару, ово же отъ различныхъ болѣзней, и **многжды помышляхъ** и желалъ отрещися всего архиерейскаго именованія и дѣйства, прияти яреемъ Христа моего, и во смиренѣйшихъ пребывати и до послѣдняго ми издыханія* (Отр. из лет. о врем. царя И. В. Грозн.).

Как показывает материал исследования, намерение субъекта имеет нацеленность на конкретный объект (прямой или косвенный) – *помышляше въздвигнути церковь, помыслиста создати монастырь; помышляху ити во грады, помыслит сочетатися истинною*. Намерение характеризуется отнесённостью к прошедшему времени (*помыслиша, помышляхъ, помышляше*). Данный факт объясняется тем, что появлению определённого намерения предшествует процесс размышления, обдумывания, в результате которого происходит трансформация мыслительной деятельности в намерение. При этом возможна реализация рассматриваемого модального значения посредством форм настоящего времени, подразумевающего будущее (*А будет чей нибудь человек **помыслит** смертное убийство на того, кому он служит или против его вымет какое оружье, хотя его убить, и ему за такое его дело отсечь рука* (Соборн. улож.), а также форм будущего времени (*А не **помыслим** в сердцах наших коею мыслию или боязнеством в размышления ся дати, или **отчаяти**, якоже ему, государю, непобѣдимое оружье и Животворящий Крестъ цѣловаше* (Пов. о прихожд. Стеф. Батор.). Как показывает последний пример, значение намерения, реализуемое дериватом *помыслити* в сочетании со словами **в сердцах наших коею мыслию** или **боязнеством в размышления ся дати** связано не только с мыслительной деятельностью, но и с чувственно-ментальной.

В условиях системного функционирования языка глагол *помышляти* – *помыслити* реализует модальное значение намерения в сочетании с

субъектным инфинитивом физического действия (*въздвигнути, ѿхати, ити, пренести, покачати, постоити, разрушити*), с констатирующими глаголами (*совѣщати, сказати*), с фазисным модификатором *начати*.

В результате анализа разножанровых текстов, относящихся к рассматриваемому периоду, было установлено, что дериваты *помышляти* – *помыслити* употребляются в качестве модального экспликатора значения намерения в его разнообразных подзначениях. Соответствующее функционирование типично для текстов светской литературы – жанр повесть, летопись, слово, история, а также для исторической литературы («Степенная книга»). Также рассматриваемые операторы намерения становятся употребительными в деловом языке, а именно в официально-деловых документах («Статейный список»), в сфере юриспруденции (Соборное уложение 1649 г.) и дипломатических отношений («Посольская книга», Грамота царских послов). Также зафиксированы единичные случаи соответствующего употребления в текстах религиозной литературы (житие, минеи).

Глагол *замыслити*

В рассматриваемый период указанный дериват репрезентирует ряд модальных значений.

Значение «объективная модальность»: *а инии (простая чадь) же мохъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листь, илемъ, кто что како замыслить* (Новг. 5-я лет.) – сообщение о факте употребления простыми людьми в пищу разных частей растений, ила.

Значение «намерение»: *Сей же роди Неурота гиганта. Сей же замысли* [имел намерение – Ю.Б.] *столпъ здати. И множество убо челоуѣкъ послушавше совѣта Неуротова и начаша здати столп Халаньский* (Из Хроногр. 1617 г.); *На инѣх же кораблѣх исчиниша пороки и лѣствица и на иных замыслиша* [имели намерение – Ю.Б.] *свѣшивати бочки чрез град, накладены смолья и лучины, и зажегше и пустиша на град на хоромы* (Волог.-Перм. лет.).

Подзначение «негативное намерение»: *Они же слышавше, възприемше буи помысль, и начаша гнѣватися на нь и болюю вражду въздвигати, яко же рече Соломонъ: «Кажаяи злыя, приемлет себѣ досаждение». Послуша рать замышляти* [имеет негативное намерение – **Ю.Б.**] *на нь.* (Тверск. сб.). Употребление актантом таких пейоративных лексем/словосочетаний, как *гнѣватися, болюю вражду въздвигати, злыя, досаждение* указывает на негативную квалификацию намерения. *Сии бо Блудъ затворивъся съ Ярополкомъ, а къ Володимиру посылаше часто, веля ему ко граду приступити бранию; самъ мысля* [имеет негативное намерение – **Ю.Б.**] *убити* *его и не възмогъ, како убити его, замысли с лестию, веля ему не излазити на брань из града* (Новг. лет.) – сообщение о намерении Блуда (отрицательного персонажа славянской мифологии) убить Владимира, что с точки зрения пишущего однозначно является предосудительным. На это указывают лексемы, детерминирующие негативацию намерения (*убити, приступити бранию, лесть*). Кроме того, вышеприведённый пример наглядно иллюстрирует дифференцированность значения намерения, реализуемого глаголом *мыслити* (*мысля убити* – иметь намерение убить) и его дериватом *замыслити* (*замысли с лестию убити* – иметь обдуманную готовность совершить действие по определенному плану).

Подзначение «положительное намерение»: *Тое же весны во Пскове замыслиша* [имели положительное намерение – **Ю.Б.**] *на Запсковьи соорудити святого Богоявления в других придѣлех ново храм свершити* *святых Трех святитель* (Пск. 1-я лет. Погод. сп.). *Тое же зимы князь великий Дмитрей с братом своим Володимиром Андреевичем замыслиша* [имели положительное намерение – **Ю.Б.**] *построити* *Москву город камен. И камень повезоша и заложиха* (Холмогор. лет.); *Борис посадникъ замысли* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *помостити* *Торговище, и помостиша, и бысть всемъ людемъ добро* (Пск. лет.). Как известно, создание храма, строительство города – это благие дела, которые находят одобрение и поддержку у социума, в связи с чем намерения псковитян возвести новый храм, а также намерение князя

построить город оценивается говорящим как положительное, на что указывает, например, словосочетание *бысть всемъ людемъ добро*.

Значение «план»: *И по неколицех лѣтех святительства своего в Великом Новегороде замысли архиепископъ Макареи мельницу поставити, гдѣ искони не бывало, на славной рецѣ на Волхове, пониже мосту* (Пск. лет.) – архиепископ Макарий задумал поставить мельницу, предварительно определив для этого место – *гдѣ искони не бывало, на славной рецѣ на Волхове, пониже мосту*.

Значение побудительной модальности («запрет»): *ряду княже въ новгородьской волости. тобѣ и твоимъ судьымъ не посужати. а самосуда не замышляти* [не имей намерения – *Ю.Б.*]. *а старостѣ ни холопа. ни робы. безъ осподаря не судити* (Договор); *А мыты ны деръжати старые пошлые, которые были при наших дѣдех, и при наших дѣдех так, а новых на нем мытов не замышляти* [не имей намерения – *Ю.Б.*], *ни пошлинѣ* (Грам. в. кн. Вас. Дм. в. кн. Фед. Ольг.).

Как показывает материал исследования, намерение подразумевает целенаправленную деятельность субъекта ситуации и распространяется на прямой или косвенный объект (*ратѣ замышляти, замысли помостити торговище; замысли убить съ лестию*). Примечательно, что дериват *замышляти* употребляется главным образом для выражения негативного намерения, замысла. При этом лексическая единица *замыслити*, в зависимости от контекстуальной среды, способна выступать в качестве экспликатора намерения, квалифицируемого как позитивное, так и как негативное.

Отметим очевидную временную отнесённость намерения к моменту прошлого (*замыслиша, замышляше*), а также к настоящему моменту (*нача замышляти*). В системных условиях дериват *замыслити* реализует модальное значение намерения как в сочетании с инфинитивом (*замысли здати, замысли поставити*), так и в автономной позиции, когда инфинитив подразумевается (*замыслиша (перевозить) на кораблехъ, замысли (погубить) съ лестию*). Как

показывает материал исследования, функционирование деривата *замышляти* в модальном ключе зачастую осуществляется автономно (хотя инфинитив при этом может подразумеваться): *А Костянтинъ нача рать замышляти на Георгия, хотя под ним взяти Володимеръ* (Моск. лет. свод); *Се же дужь много зла замышляше на Царьград, и вси его послушахуть* (Волог.-Перм. лет.).

Установлена нами и лексическая сочетаемость дериватов *замышляти*, *замыслити* с акциональными глаголам физического действия (*свѣшивати*, *копати*, *поставити*).

Исследование разножанровых текстов показывает, что дериваты *замышляти* – *замыслити* продолжают употребляться в качестве экспликаторов значений объективной модальности, ситуативной модальности (значение «намерение» в его подзначениях «негативное намерение», «положительное намерение», «план»), а также в значении побудительной модальности «запрет».

Соответствующее функционирование типично для текстов светской литературы (летописи, сборники, послания), для официально-деловой литературы (грамоты, договор). Также зафиксированы единичные случаи модального функционирования в тексте хронографа (историческая литература) и в религиозной литературе (житие).

2.3. Модальное функционирование глаголов

возмыслити, домыслити, смыслити, обмыслити, примыслити

Данный параграф посвящён описанию модального функционирования ряда дериватов глагола *мыслити*, в числе которых следующие производные: *возмыслити*, *домышляти*, *смыслити*, *обмышляти*, *примыслити*. Рассматриваемые лексические единицы выступают в качестве экспликаторов значения «намерения» в его различных подзначениях.

Глагол *смыслити*

Исследование разножанровых текстов, относящихся к рассматриваемому периоду развития русского языка, показывает, что дериваты *смышляти* –

смыслити продолжают употребляться в текстах рассматриваемого периода, в том числе в качестве модальных операторов.

В форме изъявительного наклонения рассматриваемый глагол участвует в реализации значения **объективной модальности**: *Но еще (Борис) созидает церкви, и смышляет грады, и ихъ же не лет хитрости ихъ никомуже глаголати, и веси строить* (Инока Фомы сл. похв.) – указание на факт мыслительной деятельности Бориса, направленной на проектирование городов.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *Не смыслиша разумѣти* [не мог понять – **Ю.Б.**] *сия вся, да примутъ грядущее* (Летоп-й свод). Речь идёт об отсутствии когнитивной возможности / интеллектуальной способности *осмыслить*, *уразуметь* некоторую ситуацию, что детерминирует необходимость принятия *грядущего* (своей судьбы). *Мне, отцу своему, пособить не смылишь* [не можешь помочь – **Ю.Б.**]. *Аз, чадо, отец твой – муж совершен, смысю много, болиши тебѣ, – аше не знаю, что царю отвещати, – а ты, млат, хочешь пособить!* (Пов. о Басарге и о сыне его Борзосм.). Этот фрагмент представляет собой ответ отца Басарга своему сыну Борзосмыслу. В сложившейся сложной ситуации сын предлагает помощь отцу. Однако Басарг считает, что тот не сможет воплотить своё намерение в реальность в силу нехватки знаний, способностей, обусловленной молодым возрастом Борзосмысла.

Как показывает исследование, употребление деривата *смышляти* – *смыслити* является низкочастотным. В то же время зафиксированы случаи реализации значений ситуативной модальности – значение «намерение» в его подзначении «план», а также в значении «возможность», связанная с семантическим значением «когнитивная способность»). Случаи их соответствующего функционирования зафиксированы в текстах светской литературы (жанры летопись, повесть), а также в религиозной литературе (жанр поучение).

Глагол *возмыслити*

Так же, как и в предшествующую эпоху развития языка, глагол *возмыслити* продолжает употребляться примерно в той же модальной функции. Посредством данной лексической единицы актуализируется значение «интенсивное намерение» в его подзначении «замысел».

Модальное значение «намерение», модифицируемое по признаку «интенсивность»: *В пятый же Велик день възмыслих* [имел интенсивное намерение – *Ю.Б.*] *ся на Русь. Идох из Бедеря града* (А. Никитин. Хожд. за три моря). Присоединение префикса *воз-/в(ъ)з-* к глаголу *мыслити* в значении «возникновение интенсивно проявляемого действия» [РГ – 80, Т. 1: 358] объективирует в семантике глагола *възмыслити* признак «интенсивность действия».

Случаи соответствующего употребления продолжают оставаться единичными, типичными для книжно-литературного типа языка (сфера религиозной литературы, жанр хождение).

Исследование текстовых фрагментов позволило выявить ряд дериватов глагола *мыслити*, ранее не фиксируемых в качестве экспликаторов модального значения. Речь идёт о таких производных, как *обмышляти*, *домышляти*, *примышляти*.

Глагол *обмыслити*

Словари фиксируют в качестве основного значение мыслительной деятельности: «Обмышляти – думать, обдумывать, обсуждать. *Нача же Рюрик обмышляти съ мужи своими, кую бы власть дати Всеволоду*. Моск. лет.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 12: 97]; «Обмышлять, обмыслить *дело*, размыслить, обдумать, обсудить, сообразить» [Сл. Даля. Ч. 2: 1185]. Заметим, что процесс (всестороннего) обдумывания/обсуждения сопряжён с процессом принятия решения, а в ряде случаев со способностью принять решение.

Присоединение префикса *об-* в таких значениях, как «распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много объектов (или на много мест в пределах одного объекта)», «большая интенсивность, более

высокое качество действия» [ССАСРЯ: 134], «совершить (довести до результата) действие, названного мотивирующим глаголом» [РГ – 80. Т. 1: 363 – 364] дополняет модальное значение исходного глагола. Это связано с тем фактом, что, как показывают словари, дериват *обмышляти* – *обмыслити* реализует значение собственно мыслительной деятельности, сопряжённой с процессом принятия решения.

Фрагменты из разножанровых текстов БЛДР и НКРЯ указывают на реализацию посредством рассматриваемого глагола значений объективной и ситуативной модальности (в значении «намерение», а также значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «продолжение действия», значение «намерение», маркированное по признаку «совместность действия»).

Значение «объективная модальность»: *Се же слышавъ Рюрикъ от пословъ Всеволожихъ, оже жалуется на нь про ту волость, юже дал бяше Роману Мъстиславичю, внуку Изяславлю Мъстиславича, зятю своему, нача же Рюрик обмышляти с мужи своими, кую власть дати Всеволоду* (Моск. летоп. св.) – указание на факт обсуждения / совещания царя с *мужи своими*, конечной целью которого является принятие решения о том, какую власть дать Всеволоду. В то же время в данном примере посредством фазового глагола *начати* актуализируется значение «намерение, маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия». Кроме того, объективируется значение «намерение, маркированное по признаку «совместность действия» (*Рюрик обмышляти с мужи своими*).

Значение «намерение, маркированное по признаку «совместность действия»: *Слышав же то князь великий Василей Дмитриевичъ и зжалися им зело, обмыслиша* [имели совместное намерение – Ю.Б.] *со отцем своим митрополитом Киприяном и со братьею своею, и со прочими князьми рускими, и послаша во Царьград много сребра в милостыню с чернцом Родионом со Ослебятем, иже преже был боярин люботской* (Писк. лет.).

Таким образом, определена способность глагола *обмышляти* функционировать в качестве экспликатора значения объективной модальности (мыслительная деятельность) и ситуативной – в значении «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия», а также по признаку «совместность действия».

Глагол *домыслити*

В разножанровых текстах, относящихся к старорусскому периоду развития русского языка, отмечены случаи употребления дериватов *домышляти* – *домыслити*.

Словари фиксируют следующие значения лексемы *домыслити*:

«1. Представить себе. *Бесщисльное число, око (яко) не может умъ чловчеськъ домыслить избиеныхъ*. Новг. И лет.» [Сл. Срезн. Т. 1: 703 – 704]. «Домышляти 1. Размышлять, обдумывать. *И дошедъ Олекмою рѣкою и по Тугирю рѣкъ до волоку или до Шильки, домышляючи, гдѣ пригоже острогъ поставить*. АИ XVII в.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 4: 313 – 314].

«2. Вздумать, придумать. *Таковы ибо бысть и Амонъ Манасиинъ сынъ и домысли Амонъ домысла злаго*. Ам.112» [Сл. Срезн. Т. 1: 703 – 704].

Как показывают словари, основным значением рассматриваемых дериватов является значение мыслительной деятельности (*представить себе, размышлять, обдумывать*), репрезентирующих значение объективной модальности. При этом мысль (*домысль*) как когнитивная возможность, нацелена на поиск решения какого-либо вопроса, реализации принятого решения. Такое понимание значения, объективируемого дериватом *домыслити*, подтверждается словарным толкованием лексической единицы *домысль*: «1. Разум, умственные способности. 2. Мнение, усмотрение; заключение, решение» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 4: 313]. Следовательно, рассматриваемые дериваты способны опосредованно реализовывать такое значение ситуативной модальности, как «возможность», связанную с указанием на способность субъекта выполнить определенные когнитивные операции, а также значение объективной модальности (связанного с семой

«поиск решения»). При этом, если опираться на словарное определение глагола «домыслить» в значении «вздумать», можно, по нашему мнению, установить связь этого глагола и с ситуативными значениями желательности и намерения.

Присоединение префикса *до-* в «комплетивном/финитивном значении, указывающем на завершение ситуации» [Стойнова. rusgram.ru], а также в значении «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом», иногда также «довести до необходимой нормы» [РГ – 80. Т. 1: 359] осложняет семантическую структуру глагола. Это определенным образом модифицирует модальную специфику глагола *мыслити*, что на основе разножанровых текстовых фрагментов будет проиллюстрировано ниже.

Значение «объективная модальность»: *Будет вскоре царь не отпустит и ему о том домышляти сопча с Офонасьем с Нагим с товарищи, чтоб как отписать ко царю и великому князю (Посол. кн.)* – сообщение о факте необходимости додумать (решить), как написать царю.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *По божю же строю в се время разболѣся Володимирь очима, и не видяше ничто же, и тужаше велми, и не домышляше* [не мог понять – Ю.Б.], *что створити* (Новг. 1-я лет. Комис-ый сп.); *Домыслив* [смог понять – Ю.Б.] *же ся о сем Василеи Дмитреевъ Ермолина с мастера каменщики, церкви не розобраша всея, но с надвориа горѣла и камень весь обломаша, и своды двигшиися розобраша, и одѣлаша ея около всю новым каменем да кирпичем ожиганым, и своды сведоша, и всю и совръшиша, яко дивитися всѣм необычному дѣлу сему* (Волог.-Перм. лет.).

Единичные случаи употребления деривата *домышляти* – *домыслити* в качестве экспликаторов вышеуказанных модальных значений зафиксированы в летописном жанре, относящемся к светской литературе (народно-литературный тип языка), а также в дипломатическом документе (Посольская книга).

Глагол *примыслити*

Также исследование текстового материала показывает, что глаголы *примышляти* – *примыслити* употребляются в текстах рассматриваемого периода. Словарь Срезневского фиксирует следующие значения глагола *примыслити* – *примышлю*:

«1. придумать, приписать, отнести. *Петръ, иже распятъ... примышль*. Панд. Ант. XI в.» [Сл. Срезн. Т.2: 1432]. В качестве других значений фиксируются следующие: «2. Добыть, придобыть. 3. Приобрести. 4. Получить (в виде дохода). 5. Достигнуть большего» [Там же]. Как показано словарём, основное значение рассматриваемых дериватов – «придумать», которое, на наш взгляд, можно рассматривать как опосредованное выражение модального значения «возможность, связанная с семантическим значением «когнитивная способность»».

Все остальные значения указывают на действия, направленные на приобретение или получение чего-либо, в том числе чего-то большего.

Однако не все словари в качестве первого указывают значение, связанное с принятием решения. К примеру, *примыслити* имеет следующие значения:

«1. Добыть, приобрести. *Игорь же ... нача мыслити на древляны хотя примыслити большую дань*. Лавр. лет. 1096» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 19: 225]. А неосновным выступает значение «найти решение», в том числе связанное изобретательностью или вымыслом:

«2. Решить, надумать, постановить. ... *и примыслили: обрѣтоша яко ж градъ тои... на супртивление цсремъ отметається*. Библ. Генн. 1499.

3. Придумать, приписать, отнести к чему-л.» [СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 19: 225]. Значение «намерение» эксплицитно выражено в семантике лексической единицы *примысль*. «Примысль – домысль. *Примысль члчьскъ* (ex cogitatio). Жит. Порф. 86. Мин. чет февр.» [Сл. Срезн. Т. 2: 1433]. Отметим, данные разных словарей не дополняют друг друга.

Присоединение префикса *при-*, в значении «освоение, восприятие чего-л.» [ССАСРЯ: 190], а также в значении, близком значениям префиксов *на-*, *у-*

[КрЭСРЯ: 364; Сл. рус. говор. Вып. 31: 99], на наш взгляд, модифицирует модальную функцию глаголов *примышляти* – *примыслити* за счёт имплементации в его содержательную структуру семы возможности (придумать, т. е. «суметь найти решение вопроса»), что позволяет, на наш взгляд, рассматривать данный глагол в указанном значении как опосредованно реализующий модальное значение возможности.

Подтверждение соответствующего модального функционирования дериватов *примышляти* – *примыслити* находим в разножанровых текстах рассматриваемого периода.

Значение «объективная модальность»: *от маркова става по львовъскую дорогу къ скоморохомъ а от пѣсчана броду по пиньскыи мостъ а оттолѣ по турью поколѣ турью прошла а мыта не примышляти, но какъ из вѣка пошло а по старымъ дорогамъ гостемъ поити куда хочет* (Дог. волынск. кн. Любарта с польск. кор. Казим. III) – указание на факт получения дохода.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *И царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил послати искати себѣ невѣсты в Литву х королю о сестрѣ да къ Свеискому королю дочерии смотрити да в Черкасы у Черкасскихъ князеи дочерии же смотрити. И **примыслил** [смог найти решение – Ю.Б.] царь и великий князь **послати** в Литву х королю напомянути его о вѣчномъ миру и о сватовстве околничего Федора Ивановича Сукина да дворцового дьяка Григория Шапкина* (Лебед. лет.).

§ 3. Модальная специфика глагола *мыслить* в текстах конца XVII – конца XX вв.

Данный параграф посвящён исследованию модального функционирования глагола *мыслить* и его дериватов в русском языке, охватывающем период с конца XVII до конца XX вв.

3.1. Глагол *мыслить* как экспликатор модальных значений

Как показывает словарно-дефиниционный анализ, лексическая единица *мыслить* имеет следующие значения:

«1. Рассуждать, анализируя явления действительности и делая выводы. *Работа в течение двух лет под руководством Уварова дала мне много. У него я научился почти всему, ...но самое главное – он научил меня мыслить.* Колесн. Нов. пути. Мыслить образами, картинами и т.п. *Дитя ...мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще.* Ушин. Руков. к преподаванию.

2. *Устар.* Думать о ком-либо, о чём-либо. *Веня курил, пил кофе и мыслил.* Куваев. Чудаки жив. на востоке. Мыслить о ком-либо, о чём-либо. *И долго юноша над ним Стоял, раскаяньем томим, Невольно мысля о былом, Прощая – не прощён ни в чём.* Лерм. Боярин Орша. || Придерживаться какого-либо мнения; предполагать, считать. *И входит он, любить готовый, С душой, открытой для добра, И мыслит он, что жизни новой Пришла желанная пора.* Лерм. Демон.

3. Допускать что-либо в мыслях, мысленно; представлять. *С самого начала [я] мыслил балет как самое разнообразное и по содержанию, и по форме проявление жизни.* Фокин. Против течения. || Быть, являться возможным, осуществимым.

4. *разг.* Намереваться, предполагать (*с неопр. ф. гл.*). *С тяжёлым чувством приближался Саенко к шахте. Не так, не так мыслил он начинать работу в лавах.* Игишев. Шахтёры» [БАС. Т. 10: 531 – 532; НСРЯ. Т. 1: 908].

Таким образом, глагол *мыслить* в первую очередь реализует значение когнитивной деятельности в её совокупности, в форме изъявительного наклонения репрезентируя значение объективной модальности.

В качестве второго также фиксируется значение собственно мыслительной деятельности (*думать*). Следует отметить, что часть значений глагола *мыслить* перешла в категорию устаревшей лексики, например: «*устар.* Думать, размышлять. *Онегин взором сожаленья Глядит на дымными*

струи И мыслит грустью отуманен: Зачем я пулей в грудь не ранен? Пушк. [БАС. Т. 10: 531 – 532]; *«устар. Думать, полагать, считать [Чермный] Глеб Мироныч, как мыслишь ты? А. К. Толстой, Посадник»* [МАС. Т. 2: 317].

Третьим в семантической структуре глагола *мыслить* является значение мыслительной деятельности («создать мысленный образ чего-то»): *«Вы проявили мягкотелость. Лишь по доброте могли вы написать, что способ технически осуществим».* – *«Почему? Теоретически он мыслил».* Бек. Нов. назначение [БАС. Т. 10: 531 – 532].

В рамках четвертого из указанных значений фиксируется связь с модальными значениями «намерение», «план», а также в рамках субъективной модальности – значением «предположение». Отметим, что указанное модальное значение является частным, сопровождается пометой «разговорное» [БАС. Т. 10: 531 – 532; НСРЯ. Т. 1: 908].

Вышеприведённые словарные значения, реализуемые глаголом *мыслить*, актуальны для русского языка рассматриваемого периода. Подтверждение тому находим в разножанровых текстах из НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *Как се досадно было им мыслити: Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страшная, гофрский народ, имя ужасное народ гофрский с Россиею девять лет борется, а еще бедно!* (архиеп. Ф. Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской (1717)) – констатация факта негативного восприятия действительности субъектами; *Не так он мыслил, как другие после его в Греции восставшие законодатели, которых от робкого угождения, желая всем удовлетворить гражданам, никого не удовольствовали* (А.Н. Радищев. Размышл. о греч. ист. или о прич. благоден. и несчаст. Греков (1773)) – указание на факт оригинальности мышления субъекта; *я съ нимъ не только приятель, но кой о чёмъ и мыслимъ* одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ (А.С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому (1823)) – сообщение о факте единомыслия двух субъектов; *Мы мыслим, чтоб действовать* (Л.И. Шестов. На весах Иова

(1929)) – сообщение о факте мыслительной работы, лежащей в основе любой деятельности.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *И хотя бы оступочкой понимания не мыслит* [не может понять – **Ю.Б.**], *что покупая запредельно дешёвые примитивные вещи, приобретает мне всякий раз унижение, укрупняет его* («Волга», 1998).

Значение «намерение»: *Тако убо, кто убытокъ другому безъ злаго умысла учинилъ, всеконечно наградити должень, и свидѣлствовати что въ немъ не было злобы, да бы обидимыи его не имѣлъ за неприятеля, и взаимно неприятелски на немъ отмститися не мыслилъ* [не имел намерения – **Ю.Б.**] (неизвестный [перевод трактата С. Пуфендорфа]. О должности человека и гражданина по закону естественному. (1726)); *Если царя норовят убить за то, что он мыслит* [имеет намерение – **Ю.Б.**] *отдать* мужикам землю, *то господам прямой расчёт мирволить таким людям, а не давить их* (Рабочая газета, (1880)); *Старец Зосима говорит: «Воистину у них мечтательной фантазии более, чем у нас. Мыслят* [имеют намерение – **Ю.Б.**] *устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом»* (Н.А. Бердяев. Мирозерцание Достоевского (1923)); *Но Гурченко, как истинная артистка, не мыслила себе отказа от съемок в программе, обещавшей стать событием* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)).

Подзначение «негативное намерение»: *употреблял все возможные средства и мыслил* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *даже совершить подлое, гнусное злодеяние* (Н.М. Карамзин. Ист. гос-ва Рос-го (1816-1820)). На негативную квалификацию намерения со стороны говорящего указывают пейоративы *подлый, гнусный, зло, злодеяние. Еще Лисовский, злодействуя в Переславской и Владимирской области, мыслил* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *взять лавру: увидев трудность, прошел мимо, и сжёг только посад Клементьевский* (Н.М. Карамзин. Ист. гос-ва Рос-го (1824-1826)). *Ты меня, Ульяна Митревна, извини, пожалуйста, – виновато оправдывался Тимофей, –*

однако, понимаешь, я ведь не дурное что **мыслю** [не имею негативного намерения – **Ю.Б.**], а для тебя же стараюсь... (А.В. Амфитеатров. Побег Лизы Басовой (из сборника «Бабы и дамы») (1907)). В данном случае субъект сообщает об отсутствии негативного намерения по отношению к своей супруге (я ведь не дурное что **мыслю**).

Подзначение «положительное намерение»: *А от сего прелестной любви сказания яве показуется, каковая есть любви нелестная, сиесть каковую описал апостол: «Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы, не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своя си, не раздражается, не мыслит* [не имеет негативного намерения – **Ю.Б.**] *зла, не радуется о неправде, радуется же о истине; вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит* (архиеп. Ф. Прокопови. Сл. похв. в день Святыя великомученицы Екатерины (1717)).

Субъективная модальность:

- **значение «предположение»:** *Тогда, как я мыслю, фельдмаршал, уразумев мое молчание, спросил: «Бил ли Багратион в итыки?»* (А.К. Денисов. Записки донского атамана Денисова (1832) // «Русская Старина» 1874).

- **значение «мнение»:** *...она мыслит, что Заруцкий её любит – ах! счастливая мысль* (М.Ю. Лермонтов. Menschen und Leidenschaften (1830)); *Впрочем, сослуживцы мои очень дружески расположены ко мне и весьма хорошо мыслят; я ничего не потеряю в их мнении: они были свидетелями и товарищами ратной жизни моей* (Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835); *Я так мыслю, что жена должна быть супружницей своему мужу... одно слово жена...* (Н.В. Успенский. Грушка (1858).

Значение вопросительной модальности: *А как вы, Потап Егорыч, мыслите насчёт супружества?* (Н.В. Успенский. Грушка (1858)).

Как показывает материал исследования, глагол *мыслить* реализует значение «когнитивная деятельность», связанное со значением объективной модальности. В то же время фиксируются случаи реализации функции

прагматической (субъективной и побудительной) и ситуативной модальности (модальность намерения и возможности). При этом желание, намерение субъекта, направленное на прямой или косвенный объект (*не мыслил оставить добродетели; мыслил с ним подружиться*), находится в процессе формирования и относится к моменту речи (*мыслит отдать, мыслят заказать и посадить*). В то же время реализация намерения подразумевает план будущего. Также зафиксированы случаи модального функционирования глагола *мыслить* в форме прошедшего времени, реализующего значение намерения, актуального для ситуации в прошлом (*мыслил сказать, мыслил действовать*).

В системных условиях глагол *мыслить* реализует модальное значение в сочетании с инфинитивом (*мыслит отдать, мыслят устроиться*). В ряде случаев фиксируется модальное функционирование глагола *мыслить* в сочетании с девербативами (*Платону мыслилось создание дворца; (человек) мыслит свой отдых*).

В ходе исследования была установлена комбинаторность исследуемой лексической единицы с акциональными глаголами физического действия (*заказать, посадить, преодолевать*), ментального действия (*понять*), констатирующими глаголами (*сказать*).

Анализ разножанровых текстов показывает, что функционирование глагола *мыслить* в качестве модального оператора типично для текстов художественной литературы, публицистики, научно-популярной периодики. Также зафиксированы единичные случаи соответствующего употребления в научно-художественной сфере.

3.2. Модальное функционирование глаголов

помыслить, замыслить, умыслить

Исследование функционирования глагола *мыслить* в модальной функции показывает, что его дериваты способны выступать в качестве экспликаторов

модальных значений. В первую очередь к их числу относятся производные *помышлять – помыслить, замышлять – замыслить*, а также *умышлять – умыслить, измышлять – измыслить, размышлять – размыслить, намысливать – намыслить, примыслить*.

Глагол *помыслить*

В ходе исследования были зафиксированы случаи употребления дериватов *помышлять – помыслить*. Как показывает словарно-дефиниционный анализ, глагол *помыслить* имеет два значения:

«1. *устар.* Подумать, поразмышлять. *Да, я томлюсь надеждой сладкой, Что ты, когда-нибудь, украдкой Помыслишь обо мне.* Блок. О, да, любовь вольна...» [БАС. Т. 18: 629 – 630]; «1. Мысленно представить, допустить» [НСРЯ. Т. 2: 216].

«2. Мысленно представить, предложить, допустить. *Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России.* Салт. Убежище Монрепо. || Подумать что-л. сделать, предпринять. *С неопр. ф. гл. Только в отчаянии может помыслить человек – пробраться сквозь десятки вёрст сквозь снеговую степь, где живёт только он один и то ненадолго.* Л.Н. Толст. Родн. Места. || Можно, нельзя *помыслить*. *Захоти он остаться в деревне...* Впрочем, как это можно захотеть, когда невозможно и *помыслить, чтобы не поехать сегодня в Москву.* Вл. Солоухин. Мать-мачеха» [БАС. Т. 18: 629 – 630]; «2. *Устар.* подумать, поразмышлять» [НСРЯ. Т. 2: 216].

В «Большом академическом словаре» в качестве первого фиксируется с пометой «устаревшее» значение мыслительной деятельности («подумать, поразмышлять»), связанное с выражением объективной модальности. В «Новом словаре русского языка» фиксируется значение «мысленно представить, допустить», репрезентирующее значения ситуативной модальности, в числе которых «намерение», «(когнитивная)возможность» (допустить что-либо возможным, разрешить). Кроме того, словари указывают на способность данного глагола реализовать значение субъективной

модальности «предположение», а также значения побудительной модальности «призыв/совет».

Как было отмечено в параграфе 1.2, присоединение префикса *по-* к глаголу *мыслить* объективирует значение направленности действия на некий объект, а также актуализирует семантический оттенок «размышлять некоторое время с целью принятия решения / обдумывания замысла».

Значение «объективная модальность»: *И помысли в себѣ, что царь опочиваетъ с царицею о полудни* (Пов. о королевиче Валтасаре (кон. XVII – нач. XVIII в.)) – сообщение о факте внутренних размышлений субъекта; *Ради великих дел надобно иметь ум свободен и покоен; надобно помыслити в покое, оставя другие дела* (М.В. Ломоносов. Похождение Телемакова сына Улиссова (перевод) (1747)) – сообщение о факте целесообразности мыслительного процесса в состоянии покоя; *«Какая-то нелепая постановка вопроса...»*, – *помыслил Берлиоз и возразил* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929 – 1940)) – указание на факт мыслительной деятельности Берлиоза; *И сказал Он: «Хотел Юрий Михайлович стать героем России, а пусть станет пока заслуженным её строителем. И не сказал, но помыслил: «А героем станет в 2000 году, если победит на выборах – тогда последним своим указом и отмечу его золотой звездой в ленинский лоб»* (Независимая газета, 1998) – отмечается факт мыслительного процесса субъекта; *Однако царственное право им было дано раньше, чем они даже помыслили о том, чтобы стать претендентками (на царствование)* (Московский комсомолец, 1997) – сообщение о факте когнитивной деятельности о престоле.

Значение «намерение»: *Егда же умножишиася по потопе человеки на земли, помыслили создать столп до облак* (В.Н. Татищев. Ист.рос-ая в семи томах. (1750)); *И еще скажу: благообразия не имеют, даже не хотят сего; все погибли, и только каждый хвалит свою погибель, а обратиться к единой истине не помыслит; а жить без бога – одна лишь мука* (Ф.М. Достоевский. Подросток (1875)); *Ежели не отчаится наше дитя протекции, под которою живет, никогда не помыслит ехать* (Д.С. Мережковский. Петр и Алексей

(1905)); *Они выглядят так солидно, так капитально, что нельзя и **помыслить** записывать в них что-нибудь простенькое, легкомысленное* (Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)).

Подзачение «негативное намерение»: *Или мнишь ты, что они, видя торжествующего тебя над их злобою, **не помыслят** [не появится негативное намерение – **Ю.Б.**] на жизнь твою?* (Д.И. Фонвизин. Иосиф [перевод поэмы П. Ж. Битобе с французского] (1769)); *Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты **помыслил** [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] дар Божий получить за деньги* (Деян. Св. Апостолов: синодальный перевод (1816-1862)). На негативную квалификацию намерения указывает контекст (*серебро твоё да будет в погибель*), а в качестве маркера соответствующей оценки выступает противопоставление взаимоисключающих понятий *серебро – дар Божий, деньги – дар Божий. «Богом клянусь, – воскликнул он, – что никогда ничего такого не замышлял, а если бы сын мой такое **помыслил** (сделать), так я своими руками удушил бы его»* (А.И. Красницкий. Оберегатель (1903)). На отрицательную оценку намерения субъекта ситуации указывает ответная интенция субъекта *удушить своими руками*.

Значения побудительной модальности «предписание» и «призыв»: *Будьте добродетельны, тогда вы бедных **утеснять не помыслите*** (Н.И. Новиков. Трутень. Еженедельное издание на (1769)); ***Помыслите**, что моя жизнь зависит отъ васъ* (П.И. Страхов. Тысяча и одно дурачество (1780)); *А чтоб то тебе познавать, вот тебе зеркало... Когда же что захочешь от меня, то **помысли** и в зеркале увидишь, что тебе делать* (А.Н. Радищев. Бова (1798-1799)); ***Помыслите** о сем и выпишите Фильдинга и Смоллета для ближайшего ознакомления* (В.Г. Короленко. Письма (1906)); *Ты, голова, **не помысли** на меня лихо...* (А. Веселый. Россия, кровью умытая (1924-1932)); *Не **помыслите** только, будто я лицемерил (буду лицемерить), мне не свойственно, я не умею, но бывает – и вы когда-нибудь убедитесь сами – бывает, человек лжет, не подозревая о том* (Саша Соколов. Школа для

дураков (1976)); *«Помыслите и содрогнитесь, – приводятся в книге слова св. Иоанна Златоуста, – какое зрелище представит Рим, когда Павел и Петр восстанут там из своих гробов* (Независимая газета (приложение «Ex Libris НГ»), 1999).

Как показывает материал исследования, наряду с глаголом *помыслить* в модальной функции употребляется дериват *помышлять*. При этом словарями в качестве основных в семантической структуре рассматриваемого деривата фиксируются следующие значения:

«1. Устар. Думать, размышлять о чём-л. *Лениво смотрит в «безбрежную даль» литератор, помышляя о том, хороши ли гостиницы в Бразилии.* Гонч. Фрегат «Паллада» [БАС. Т. 18: 630 – 631]; «1. Думать, размышлять о чём-л.; мечтать» [НСРЯ. Т. 2: 217].

«2. Мысленно представить, предполагать, допускать; мечтать. *Я стал творить..., Не смея помышлять ещё о славе.* Пушк. Моцарт и Сальери. || Намереваться что-л. сделать, предпринять. *С неопр. ф. гл. Несколько раз помышлял сходить в соседние посёлки, навестить знакомых шахтёров.* Игишев, Шахтёры» [БАС. Т. 18: 630 – 631]; «2. Намереваться что-л. сделать, предпринять» [НСРЯ. Т. 2: 217].

Таким образом, дериват *помышлять* реализует в качестве основного устаревшее значение мыслительной деятельности, связанное с реализацией объективной модальности. При этом значение мыслительной деятельности сопряжено со значением «мечтать», имплицитно содержащем семы «желание», «возможность» (создавать мысленный образ желаемого / желать что-либо / предполагать что-либо, надеясь).

Второе значение также репрезентирует значения ситуативной модальности – значение «намерение», «возможность», а также имплицитно выраженное значение «собственно желание».

Словарные данные находят подтверждение в разножанровых текстах НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *Аще бо непрестанно будеши о втором суде Божию **помышляти**, то никогда в великой грех не впадеши, но и от малых всячески повоздержешися* (И.Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему (1718-1725)) – сообщение о факте размышления о предстоящем суде Божьем; *Смущенно, беспокойно, и зная, что, некогда изгнанно сущи от земли, повергнется паки во ад, из коего оно вышло, держит в руках своих тёмную завесу, коею очи смертных покрывает, и о средствах власть свою **продолжити помышляет*** (Д.И. Фонвизин. Иосиф (1769)) – указание на поиск субъектом средств к сохранению власти. *По-видимому, поляки **не помышляли**, чтобы мы так скоро могли соединиться с союзниками* (В.Т. Нарезный. Бурсак (1822)) – указание на факт отсутствия намерения соединиться с союзниками. *А о том, чтобы купить новую (квартиру), я и **не помышляю** – мне это не по карману* (АиФ, 1985) – факт отсутствия размышлений о покупке квартиры; *Все, о чём мы мечтали, о чём **помышляли**, к чему стремились наши желания и чему мы готовы были отдать силы, – все было там* (Независимая газета, 1996) – указание на факт наличия разных мыслей; *Он стремится создать более сильное коммунистическое государство, а не слабое и отнюдь **не помышляет** о том, чтобы покончить с коммунизмом* (АиФ 1988) – сообщение о факте отсутствия намерения покончить с коммунизмом.

Значение «намерение»: *И мнози **помышляху** [имели намерение – Ю.Б.] **оставити** жительство в Европе и паки во Асию в прежняя жилища отбежати* (А. Лызлов. Скифская история (1692)); *В конце XVIII столетия доходы уменьшились до того, что уже **помышляли** [имели намерение – Ю.Б.] **ограничить** школы, уменьшить число воспитанников* (А.И. Тургенев. Хроника русского (1825 –1826)); *Все это были люди плохие, нагло севшие на шею Водопьянова и не помышлявшие сойти с неё, как он **не помышлял** [не имел намерения – Ю.Б.] их **спугивать*** (Н.С. Лесков. На ножах (1870)); *А затем я **помышляю** в самом деле **уехать** и дальше за границу* (Г.И. Успенский. Письма (1884-1886)); *По дороге мы молчали; мы шли пешком, или быстро, и*

я себя ругал, ругал... В самом деле, что я за кавалер? Еще на какой-то дьявол взял книжки! Оставил бы у Павла Гекторовича; я уже **помышлял** как-нибудь их выбросить (Ю. Юркун. Шведские перчатки (1914)); Вот его подлинные слова: **помышлял** было от него отстать. Но сего исполнить – не знаю, по какой причине – не в состоянии был (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1939-1945)).

Намерение субъекта ситуации может быть оценено говорящим как положительное или негативное.

Подзначение «негативное намерение»: Сам ю возбуди, яже тверде спаше, Мене **мертвити не помышляше** [не имели негативного намерения – **Ю.Б.**] (Интермедии (Междоречие) (посл. чет. XVII в. – нач. XVIII в.)); Ага, какъ и всякий другий чиновникъ Турокъ, **помышлялъ** [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] только о грабительствѣ, мало думая о торговлѣ Моккскихъ и Аравитскихъ купцовъ (М.И. Веревкин. Ист. о странствияхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. (1782)); Но лютые враги и в последние минуты жизни ещё **помышляли** [имели негативное намерение – **Ю.Б.**] о **вреде**. Сжимая одною рукою пронзенную грудь, другою зажигали они дома и города. Пожары неугасимо пылали, и след их было опустошение! (Ф.Н. Глинка. Письма русского офицера... (1812 – 1817)). Намерение оценивается говорящим как негативное. Маркерами соответствующей квалификации выступают лексические единицы с отрицательной эмоциональной коннотацией: **мертвити**, **лютые враги**, **вред**, **сжигать дома и города**, **опустошение**. Тем временем служащие Кингисеппской таможни задержали гражданина, который при помощи личного автомобиля **помышлял** [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] **вывезти** за пределы России предметы антиквариата – икону и несколько золотых украшений (Коммерсант, 1993). Негативное отношение говорящего выражено имплицитно (извлекается из контекста). Данная интенция получает негативную квалификацию с точки зрения морально-этических норм социума. Они исправно ходят к мессе по воскресеньям и никогда не **помышляли** [не

имели негативного намерения – **Ю.Б.] разрушать** свои соборы (Независимая газета (приложение «Круг жизни»), 1999).

В то же время глагол *помышлять* способен объективировать значение «положительное намерение».

Подзначение «положительное намерение»: *Безумный занимается веселием и богатством, а мудрый **помышляет*** [имеет положительное намерение – **Ю.Б.] токмо убежать** от обмана и находит добродетель (Д.И. Фонвизин. Примечания на «Та-Гио» (1779)). На положительную квалификацию намерения указывают мелиоративные лексические единицы / сочетания *мудрый, добродетель, убежать от обмана*. Кроме того, положительная квалификация намерения отражается в конструкциях сравнения и контраста: *безумный – мудрый, занимается веселием и богатством – **помышляет токмо убежать от обмана***. Пожив во отечестве моем в Велье при прежней писарской должности, самопроизвольно пожелал я ехать в Москву для списывания на вотчину с писцовых книг копий к будущему межеванию, а притом **помышлял исправить** [имел положительное намерение – **Ю.Б.] церковные и свои надобности** (Л.А. Травин. Записки (1806-1808)). Как известно, интенции, направленные на благо церкви, воспринимаются социумом как добродетель, благочестие. *Барби, разряженная как на бал, сидела теперь на подоконнике и сверкала, а старик выделявал шкатулки на продажу и **помышлял*** [имел положительное намерение – **Ю.Б.] построить** своей кукле дом с мебелью, освещением и маленьким японским садом («Октябрь», 1996). Контекстуальная среда содержит мелиоративно окрашенное словосочетание *построить дом*.

Отметим, что намерение может быть (не)реализованным или подразумевать возможность его воплощения в реальность.

Также намерение, актуализируемое глаголом *помышлять*, может находиться на начальном этапе / в процессе формирования.

Значение «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия»: *он же воспомянет благодеяния божия, егда*

*начнет помышляти: се господь бог мой толикия мне явил и являет
благоденствия своя... (Гавриил (Бужинский). Сл. благодарственное богу (1720));
Царко, дальнѣйшие осмотры до времени оставя, **началь помышлять** о
выборѣ способнаго къ поселению мѣста, коему и назначилъ быть на
пространномъ полѣ, не столько какъ другіе лѣсистомъ (М.И. Веревкин. Ист.
о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга (1782)); Я полагаю,
однако, что мои слова подействовали, потому что с того времени отец **начал**
помышлять об отдаче имения в аренду, чтобы обеспечить себе хотя
незначительный, но верный доход (В.И. Ден. Записки генерал-лейтенанта
В.И. Дена (1873)); Проповедники зачалися в России, как известно, недавно.
Франція взошла на высочайший степень Парнаса, Россія едва о том
помышляти начала (В.А. Аннушкин. История русской риторики.
Хрестоматия (1998)).*

Значение модальности возможности: *Кто были два незнакомца,
...зачем они приходили и куда скрылись, зачем прибежали после того столько
докторов, поивших меня различным лекарством – все это составляло для
меня тайну, которой я **не помышлял** [не мог – Ю.Б.] **разгадать** при моей
слабости (Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера (1866-1880)).*
Субъект ситуации не имеет возможности разгадать причину появления
докторов, назначение лекарств по причине своей слабости.

Значение модальности желательности («собственно желание»): *Мне
было тогда только девятнадцать лет, я был удален из восьмого класса
гимназии за ношение красной рубашки и **помышлял стать** журналистом,
хотя никому об этом не говорил и изводил бумагу втихомолку, размашисто
подписывая все свои произведения полным своим именем (Г.Д. Гребенщиков.
В бору (1922); Когда член совета **помышляет** [желает занять место – Ю.Б.] о
кресле гендиректора, но продолжает контролировать работу топ-
менеджмента и нынешнего гендиректора, в компании возникает щекотливая
ситуация и нарушаются принципы бизнес-этики (Ведомости, 1999).*

Значение побудительной модальности:

- «наставление/совет»: *И егда возлагать имаши то крестное знамение рукою, мыслию свою **помышляй** и душевными очима зри на то изображение ясно* (И.Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему (1718-1725)); *Любезная дочь, повторилъ онъ! дѣлай все то, что тебѣ угодно, я позволяю, и **не помышляй** притомъ того, что во что бы твое предприятие ни стало, я ни о чемъ не жалѣю и жалѣть не буду* (Ф. Лазинский. Оберъ-Сталмейстерѣ Задигѣ (1784)); *«Государь, – говорил ему Каллисфен, улыбаясь, – велико твоё требование, но не бойся, чтоб философия обременила тебя тяжким порицанием; она таковым мнениям только лишь смеется; но, став богом, государь, если им стать тебе угодно, **помышляй**, к чему обяжет тебя сие великое титуло»* (Д.И. Фонвизин. Каллисфен (1788)); *А ты о плохомъ **не помышляй**, а гонись только за хорошимъ* (Г.И. Недетовский (О. Забытый «Отечественные записки», 1880); *И **не помышляй**, понимаешь. Про земное **не помышляй*** (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

- «запрет»: ***Не помышляй** зла на брата своего!* (Жит. прот. Авак. 1672 – 1676); *Воин! **Не помышляй** здесь о ружье, о брани, о победе, не готовь себя к сражению, не готовься на корабль. Не брани здесь место, ибо место, на котором ты стоишь, земля святая* (Н. Клюев. Воин! Не помышляй.... (1912)).

Как показывает материал исследования, дериват *помышлять* актуализирует такие модальные значения, как значения объективной модальности, ситуативной модальности (преимущественно значение «намерение» в его подзначениях «негативное намерение», «положительное намерение», «намерение», маркированное по семантическому фазовому значению «начало действия», а также значение «возможность»), значения прагматической модальности (значение побудительной модальности «запрет», «совет/наставление»).

Отметим, намерение направлено на прямой объект (*помышлял разгадать тайну, не помышлял нарушить обет, помыслил дар Божий получить*) или косвенный (*помышляли смерти, не помышляла о карьере, помыслила податься*

за рубеж). В большинстве случаев намерение является сформированным, уже находящимся в процессе реализации, поэтому выражено формами глагола в прошедшем времени (*не помышляла о карьере консультанта, помышлял выдвинуть свою кандидатуру, помыслило изменить сложившийся статус-кво*). В то же время намерение может быть отнесено к настоящему времени в значении будущего (*помышляет о дивидендах*), а также к плану будущего (*помыслят о ласках*).

В системных условиях дериваты *помыслить – помышлять* реализуют модальные значения в сочетании с инфинитивом лексически неограниченной семантики (*помыслил пойти, помышляет купить*), в сочетании с девербативами (*помыслил о переезде*), а также в автономной позиции (*помышляет о добродетели*). Сферой их модального функционирования в первую очередь является художественная литература, а затем – публицистика.

Глагол *замыслить*

Как показывает материал исследования, дериват *замышлять (замыслить)* является широкоупотребительным в разножанровых текстах НКРЯ. Словари фиксируют следующее его значение:

«1. Задумать сделать что-л. *Давно усталый раб, замыслил я побег В обитель дальнюю трудов и чистых нег.* Пушкин, Пора, мой друг, пора! *Хотя Петров о своём намерении заняться мастерством никому не сказал, товарищи заметили, что он что-то замышляет.* Решетн. Где лучше? [БАС. Т. 6: 364; МАС. Т. 1: 548; НСРЯ. Т. 1: 507]. Таким образом, глагол *замышлять* реализует значение мыслительной деятельности – значение объективной модальности, а также значение «намерение», «план» – значение ситуативной модальности.

Как отмечалось ранее, присоединение префикса *за-* в значении «заблаговременность» к базовому глаголу *мыслить* переводит его в разряд модальных операторов намерения (заблаговременного планирования), фиксируемое словарями в качестве основного значения.

Словарные данные находят подтверждение в разножанровых текстах НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *Согласен, не было б в их болтовне вреда, Когда бы люди все о всем судили сами И не ленились бы своими жить умами, Иль если б родились глупцы без языка, А то, к несчастью, что зависть замышляет, То леность слушает, а глупость разглашает* (С.П. Жихарев. Записки современника (1806-1809)) – указание на факт замысла со стороны зависти. *Всегда трудно узнать, что замышляет Агентство планирования национальной безопасности (корейское ЦРУ) (АиФ, 1988)* – сообщение о факте отсутствия информации о планировании мер безопасности.

Значение «намерение»: *Замышлял я сдѣлать фонтан и пред ним деревянную нишь или полусидѣлку (Зап. Блтв. IV 3); В институте заканчивался ремонт, занятия прекратились, все торчали по домам, и Федя с Климуком замыслили [имели намерение – Ю.Б.] проветриться недельку у моря и подбивали Сережу (Ю.В. Трифионов. Другая жизнь (1975)); И жалеют их, и досаждают на них. Николай, принимая в команду Россию, замыслил [имел намерение – Ю.Б.] многое упорядочить (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)); Он замыслил передать истинную поэзию примитива, поэзию того особенного мышления, «при котором неудивительно, что коровы летают – как на полотнах Шагала» (Коммерсант, 1993).*

Подзначение «негативное намерение»: (Ермоген) сказал другим: «Благословляю вас, если вы действительно хотите добра государству; но если вы ляхи душою, лукавствуете и замышляете [имеете негативное намерение – Ю.Б.] гибель православия, то кляню вас именем церкви» (Н.М. Карамзин. Ист. гос-ва Рос-го (1824-1826)); *Время виновато. Время было такое. И стоит виноватое Время, чешет в затылке и молчит. Какой оборот замысливает [имеет негативное намерение – Ю.Б.] оно сделать в России с людьми, которые снимают с себя преступления, всё перекладывают на него, на Время? («Профессионал», 1998). Оба они знают, что Святополк замыслил*

[имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *их убить, и покорно ждут смерти* (Независимая газета (приложение «Независимое военное обозрение»), 1998). Маркерами отрицательных интенций субъектов высказываний являются такие лексические единицы / словосочетания, как *гибель православия, виноватое Время, убить, ждать смерти*.

Как видим, дериваты *замышлять* – *замыслить* объективируют преимущественно значение «негативное намерение», которое направлено на совершение чего-либо противозаконного и/или аморального (*замышлять крамолу, предательство, цареубийство; замышляет убить* и т.п.). Как показывают текстовые фрагменты, контекстуальное окружение содержит разнообразные пейоративные лексические единицы / словосочетания (*ляхи душою, лукавствовать, гибель, подлый* и т.п.). Зачастую контекстуальная среда перегружена негативными эмоционально-оценочными средствами, используемыми актантом для выражения отношения к ситуации: *Это пламя мятежа и раздоров, которое замышляют приближённые твои бояре, лютые змеи, гнусные гады, питающиеся твоей кровью* (Ф.В. Булгарин. Дм. Самозванец (1830)). В ряде случаев негативное намерение имеет тайный характер: *(он) ...замыслил нанести тайный вред законным владельцам этого дома* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)); На скрытый (негласный) характер намерения указывают лексема *тайный*, словосочетание *нанести тайный вред*.

В редких случаях намерение субъекта ситуации может быть квалифицируемым как положительное.

Подзначение «положительное намерение»: *Теперь же, когда Иоанн, унизив Казань, покорив Новгород и разведавшись с ордою, замышлял* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *об освобождении своего государства от уделизма, стеснявшего его внутри и находившего ему врагов извне* (И.И. Лажечников. Басурман (1838)); *Я ничего не мог понять и только догадывался, что великий мой учитель замышляет* [имеет положительное намерение – **Ю.Б.**] *что-то великое. И я не обманулся в своих догадках* (Т.Г.

Шевченко. Художник (1856)); *Посреди окружавшего его придворного шума и разврата Леонардо замышлял* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *чисто идеальные сюжеты поразительной красоты* (М.М. Филиппов. Леонардо да Винчи. Как художник, учёный и философ (1892)). На положительную квалификацию намерения указывает мелиоративно окрашенный контекст (*замышлял об освобождении своего государства, великий мой учитель замышляет что-то великое, замышлял чисто идеальные сюжеты поразительной красоты*).

В то же время интерпретация намерения субъекта пишущим может иметь дискуссионный характер, что раскрывается на контекстуальном уровне: *Преступного, с формальной точки зрения закона, она ничего не замышляет, но, с точки зрения чистой морали, дело не совсем благовидно!* (М.Н. Волконский. Ищите и найдете (1904). Как видим, в условиях данного контекста квалификация намерения является затруднительной, вызывает неоднозначное понимание.

Также установлены другие значения и подзначения, реализуемые дериватами *замышлять* – *замыслить*.

Подзначение «план»: *Он Васка зачинит побѣгъ замышлял* два годы (Сл. Нерч. И, 1700 г.); *Ненавидя россиян как злодеев её первого мужа, она замышляла* [планировала – **Ю.Б.**] *кровопролитную месть, тайно беседовала с вельможами казанскими о средствах и приступила к делу, возбуждая Магмет-Аминя быть истинным, независимым владельцем* (Н.М. Карамзин. Ист. гос-ва Рос-го (1811-1818); ... *но, веруя и исповедуя, и вознося молитвы, ты возложишь на милосердие Божие все, что бы ты ни делал и что бы ни замышлял* [(что бы ни) планировал – **Ю.Б.**] *и ни начинал, – суета и прелесть* (Ф.И. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи (1866); ...он *после блиц-соития с артисткой замыслил подарить* ей орхидею в пластиковой упаковке, а затем *столкнуть* со злополучного балкона, разом разделившись со всеми своими комплексами (Независимая газета, 1999).

Значение модальности желательности («собственно желание»): *Он издал несколько книг о статистике на русском и на немецком языках, не отличающихся внутренним достоинством и написанных поверхностно, но был человек честный и добрый и никогда **не замыслил** [не имел желания – Ю.Б.] ничего дурного: это требует напряжения и труда, а он любил негу и лень (Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849-1856)). Весь город как будто затаился, замыслил [желал – Ю.Б.] **отдохнуть** или хотя бы вздохнуть свободно, загадал это простое желание и Господь на небесах, особо не раздумывая, это желание выполнил (А. Балдин. Московские праздные дни (1997)).*

В ходе исследования текстового материала, были выявлены интересные примеры, позволяющие дифференцировать разные оттенки значения намерения в рамках одного контекста. Например, градуированность инвариантного значения желательности внутри одного контекста. В данном случае речь идёт о явной дифференциации значений «желание» и «намерение»: *(Паутов) замыслил [имел намерение – Ю.Б.] мне сполна **отомстить**, который ничего, ни одной обиды не забыл и **хочет** меня со всех сторон, как волка, обложить, интригу сплести похитрее (В.Ф. Кормер. Крот истории или революция в республике (1979)). Но не **хотел проливать** кровь Юрий Дмитриевич. А замыслил [имел намерение – Ю.Б.] он **добиваться** победы миром (С.М. Голицын. Сказания о земле Московской (1968-1988)).* Следующий пример показывает различие смысловой составляющей намерения, реализуемого дериватами *замыслить* и *передумать* в пределах одного контекста. *Природа, очевидно, было замыслила **произвести** три картофельных клубня, да **передумала** и слепила из них один – такой был у дяди Саши нос (Э. Лимонов. Подросток Савенко (1982)).* Таким образом, иллюстрируется изначальное намерение природы произвести три картофельных клубня, выраженное дериватом *замыслить* в сочетании с инфинитивом (*замыслила произвести*), а также последующее изменение этого намерения, выраженного посредством деривата *передумать*.

Как показывает материал исследования, намерение субъекта как целенаправленная деятельность всегда направлено на прямой объект (*замыслил картину, замышляет зло, замышляет фокус, замыслил утопить их и т.п.*) или косвенный (*замыслил жениться на подходящей невесте; замыслил мне отомстить*). При этом, намерение относится к плану прошлого: *Он замыслил выразить мировоззрение, проявить ясновидение* (Д. Самойлов. Общий дневник (1999)). В то же время не исключается отнесённость намерения к плану будущего: *Всем, кто пожелает этого и помыслит (сделать) в пределах мига, – шлю я помыслы и пожелания «долгого блага»* (Е.А. Мравинский. Записки на память: дневники (1944)).

В системных условиях дериваты *замышлять – замыслить* выражают значение объективной и ситуативной модальности (значения «желание», «намерение» в его подзначениях) в сочетании как с инфинитивом лексически неограниченной семантики (*замыслил истребить иудеев; замышляет размыть долю*), так и с девербативами (*замышляют создание; замышлял радикальную перемену (образа жизни)*). Кроме того, возможно самостоятельное модальное функционирование (*замыслили небольшую штучку, замыслил камбэк, замышлял закон*).

Сферой модального функционирования исследуемых дериватов является художественная и публицистическая литература. При этом зафиксированы единичные случаи соответствующего употребления в учебно-научной и церковно-богословной сферах.

Глагол *умыслить*

Исследование разножанровых текстов из НКРЯ показывает функционирование дериватов *умышлять – умыслить* в том числе в качестве модальных операторов.

Словари фиксируют следующие значения рассматриваемых глаголов:

«1. *Устар.* Замышлять, задумывать что-л. (обычно предосудительное, дурное, во вред кому-то). *Бедучевич ворчал на Махилова и умышлял что-то*

недоброе и, действительно, когда тот нёсся мимо него, он подставил ногу. Помял. Махилов» [БАС. Т. 16: 646; МАС. Т. 4: 496; НСРЯ. Т. 2: 857].

«2. Что, на кого, посягать, замышлять, задумать вредъ, зло, крамолу. Да сотворите ему (лжесвидетелю), яко же и онъ умысли сотворити противу брата своего. Умышляющий человекъ понуро глядитъ. Строя... козни, онъ умышлялъ на брата своего. – ся быть умымышляему; Умысль, умысль, дейст. по гл. Злое умышление. По умышлению вражью стались крамолы или Умышления или умысел заговорщиковъ открыты. || Умысль, замысль, помысль, обдуманое напередъ дело, намереное [Сл. Даля. Т. 4: 454 – 455]; «2. Замышлять покушение на кого-либо, на чью-либо жизнь. [Борису] Вернитесь к народу, повестите Прощенье всем – не только, кто Меня язвил, но кто виновен делом Передо мной – хотя бы он и умышлял на жизнь мою или моё здоровье! А.К. Толст. Царь Борис» [БАС. Т. 16: 646]. Как показывают словари, рассматриваемые дериваты способны реализовывать модальное значение «(дурной) замысел», являющееся устаревшим (помета *устаревшее*).

Присоединение префикса у- объективирует значение «доведение до нежелательного состояния» и переводит глаголы *умышлять* – *умыслить* преимущественно в плоскость модальности негативного намерения.

Приведённые словарные данные находят подтверждение в разножанровых текстах из НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *И тому ныне с полгода ж он, Кандратей, умыслил, чтоб в Москве мошенничеть и Журавлевой фабрики с суконщиками Иваном Диким на Москве-реке у проезжих мужиков в разные дни крали с возов в мешках овес и муку и крупы и шубы и кавтаны... (Расспрос фабричного К. Федорова сына Безрукова о совершенных им мошенничествах (1741)) – сообщение о факте преступного умысла; Назначенный ответственным за одуванчики один из начальников цехов в бессильной ярости умыслил, как ему казалось, крайнюю меру: набрали бензина, шприцев, и в каждый росток одуванчика делали бензиновую инъекцию («Свободный курс»,*

1997) – указание на факт мыслительной деятельности, направленной на уничтожение одуванчиков.

Значение «намерение»: *Половцы, видя, что силою не взять, умыслили* [имели намерение – **Ю.Б.**] *воду, текущую подле града, перекопать, что с великим трудом и потеряннем многих людей учинили* (В.Н. Татищев. Ист. рос-ая в семи томах. Т. III (1750)); *Казаки говорили: «Великое разорение у нас... Многих похватили, казни ждут. Умышляли* [имели намерение – **Ю.Б.**] *мы всем войскам бежать в Астрабад»* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1934 – 1939); *Нам, господа атаманы, силы свои скоплять надо. Сего ради умыслил я идти* [имел намерение – **Ю.Б.**] *в Каргалу да в Сакмарский казачий городок* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1939 – 1945)).

Подзначение «негативное намерение»: *Такожде когда многие умыслят* [появится негативное намерение – **Ю.Б.**] *к неприятелю перебежать, а действительно того не учинят, оные в некоторых местах живота лишены бывают* (Петр I. Артикул воинский (1715)); ... *сукин ты сын, царем-то умыслил* [имел негативное намерение – **Ю.Б.**] *нарекчи себя* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1939-1945)). Маркерами соответствующего отношения говорящего к намерению субъекта выступает словосочетание *перебежать к неприятелю*, а также устойчивое выражение «сукин сын» в его основном значении: «*Грубо-прост.* 1. Бранное выражение, употребляемое к лицу мужского пола» [Фёдоров 2008]. *Если же Каин умыслит* [появится негативное намерение – **Ю.Б.**] *совершить над ними какое лихоедействие, в обиду не даваться!* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1939–1945)). В контексте содержатся пейоративные лексемы *лихоедействие*, *обида*, указывающие на негативный аспект намерения субъекта ситуации. *Ведомо стало, – заходился Шумок, – что сволочанский князь Всеволод, пыша на нас злобой, вновь умышляет* [имеет негативное намерение – **Ю.Б.**] *навести полки свои на теплыньскую землю, ради чего повелел сложить с варяжской помощью на Мизгирь-озере превеликую пристань для переправы на сей берег* (Е. Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)). Говорящий эксплицитно выражает

негативную оценку к происходящему с помощью словосочетания *пыша на нас злобой*.

Материал исследования показывает, что в редких случаях глаголы *умышлять* – *умыслить* объективируют значение «положительное намерение».

Подзначение «положительное намерение»: *А понеже таковая сила благодарения, мы егда по достоинству благодарити не можем, то поне по приличию да удостоимся и, да яснее силу благодарения уразумевше, всегда благодарити подвизаемся, умыслих* [имели положительное намерение – **Ю.Б.**] *о сем пред вами, С.С. благодарственные пения богу во Троице славимому приносящими, беседовати* (Гавриил (Бужинский). Сл. благодарственное богу... (1720)); *Затем христолюбивый князь повелел народу рубить деревья и очищать место, на котором умыслил* [имел положительное намерение – **Ю.Б.**] *создать град* («Наука и религия», 1991). На положительную квалификацию намерения указывают такие лексические маркеры, как *благодарение, христолюбивый, церковь, святой, создать, строить, созидать*. В семантике лексем *создать, строить, созидать*, эксплицитно выражена мелиоративная семема «появление чего-то нового, полезного, ценного». В содержании лексических единиц *христолюбивый, святой, церковь* явно выражена сема «любовь к Богу», а в словосочетании *благодарственные пения богу* – «благодарность к Богу».

Отметим, что намерение ориентировано на прямой объект (*умыслил испортить руку, умыслил создать град* и т.п.) или косвенный (*умышляли на жизнь Иоанна, умыслит над нею учинить* и т.п.). Намерение является сформированным к моменту речи, поэтому выражено глаголами в форме прошедшего времени (*умыслили отравить, умыслил создать* и т.п.). При этом фиксируются случаи, когда намерение находится в процессе становления и подразумевается перспективу его реализации (*нечто весьма страшное умышляют, умышляет навести полки* и т.п.) или ориентировано на план будущего (*умыслит совершить над ними какое лихое действо* и т.п.). В системных условиях дериваты *умышлять* – *умыслить* способны выступать в

качестве экспликаторов модального значения «намерение» в его подзначениях «негативное/положительное намерение» как в сочетании с инфинитивом лексически неограниченной семантики (*Умыслил Лжедмитрия посадить царем и получить от того себе выгоды* (Е. Богданов. Вьюга (1972)), так и самостоятельно (*Но хватило же у него духу капитану перечить, а сейчас такое умыслил, душа переворачивается – приказ не выполнить*) (В. Кондратьев. Сашка (1979)).

По нашим наблюдениям, употребление устаревших дериватов *умышлять* – *умыслить* в качестве операторов модального значения является менее частотными по сравнению с предыдущими периодами развития русского языка. Как показывает материал исследования, сферой их модального функционирования главным образом является художественная литература, в редких случаях – публицистические и научно-популярные тексты. При этом отмечается активное функционирование соответствующего девербатива *умысел*. Словари фиксируют следующее значение вышеуказанной лексической единицы: «Умысел – заранее обдуманное тайное намерение (преимущественно предосудительное)» [МАС. Т. IV: 496]. Слово *умысел* достаточно широко используется, в том числе в юридической сфере (*Галлион сказал: «Иудеи, если бы была обида или злой умысел, то я бы слушал вас, но когда идет спор об учении, об именах и законе вашем, то разбирайтесь сами, я не хочу быть судьей в этом»* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, (1978)); *В отличие от уголовного законодательства гражданское возлагает обязанность по опровержению ложных сведений не только при наличии умысла виновного, но и при его добросовестном заблуждении* (АиФ, 1983); *Резник же считает, что такие объявления — всего лишь факт нереализованного умысла («голый умысел»)* (Коммерсант, 1992).

3.3. Модальное функционирование глаголов

измыслить, намыслить, примыслить

Также в ходе исследования текстов разной жанровой принадлежности был выявлен ряд периферийных дериватов глагола *мыслить*, способных выражать значения объективной и ситуативной модальности. К их числу относятся дериваты *измышлять* – *измыслить*, *намысливать* – *намыслить*, *примыслять* – *примыслить*. Проиллюстрируем примерами из НКРЯ.

Значение «объективная модальность»: *Робертъ помолчавъ нѣсколько, примысляя какъ бы равно не досадить разбойнику и правдою и лестию* (М.И. Веревкин. История о странствияхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. (1782)) – указание на факт поиска способа не досадить разбойнику. *Да и все остальные «беженцы» грезили баней, говорили только о бане. Все, кто еще мог самостоятельно двигаться, измышляли как поскорей вырваться из этого стонущего, вшивого котла* («Вольное казачество» № 60, 1930)) – указание на факт поиска возможности вырваться из вшивого котла. *И вот на этот случай наготовили специальных аппаратов. Серьезные люди. Кандидаты, доктора. Измышляют, чем бы поразить бедных туземцев* (Д. Гранин. Искатели (1954)) – сообщении о факте поиска способа поразить туземцев.

Значение «намерение»: *Тогда оренбургский губернатор Неплюев, скопив военную силу, измыслил направить народ на народ. Когда башкирцы и киргизы затеяли меж собою распрю, генерал Неплюев этим коварно воспользовался* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1939-1945); *На мою императорскую армию измыслила поднять руку заблудшая жена моя, царица Катерина. Она выслала супротив меня генерала своего, бездельника, немчуру тонконового, Кара. А нуте-ка, детушки, задайте этому Кару жару!* [Там же]; *Нескромно хваляся властью и добродетелию, Борис, равно славолюбивый и хитрый, примыслил еще дать новый блеск своему господству важною церковною новостию* (Н.М. Карамзин. Ист. гос-ва Рос-го

(1821-1823)); *Так вот что, господа офицеры... Мы, божью милостью, **примыслили принять** вас под свою императорскую руку* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1939 – 1945). *Это особый тип покорителя лесов, полей и рек. Бульдозерный. Есть и другой, который после бульдозера **намысливает привезти** землю откуда-нибудь, где даже палки плодоносят* (Г. Щербакова. Кровать Молотова (2001).

Подзачение «негативное намерение»: *Аргион, вельможа пренизкой души и презнатной породы, имевший зверское сердце и скотский разум, **примыслил:** мать Дариеву послать на лютое заточение, жену и дочь отдать в добычу военной черни* (Д.И. Фонвизин. Каллисфен (1788)). Намерения послать на лютое заточение, отдать в добычу военной черни являются антигуманными. На негативную квалификацию данных интенций указывают лексические средства *пренизкая душа, зверское сердце, скотский разум. Нескромно хваляся властью и добродетелию, Борис, равно славлюбивый и хитрый, **примыслил ещё дать** новый блеск своему господству важною церковною новостию* (Н.М. Карамзин. Ист. гос-ва Рос-го (1821-1823)). Намерение Бориса дать новый блеск своему господству квалифицируется как негативное. На соответствующую оценку указывают лексические маркеры *хвалиться, славлюбивый, хитрый*, в семантике которых содержится пейоративный компонент. *Враг **измышлял запереть** русских в лагере* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев (1934-1939)). Намерение запереть кого-либо где-либо имеет негативную направленность, т.к. подразумевает насильственное ограничение свободы, противоречит морально-этическим нормам общества и закону.

Модальность возможности (связанная с семантическим значением «когнитивная способность»): *Да как же... одной державы... только вот разумом-то мы **не измыслим*** (Н.В. Успенский. Обоз (1860)); *вместе все трое **измыслили составить** позитивную декларацию от имени сената, генералитета и разных высоких чинов лиц, как бы вместе изображавших собою цвет русской нации* (Н.И. Костомаров. Рус. ист. в жизнеоп-ях ее главн.

деятелей. (1862-1875)); *Следующим был оскорблен Ахиллес, и вот уже сам громовержец Зевс **измышляет** способ **отомстить** за него* (С.М. Иванов. Утро вечера мудренее (1983)).

Материал исследования показывает, что функционирование вышеперечисленных дериватов является низкочастотным и представлено единичными случаями. Их употребление в функции объективной и ситуативной модальности фиксируется в художественной литературе, а также в текстах литературно-художественной периодики.

Выводы

Как показывает материал исследования, древнерусский глагол *мыслити* и его префиксальные дериваты *възмыслити*, *замышляти* – *замыслити*, *домыслити*, *помышляти* – *помыслити*, *умышляти* – *умыслити*, *смыслити* реализуют преимущественно лексическое значение «мыслительная деятельность». В контексте последнего ими репрезентируются значения объективной, а также ситуативной (главным образом значение «намерение», а также «желание», «стремление», «когнитивная возможность»); прагматической модальности (субъективная модальность, побудительная модальность (значения «запрет», «совет», «наставление»), вопросительной модальности. Частотность употребления глагола *мыслити* в вышеуказанных значениях составляет 40 %, его дериватов – 60 %: *замышляти* – *замыслити* (32 %), *помышляти* – *помыслити* (14,5 %), *умышляти* – *умыслити* (10 %). Другие производные являются малоупотребительными: *домыслити* (2 %), *възмыслити* (1 %), *смыслити* (0,5 %) (см. Приложение 2).

Употребление глагола *мыслити* и его дериватов в первую очередь типично для народно-литературного языка, а также для книжно-славянского.

Применительно к следующему периоду развития русского языка целесообразно говорить о существенной интенсификации модального потенциала глагола *мыслити* и его префиксальных дериватов. При этом зафиксировано расширение состава производных глагола *мыслити*: *умыслити*, *помыслити*, *замыслити*, а также *смыслити*, *возмыслити*, *домышляти*, *обмышляти*, *примыслити*.

Изучение текстового материала позволяет разграничить модальность намерения на две группы. Первую группу объединяет модально-функциональная специфика, определяемая реализацией различных аспектов модального значения намерения, связанных с когнитивной деятельностью: мышление, анализ, сопоставление, выработка/принятие решения, план. В данном случае речь идёт о лексемах *мыслити*, *умыслити*, *замыслити*,

помыслити, смыслити, возмыслити, обмышляти. Вторую группу составляют дериваты, репрезентирующие значение объективной модальности, связанное с отражением в предложении факта мыслительной деятельности субъекта, направленной на поиск нестандартных решений, в том числе в процессе выдумывания/придумывания. К числу таких глаголов относятся глаголы *домышляти, примыслити*.

Анализ текстового материала позволил установить лексико-грамматическую основу модального функционирования глагола *мыслити* и его дериватов. Реализация модальных значений, в том числе значений ситуативной модальности, осуществляется в конструкциях с субъектным инфинитивом преимущественно физического действия. При этом в ряде случаев фиксируется самостоятельное модальное функционирование рассматриваемых лексических единиц.

С точки зрения жанровых особенностей, глагол *мыслити* и его дериваты употребляются в первую очередь в жанрах светской литературы, в публицистической сфере, а также в активно развивающейся официально-деловой коммуникации (область юриспруденции, дипломатических отношений и делопроизводства). При этом случаи модального функционирования глагола *мыслити* составляют 22 %, а его дериватов 78 %. Наиболее частотными экспликаторами модальных значений выступают дериваты *умышляти – умыслити* (27,8 %), *помышляти – помыслити* (26 %), *замышляти – замыслити* (19 %). Частотность употребления дериватов *обмышляти – обмыслити* (3 %), *домышляти – домыслити* (1 %), *смышляти – смыслити* (0,8 %), *възмыслити* (0,2 %), *примышляти – примыслити* (0,2 %) в качестве операторов модальных значений является низкой (см. Приложение 2).

Употребление глагола *мыслити* и его производных в модальной функции в первую очередь типично для народно-литературного языка, а также для книжно-славянского. При этом употребление глагола *мыслити* и его дериватов, выступающих в качестве экспликаторов модального значения,

является более частотным по сравнению с глаголом *думать* (и его производными).

В текстах, относящихся к концу XVII – концу XX вв., глагол *мыслить* и его префиксальные дериваты сохраняют способность модального функционирования. При этом частотность употребления глагола *мыслить* значительно сокращается по сравнению с более ранними эпохами и составляет 7%. Данная лексическая единица реализует значение мыслительной деятельности – значение объективной и ситуативной модальности. В то же время дериваты глагола *мыслить* активно употребляются в качестве операторов различных модальных значений. Частотность их модального функционирования составляет 93 %. Данный показатель является самым высоким за всю историю развития русского языка. Кроме того, в составе дериватов, способных актуализировать различные модальные значения, фиксируются производные *измышлять* – *измыслить*, *намышлять* – *намыслить*, ранее не фиксируемые в соответствующей функции.

При этом дериваты *помышлять* – *помыслить* занимают доминирующее положение среди производных глагола *мыслить*. Частотность их соответствующего употребления составляет 36 %. Вторым по частотности экспликатором модального значения выступают производные *замышлять* – *замыслить* (31 %). Также продолжают своё модальное функционирование дериваты *умышлять* – *умыслить* (22 %). К периферийным модальным операторам следует отнести дериваты *измышлять* – *измыслить*, *примышлять* – *примыслить*, *намышлять* – *намыслить*. Частотность их употребления в модальном значении составляет 4 %: *измышлять* – *измыслить* (2,7 %), *примышлять* – *примыслить* (1 %), *намышлять* – *намыслить* (0,3 %) (см. Приложение 2).

В системном аспекте модальное функционирование осуществляется в условиях сочетаемости глаголов мышления с инфинитивом лексически неограниченной семантики. При этом не исключается автономная

синтаксическая способность префиксальных дериватов выполнять функцию экспликаторов модальности.

Сферой соответствующего функционирования глагола *мыслить* и его дериватов является главным образом публицистическая и художественная литература. Отмечается сужение модального функционирования рассматриваемых лексических единиц до разговорной, просторечной, разговорно-сниженной сфер коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в настоящей работе исследование позволяет сделать следующие выводы и наблюдения.

Модальность представляет собой стержнеобразующую семантическую категорию, устанавливающую связь содержания высказывания с внеязыковой действительностью и определяющую его коммуникативный потенциал. В соответствии с подходом, разработанным в рамках калининградской модальной школы, базовыми конституентами, формирующими структуру данной категории, являются пропозициональный (в состав которого входят значения объективной и ситуативной модальности) и прагматический (включающий значения вопросительной, побудительной и субъективной модальности) модальные пласты.

Для настоящей работы одним из центральных элементов рассматриваемой категории является ситуативная модальность. В ее состав исследователи традиционно включают модальные значения возможности, желательности и необходимости. При этом особое место в нашем исследовании занимает модальность намерения, обычно рассматриваемая как вариантное значение желательности. Изучение языкового материала позволяет заключить, что модальность намерения представляет собой самостоятельное модальное значение, формирующееся на стыке микрополей возможности, желательности и необходимости. Прагмакоммуникативная и семантическая специфика данного модального компонента определяются контекстом его употребления в тех или иных речевых ситуациях, при этом в содержательной структуре модальности намерения можно выделить ряд подзначений, связанных с категориями фазовости, оценочности и т. д.

Функциональная роль глаголов, входящих в ЛСГ мышления, состоит в объективации комплексного значения мыслительного процесса (когнитивного и деятельностного), неразрывно связанного и интегрированного с речью. В условиях реализации модальных значений, анализируемые глаголы можно

квалифицировать как несобственно модальные операторы, способные эксплицировать значения пропозициональной и прагматической модальности. Базовыми для рассматриваемой лексико-семантической группы мышления являются глаголы *думать* и *мыслить*, а также их многочисленные перфиксальные дериваты.

Как показывает проанализированный материал, вышеуказанные глаголы на протяжении всего времени функционирования в русском языке выполняют следующие модальные функции:

- репрезентация конститuentов ситуативной модальности: намерения (и его подзначений: «план», «положительное/негативное намерение», «намерение, маркированное по фазовому признаку (начало, продолжение, окончание действия)», «намерение, маркированное по признаку совместности», «намерение, маркированное по признаку желательности/необходимости», желательности (в рамках подзначений «собственно желание», «стремление»), реже – возможности (в значении «способность»);

- участие в формировании объективно-модальной основы высказывания;

- репрезентация значений субъективной модальности (за счет реализации данными глаголами пропозиции «мнение», «полагание»);

- репрезентация значения побудительной модальности (ее подзначений «запрет», «совет», «наставление»).

Анализ разножанровых текстов показал, что употребление глаголов *думать* и *мыслить* (а также их префиксальных дериватов) в качестве экспликаторов вышеуказанных модальных значений является типичным для текстов следующей жанрово-стилистической принадлежности:

- 1) период XI – середины XIV вв.: летопись, повесть, рассказ, история, сказание, деяние (народно-литературный тип языка); жития, хождения, поучительные слова, минеи (книжно-литературный тип языка);

- 2) период конца XIV – середины XVII вв.:

- тексты летописно-хроникального стиля (жанр летописи);

- тексты газетно-публицистического стиля (газета «Вести-Куранты»);
- тексты официально-делового стиля (грамота, отписка, приказ), в том числе тексты дипломатического характера (Посольская книга);
- тексты политической направленности (книга «О причинах гибели царств»);
- тексты религиозной литературы (житие, минеи и др.);

3) период с конца XVII до конца XX вв.: публицистика, художественная литература, разговорная, просторечная, разговорно-сниженная коммуникация.

Системным грамматическим условием реализации модального потенциала исследуемых глаголов является их употребление в составе инфинитивных конструкций. Способность глаголов мышления выполнять функцию модальных экспликаторов в условиях синтаксической автономности наблюдается у отдельных глаголов в конкретных речевых ситуациях, относящихся к повседневной коммуникации.

При этом определенные различия обнаруживаются в динамике развития глаголов *думать* и *мыслить* (и их разнообразных вариаций) в контексте их речевого употребления в качестве экспликаторов категории модальности. В ходе своего развития в русском языке глагол *думать* и его дериваты демонстрируют тенденцию к устойчивому росту модального потенциала: от периода к периоду кратно возрастает частотность их соответствующего функционирования (см. Приложение 2), расширяется диапазон репрезентируемых ими модальных значений (увеличивается число подзначений модальности намерения и особенно модальности побуждения – от единичных случаев в древнерусский период до высокочастотного словоупотребления на более позднем этапе развития русского языка (кон. XVII – кон. XX вв.)). Это обусловлено как широкой употребительностью части «исконных» дериватов глагола *думать* (*придумать, задумать* и т.д.), так и значительным увеличением числа его вариаций: *выдумать, раздумать, надумать, передумать, подумывать, отдумать*.

В случае глаголов *мыслить* и его дериватов ситуация несколько иная. На ранних этапах развития русского языка именно этот глагол в различных формах (*замышлять* – *замыслити*, *помышляти* – *помыслити*, *умышляти* – *умыслити*, *домышляти* – *домыслити*, *взмыслити*, *смышляти* – *смыслити*) характеризовался наибольшей частотностью. В старорусский период перечень дериватов, способных выступать в качестве модальных экспликаторов, расширяется: так, например, в разножанровых текстах указанной временной отнесенности фиксируются дериваты *возмыслити*, *обмышляти* – *обмыслити*, *примышляти* – *примыслити*. Однако русском языке в период с конца XVII до конца XX вв. глагол *мыслить* и его вариации становятся менее употребительными (нами зафиксированы единичные случаи использования дериватов *измышлять* – *измыслить*, *примышлять* – *примыслить* и т.д.), значительная часть рассматриваемых глаголов переходит в разряд устаревшей лексики (например, *измыслить*) (см. Приложение 2). Наиболее высокую витальность при этом демонстрируют дериваты *помышлять* – *помыслить*, *замышлять* – *замыслить*. Сказанное закономерно обуславливает снижение участия рассматриваемых глаголов в формировании модального рисунка современных текстов.

В ходе нашего исследования было установлено влияние префиксов на семантику вышерассмотренных глаголов мышления, что в ряде случаев обуславливает и определенную модификацию их модального значения. Так, префикс *за-* вносит в содержательный план данных лексем смысловой оттенок предварительности, запланированности, что детерминирует и изменение его модальной окраски: значение модальности намерения в этом случае может трансформироваться в ее подзначение «план»; префикс *у-* способствует возникновению негативно-оценочной маркированности описываемого глаголом планируемого действия (*удумать*, *умыслить зло*).

Таким образом, проведенное в настоящей работе исследование позволяет по-новому взглянуть на модальный потенциал глаголов мышления, состав и иерархию их значений, расширить представления об их участии в

отражении авторских интенций в разножанровых текстах. Описанные в настоящей работе наблюдения и выводы способствуют не только расширению теоретических границ вопроса о роли и специфике реализации в русском языке глаголов рассматриваемой лексико-семантической группы, но и дальнейшему изучению категории модальности в целом.

Выполненный нами анализ отнюдь не исчерпывает всех проблем изучения глаголов лексико-семантической группы мышления, выступающих в роли модальных экспликаторов в текстах древнерусского, старорусского и русского языка (кон. XVII – кон. XX вв.), но, как представляется, открывает перспективы дальнейших исследований. Их объектом могут стать особенности взаимоотношения ситуативной модальности с другими функционально-семантическими категориями (например, персональности, оценочности, темпоральности и др.), что даст возможность более глубоко проникнуть в структурно-содержательную природу языковой модальности как функционально-семантической категории. Выявленные в работе особенности диахронического эволюционирования глаголов мышления как несобственно модальных экспликаторов могут получить дальнейшее осмысление с точки зрения когнитивной семантики, что позволит осознать глубинные механизмы взаимосвязи интеллектуальной и интенциональной областей человеческого сознания. Наконец, интересной перспективой представляется дополнение собственно лингвистического анализа экстралингвистическими факторами, что, несомненно, обогатит избранный в работе ракурс описанием исторической детерминированности лексико-семантических изменений, происходящих в русском языке в процессе его эволюции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретическая литература

1. Абдуллаев Р.Ф. Ситуативная модальность как важный элемент гендерно конструированной речи // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. – № 15 (10). – С. 1494–1499.
2. Абдуллаев Р.Ф. Особенности гендерной репрезентации средств субъективной модальности (на материале российских паббликов): дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2025. – 207 с.
3. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в русском языке. – Прага, 1978. – 160 с.
4. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247 с.
5. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 2003. – 36 с.
6. Алтабаева Е.В. Концептуальные основания и системная организация категории оптативности в русском языке. – Мичуринск: МГПИ, 2007. – 191 с.
7. Алтабаева Е.В. Оптативность в русском языке: комплексное описание: моногр. – 2-е изд. – М.: МГПИ, 2024. – 200 с.
8. Анисимов Д.Г. Слово «чтобы» в системе средств категории оптативности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 23 с.
9. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
10. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–249.
11. Арутюнова Н.Д. *Полагать* и *видеть* (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 8–25.
12. Бабенко Л.Г. Функционально-семантический класс глаголов эмоциональной деятельности // Лексико-семантические группы современного

русского языка: Сб. науч. тр. / (Редкол.: Ю.В. Фоменко (отв. ред.) и др.). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1985. – С. 41–48.

13. Бавула Ю.И., Ваулина С.С. Реализация модального потенциала древнерусских глаголов мышления в современном русском языке // Экология языка и речи: Материалы X Международной научной конференции, Тамбов, 08–09 декабря 2022 года / Науч. редактор А.Л. Шарандин, отв. за выпуск Т.А. Дьякова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 35–39.

14. Бавула Ю.И. Модальная специфика глаголов мышления *думать*, *мыслить* с префиксом *у-* // Филология: научные исследования – 2024. – № 4. – С. 115–125.

15. Бавула Ю.И. Модальная специфика глагола мышления *думать* с префиксом *за-* (на материале словарей) // Русский язык в современном мире: сборник статей по итогам научно-практической конференции / под редакцией В.Н. Селедцовой, Н.В. Бубновой. – Смоленск: ВА ВПВО, 2025. – С. 18–21.

16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 44 с.

17. Барецкая А.Е. Модальность сложных предложений с отношениями обусловленности в древнерусском языке XI–XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2002. – 174 с.

18. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 180 с.

19. Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1988. – 87 с.

20. Беляева Е.И. Возможность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 126–142.

21. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1977. – 23 с.

22. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука. 1971. – 114 с.
23. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 20 – 35.
24. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 207 с.
25. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.
26. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
27. Бондарко А.В. Реальность / нереальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 72 – 78.
28. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. – М.: Наука, 2001. – Т. 1. – С. 4–13.
29. Бородина Н.А. Синтаксическая реализация концепта «мыслительная деятельность» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2010. – 23 с.
30. Буйленко И.В. Лексико-семантические объединения слов // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 5 (19). (Волгоград) Декабрь 2012. [Электронный ресурс]. – URL: www.grani.vspu.ru. (дата обращения: 21.10.2025).
31. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Отв. ред. О.Н. Селиверстова. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.
32. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 33–54.

33. Бутвин Н.Н. Описание русских глаголов с общим значением «хотеть» (с некоторыми параллелями в чешском языке) на основе принципа развития действия: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 301 с.
34. Быстрова Л.В., Капатрук Н.Д., Левицкий В.В. К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов // Филологические науки – 1980. – № 6. – С. 75–78.
35. Бяковская Н.Г. Глаголы мысли в русском языке и их концептуально-семантические особенности // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 3 (29). – С. 35–43.
36. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языкового знака. – М.: Наука, 2002. – 308 с.
37. Васильев Л.М. Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения): дис. ... д-ра. филол. наук. – Ленинград, 1970. – 475 с.
38. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
39. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
40. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
41. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сборник избранных статей. – Уфа: БашГУ, 2006. – 520 с.
42. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 143 с.
43. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке: (XI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Ленинград, 1991. – 38 с.

44. Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект): учебное пособие. – Калининград, 1993. – 71 с.

45. Ваулина С.С. К вопросу о структурно-содержательной природе модальности (от модальности предложения к модальности текста) // Вестник Калининградского государственного университета – 2004. – Вып. 1. – С. 14–19.

46. Ваулина С.С. Новые подходы к изучению русского глагола // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы 2-й Междунар. науч. конф. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 674–679.

47. Ваулина С.С. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия: сборник научных трудов / под ред. И.Ю. Куксы. – Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2010. – С. 25–34.

48. Ваулина С.С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2013. – Вып. 8: Филологические науки. – С. 7–12.

49. Ваулина С.С. Введение // Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография / С.С. Ваулина, И.Ю. Кукса, Н.А. Пробст и др.; под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – С. 3–6.

50. Ваулина С.С. Многообразие терминологических определений модальности – коммуникативная проблема? Модальность. Коммуникация. Текст // Сборник научных трудов международной научной конференции. – Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2021. – С. 4–12.

51. Ваулина С.С., Трофимова И.А. Текстовая функция модальной лексики (на материале прозаических произведений Чехова) // Acta Polono-Rutenica XI. Olsztyn. – 2006. – p. 353 – 361.

52. Везирова Л.О. Синонимия глаголов мышления в русском и азербайджанском языках // Ученые записки таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия филология. Социальные коммуникации. – 2009. – Том 22 (61). – № 3. – С. 67–70.

53. Вепрева И.Т., Гоголина Н.А., Жданова О.П. Типы внутренней организации глагольных ЛСГ // Проблемы глагольной семантики: сб. науч. тр. (Редкол.: Э.В. Кузнецова (отв. ред.) и др.). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984. – С. 4–17.

54. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 143 с.

55. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Изд-во Наука, 1975. – С. 53–87.

56. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография // Избранные труды / отв. ред. В.Г. Костомаров. – М.: Наука, 1977. – 312.

57. Виноградов В.В. История русского литературного языка // Избранные труды / [отв. ред., сост., авт. вступ. ст. и коммент. д-р. филол. наук. Н.И. Толстой; АН СССР, отд-ние лит. и яз.]. – М.: Наука, 1978. – 320 с.

58. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове): уч. пос. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – М.: Высшая школа, 1986. – Изд-е 3, испр. – 639 с.

59. Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк. Серия: Лингвистическое наследие XX века. – 2006. – Изд-е 3. – 200 с.

60. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 1985. – 228 с.

61. Воркачёв С.Г. Интеллектуальная оценка и эмоции в коммуникативной структуре высказывания. – Известия ВГПУ, 2017. – № 4 (117). – С. 83–87.

62. Вэньцзе В. Модально-коммуникативная функция союзов в сложноподчиненных предложениях с отношениями каузальности: дис. ...канд. филол. наук. – Калининград, 2023. – 191 с.

63. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – Москва: Международные отношения, 1977. – 264 с.

64. Гак В.Г. Пространство мысли: (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 22–40.

65. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

66. Гатина Р.Г. Модальность возможности и невозможности и средства её выражения: на материале башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 175 с.

67. Гехтляр С.Я. О микрополе инфинитива в функционально-семантической категории модальности. В кн.: Семантика языковых единиц. Программа и содержание научных докладов XXV научно-метод. конф. – Ленинград, 1975. – С. 25–30.

68. Гехтляр С.Я. Модальность, персональность, темпоральность как потенциальные грамматические семы инфинитива // Русский инфинитив: категориальная характеристика, функционирование. – СПб., Брянск: Изд-во РГПУ, 1996. С. 104–164.

69. Гибатова Г.Ф. Мир мысли в русских предикатах // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – № 124. С. 182–192.

70. Гибатова Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Уфа, 2011. – 43 с.

71. Глинка Е.В. Система глаголов восприятия, мышления и говорения: на материале исторических словарей русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Брянск, 2003. – 262 с.

72. Горшков А.И. История русского литературного языка. М.: Высш. школа, 1969. – 366 с.

73. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – М.: Высш. школа, 1984. – 319 с.
74. Гребенкина И.И. Проблема многозначности в сфере модальности: на материале английского модального глагола *should*: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 169 с.
75. Грелл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии 1956–1974: сб. ст. – М., 1978. – С. 277–301.
76. Грива О.В. Модально-волеитивные модификации предложений с именным сказуемым: автореф. ...канд. филол. наук. – Архангельск, 2020. – 24 с.
77. Гридасова А.В., Гринько М.А. Когнитивные глаголы в лексико-семантической системе английского языка: история и перспективы исследования // Филология. Гуманитарные науки. – 2023. – № 7 – 2 июль. – С. 116–119.
78. Грушинская М.А. Понятие лексико-семантической группы и типология сем // Молодой учёный. – 2025. – № 33 (584). – С. 156–158.
79. Гуднов Р.Н. Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке (функционально-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 162 с.
80. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: пер с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гульги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
81. Даниилиду Н. Методика обучения средствам выражения «возможности» в практическом курсе русского языка на занятиях со студентами – нефилологами: дис ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 23 с.
82. Демидова И.А. Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках (на материале газет): дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2005. – 198 с.

83. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980. – 253 с.
84. Дмитриовская М.А. Глаголы знания и мнения (значение и употребление): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 193 с.
85. Дмитриовская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. – М.: Индрик, 2003. С. 47–56.
86. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.
87. Егина Е.Н. Семантические изменения древнерусских глаголов мышления в процессе словообразования: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1996. – 280 с.
88. Егорова О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2017. – 21 с.
89. Жучжэнь В. Частица «бы» с противительными отношениями, выраженными союзом «но» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 3. – С. 197–201.
90. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: Исследования по социолингвистике и лингвокультурологии. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013. – 232 с.
91. Загоровская О.В. Этапы развития русского языка в новейший период его истории (рубеж XX–XXI веков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 4 (39). – С. 16–22.
92. Загородская Е.А. Модальное значение необходимости и средства его выражения: на материале современного французского языка: дис. ...канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 96 с.
93. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория: на материале башкирского языка. – Саратов: Саратовский

университет, 1986. – 123 с.

94. Зализняк А.А. Языковая картина мира [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvisti (дата обращения 24.12.2024).

95. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. – М.: Языки славянских культур. *Studia philologica*), 2006. – 672 с.

96. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1997. – 243 с.

97. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. – М.: Либроком, 2010. – Изд-е. 2, доп. – 213 с.

98. Зенин И.А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности. Избранные труды. – М.: 2005. – 528 с.

99. Зиневич Н.В., Попадина Ж.П., Корсакова Г.Г. Лексико-грамматические средства выражения значения возможности в научном тексте (на материале русского и английского языков) // Экономика и социум. – 2017. – № 5-2 (36). С. 661 – 668.

100. Зиновьева Е.И. Понятие «поля» в лингвометодических исследованиях // XXXII международная филологическая конференция: Сборник. Вып. 15: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н.А. Любимова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – С. 108–112.

101. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. – 1962. – № 4. – С. 65–79.

102. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 349 с.

103. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Изд-во Наука, 1982. – 386 с.

104. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидоров М.Ю. Коммуникативная грамматика / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. – М.: Ин-т рус. яз. РАН

им. В.В. Виноградова, 2004. – 540 с.

105. Зоммерфельдт К.Э., Штарке Г. Введение в грамматику современного немецкого языка. – Лейпциг: Библиографический институт ВЭБ, 1988. – 327 с.

106. Зюкова Е.В. Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации (на материале английского языка): автореф. ...канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 20 с.

107. Идзинская И.Н. Глаголы мыслительной деятельности во французском и русском языках: Сопоставление планов содержания и планов выражения: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2001. – 217 с.

108. Кадоло Т.А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 189 с.

109. Каныгина Н.В. Историко-этимологический анализ глаголов лексико-семантического поля интеллектуальной деятельности в русском языке // Лингвистика. – 2012. – С. 83–92.

110. Капрэ Е.Н. Субъективная модальность в древнерусских и старорусских житийных текстах: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2011. – 195 с.

111. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

112. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Ленинград: Наука, 1972. – 213 с.

113. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. – 384 с.

114. Когалёнок Я.Е., Яцко Т.С. Способы выражения модальности в структуре рассуждения в научном тексте // Символ науки. – 2021. – № 4. – С. 87 – 91.

115. Кодухов В.И. Введение в языкознание: учеб. для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.

116. Коковина Л.В. Модальные значения уверенности – неуверенности в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводах на английский язык:

функционально-семантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2013. – 23 с.

117. Колесникова Е.И. Формирование и функционирование лексико-семантического поля «Социальная политика» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2025. – 350 с.

118. Колобкова Л.В. Средства выражения модального значения волеизъявления в русском языке XVII – начала XVIII веков: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1995. – 176 с.

119. Колосова М.В. Средства выражения модального значения желательности в английском языке // Преподаватель XXI века. – 2011. – № 3. – С. 294–299.

120. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 94–98.

121. Колшанский Г.В. Паралингвистика / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 81 с.

122. Кондратенко Л.И. Глаголы интеллектуальной деятельности (на материале прозы И.С. Тургенева): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 20 с.

123. Корди Е.Е. О значениях модальной конструкции с глаголом *de faire* в связи с лексическими характеристиками ее членов // Взаимодействие лексики и грамматики: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1982.

124. Корди Е.Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград: Наука, 1990. – 171 с.

125. Коршунова Л.С. Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области: дис. ... канд. филол. наук. – Арзамас, 2002. – 367 с.

126. Косова В.А. Семантическая категоризация лексикона: совмещение методов лексикологии и словообразования // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 3. – С. 248–256.

127. Костицина Р.В. К вопросу о классификации глагольных предикатов // Известия государственного Волгоградского педагогического университета. – 2019. – № 4 (137). – С. 119–125.

128. Костицина Р.В. Новый проект семантической классификации глагольной лексики русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. Вып. 8. – С. 2592–2599.

129. Костюченко В.Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2018. – № 3. – С. 71–82.

130. Кочеткова О.Л. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII– начала XVIII веков: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 1998. – 170 с.

131. Красовская Н.А. Тульские говоры и особенности изучения диалектной лексики. – Тула: Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2012. – 144 с.

132. Красовская Н.А. Диалектные глаголы, относящиеся к сфере человека, в произведениях Л.Н. Толстого // Вестник ВятГУ. – 2012. – № 2. – С. 56–58.

133. Красовская Н.А. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов: на материале тульских говоров: дис. ... д-ра. филол. наук. – Курск, 2013. – 574 с.

134. Кузнецова Э.В. Части речи и лексико-семантические группы слов // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 78–86.

135. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982. – 152 с.

136. Кузнецова Э.В. Два типа глагольных значений // Семантика и системность языковых единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1985. – С. 27–37.

137. Кузнецова Э.В. Введение // Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 176 с.
138. Кукса И.Ю. Средства выражения побудительной модальности в русском языке XI–XIV веков: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1997. – 160 с.
139. Кукса И.Ю. Матричный подход как способ выражения динамики научных представлений о языковой модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 140–150.
140. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Изд-во Прогресс, 1978. – 543 с.
141. Лебедева Н.Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 192 с.
142. Левин В.Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1964. – 246 с.
143. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке: учеб. пособие по спецкурсу для филол. фак. пед. ин-тов. – М.: Высш. школа, 1976. – 143 с.
144. Лекант П.А. Современный русский язык: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология». – Изд. 4-е, стер. – М.: Дрофа, 2007. – 557 с.
145. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. Современный русский язык: учеб. для студ. вуз., обуч. по специальности «Филология» / под ред. П.А. Леканта. Серия: Бакалавр. Академический курс. – Изд. 5, стереотип. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 493 с.
146. Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления: на материале фразеологических единиц: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2010. – 41 с.

147. Лихачёв Д.С. Литература времени национального подъёма. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. – СПб: Наука, 1997. – Т. 6: XIV– середина XV века. – 1999. – 583 с.
148. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. – Воронеж, 1977. – 51 с.
149. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: Издательство МГУ, 1972. – 200 с.
150. Лопатюк М.В. Ситуативная модальность в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе (функционально-семантический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2009. – 199 с.
151. Лосева И.Э. Языковые средства выражения модальности желательности в лирике Иосифа Бродского: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2026. – 195 с.
152. Ляпон М.В. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений Курбского): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 429 с.
153. Магдалинская Е.Н. Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура: на материале современных русского и польского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2015. – 22 с.
154. Макарова Н.П. Диалог. Категория модальности. – Саранск: Изд-во Саранского ун-та, 1989. – 87 с.
155. Мерзлякова Н.П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 175 с.
156. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. – 279 с.
157. Милых М.К. Прямая речь в художественной прозе. – Ростов-на-Дону: Рост. кн. изд-во, 1958. – 240 с.

158. Морослин П.В. Семантическая структура глаголов мышления и их функция в тексте (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 210 с.
159. Мразек Р. Синтаксис русского творительного [Текст]: (структурно-сравнительное исследование). – Praha: Státní pedagogické nakl., 1964. – 285 с.
160. Мразек Р. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания. – М., 1973. – 224 с.
161. Мусаев Э.Х. Принципы семантической классификации глаголов // Вопросы науки и образования. – 2023. – № 5. – С. 23–26.
162. Небыкова С.И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости // Филологические науки. – 1973. – № 3. – 85 с.
163. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / отв. ред. В.В. Казмин; Кубанский гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. – 187 с.
164. Немов Р.С. Общая психология. Введение в психологию: учебник, 6-е изд., перераб. и доп. Серия: Магистр. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. Т. 1. – 726 с.
165. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 165 с.
166. Никандрова И.А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3 – С. 17–21.
167. Николаева Т.М. Нерешенные проблемы истории русского литературного языка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – № 6. – С. 266–267.
168. Ничман З.В. К вопросу об определении границ групп глаголов устной речи / говорения в современном русском языке: Сб. науч. тр. // Новосибирский гос. пед. инс-т. – 1977. – Вып. 137. Проблемы русской лексикологии. – С. 31–41.

169. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 2. – С. 7–17.
170. Новоженова З.Л. Модальность как фактор поля глагольного предложения // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Сб. науч. тр. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 308–319.
171. Озолина К.Н. Модальные глаголы в современном русском языке // Современные проблемы русского языка и методика его преподавания в вузе и школе. – Саратов, 1972. – 462 с.
172. Омельченко С.Р. Глагольная репрезентация языковой ментальности // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 192–203.
173. Опарина А.В. Специфика проявления авторской модальности в списках «Повести временных лет»: лексико-грамматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 162 с.
174. Орлова Н.Н. Модальное имя с семантикой желательности в системе средств категории оптативности: автореф. канд. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 25 с.
175. Островерхая И.В. Средства выражения модального значения возможности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2004. – 24 с.
176. Павленко В.Г. Когнитивно-семантические и структурные свойства лексических единиц мыслительной деятельности в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2013. – 211 с.
177. Павловская Н.Ю. Модальность достоверности: лингвистический статус, когнитивный подход в изучении // Когнитивная семантика: материалы второй школы семинара. – Тамбов, 2000. – С. 75–78.
178. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Яз. славян. культуры, (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова), 2004. – 607 с.
179. Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 3–20.

180. Падучева Е.В. Модальность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть 1. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 448 с.
181. Подручная Л.В. Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора: функционально-семантический анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2010. – 207 с.
182. Православный портал «Азбука веры». Азбука.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru>. (дата обращения 14.04.2025).
183. Пак Г.А. К вопросу о принципах выделения глаголов речи: сб. научных трудов // Новосибирский гос. пед. инст-т. – 1975. – Вып. ИИ А. – С. 27–37.
184. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления // АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1971. – 230 с.
185. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения. – М.: Наука, 1977. – 204 с.
186. Пелих Е.А. Структура лексико-семантического поля желания (на материале русского, украинского, английского языков): дис. ...канд. филол. наук. – Саратов, 1984. – 215 с.
187. Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке // Studia Slavica. Budapest. – 1970. – № 3–4. – С. 219–237.
188. Петров Н.Е. О содержании и объёме языковой модальности. – Новосибирск: Наука, 1982. – 161 с.
189. Петрова Н.Ю., Данилова Е.А. Средства выражения желательности как одного из значений объективной модальности простого предложения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 28. – С. 47–50.
190. Петрухин П.В., Сичинава Д.В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: сборник статей к 60-летию В.М. Живова. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 193–215.
191. Пименова М.В. Семантико-синтаксический аспект ментальных глаголов (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995. – 207 с.

192. Плу́нган В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. – М., 2001. – С. 50–88.

193. Пляскина М.В. Модальные слова категории достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001. – 18 с.

194. Подручная Л.В. Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора: функционально-семантический анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2010. – 207 с.

195. Попова В.П. Средства выражения модального значения «волеизъявления» в английском и русском языках: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2000. – 148 с.

196. Пробст Н.А. Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2014. – 214 с.

197. Прокопенко А.В. Семантико-синтаксическая организация предложений с пропозициональными глаголами знания, полагания и воображения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1999. – 144 с.

198. Прокофьева И.В. Модальность как выражение концепции автора: на англо-русских материалах бюллетеня МКАО: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1990. – 25 с.

199. Рахматова С.А. Структурно-семантические особенности глаголов мышления таджикского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Худжанд, 2004. – 183 с.

200. Реверчук И.В. Психофизиология и патопсихология мышления: учеб. пособие. – Ижевск, 2016. – 56 с.

201. Рогов Е.И. Общая психология: Курс лекций для первой ступени О–8 педагогического образования. – М.: Изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 448 с.

202. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 295 с.

203. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.
204. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Серия: Мастера психологии. – Издательство Питер, 2002. – 720 с.
205. Руденко Е.Н. Семантическая система глаголов когнитивной деятельности (на материале белорусского языка): автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – Минск, 2000. – 39 с.
206. Рудник Э.Я. Модальные глаголы и предикативы как имена модальных отношений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1977. – 211 с.
207. Русская грамматика. В 2 т. – Т. 1–2. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980.
208. Русская корпусная грамматика. Проект корпусного описания русской грамматики. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 15.03.2024).
209. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 639 с.
210. Рядчикова Е.Н., Тхакушинова Ж.Б. Динамика научного подхода к мышлению и к ментальному пространству языка // Материалы Международной науч. конф. «Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике» (26-27 мая 2017). – Астрахань, 2017 (б). – 75 с.
211. Сабанеева М.К. Логическая и лингвистическая сущность модальности высказываний // Проблемы комплексного анализа языка и речи. – Ленинград, 1982. – С. 71–75.
212. Саккини М. Приставка *в(ь)з-*: семантика и аспектуальность (на материале Задонщины) // Вестник СамГУ. – 2015. – № 1 (123). – С. 39–48.
213. Сатина Т.В. Модальность как универсальная категория семантики // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 1. – С. 46–51.

214. Селиванов В.В. Мыслительные процессы в функциональной структуре интеллекта // Экспериментальная психология. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 67–78.
215. Серганова Д.А. Побуждение как средство выражения авторской модальности в памятниках древнерусской и старорусской письменности: дис. канд. ... филол. наук. – Калининград, 2025. – 181 с.
216. Сильницкий Г.Г. Семантическая структура глагольных значений // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1986. – С. 3–16.
217. Сильницкий Г.Г. Система семантических классов английских глаголов / Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов и валентностных признаков в английском, немецком, французском и русском языках. – Смоленск, 1973. – Вып. 1. – С. 18–32.
218. Сичинава Д.В. Частица было: порядок слов, семантика и информационная структура предложения. Rhema. Рема. – 2018. – № 1. – С. 82–101.
219. Скворецкая Е.В. Видовая специфика глаголов интеллектуального действия в русском языке (лексико-семантический класс и морфологическая категория) // Лексико-семантические группы современного русского языка. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. пед. инст-та, 1985. – С. 112–121.
220. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – М., 1980. – 182 с.
221. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. Изд. 2-е, испр. – М.: Русский язык, 1990. – 174 с.
222. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М.: Наука, 1984. – С. 173–186.
223. Старовойтова Н.В. Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII – первой четверти XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2006. – 195 с.

224. Стаценко В.И. Функционально-коммуникативный потенциал глаголов понимания и уточнения в русском и английском языках: прагматический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2005. – 38 с.
225. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1985. – 169 с.
226. Стойнова Н.М. Комплетивный префикс (*до-*) [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 04.11.2024).
227. Стойнова Н.М. Рефактивный префикс (*пере-*) [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
228. Суворова Н.А. Фразеологизмы как экспликатеры модального значения возможности в русском языке второй половины XVII – начала XVIII веков: на материале памятников деловой письменности: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2001. – 178 с.
229. Терре Д.А. Языковые выражения с модальными лексемами *необходимо, нужно, должен / must, ought to, have to*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 16 с.
230. Ткаченко А.И. Textoобразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе: на материале новостных заметок и аналитических статей: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2011. – 220 с.
231. Толстая О.А. Функционально-семантические особенности ситуативной модальности в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» и его польском переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Калининград, 2013. – 23 с.
232. Тропинина Н.П. Лексико-семантические связи групп глагольной лексики: на материале глаголов интеллектуальной деятельности: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 223 с.
233. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.

234. Урманчеева И.С. Компонентный анализ и методика его проведения на занятиях по лексикологии в вузе // Человек. Культура. Образование. – 2023. № 4. – С. 183–199.
235. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Знания, 1968. – 234.
236. Федотова Е.Е. Языковая репрезентация когнитивно-ментальной сферы «Мыслительная активность» в произведениях Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2017. – 26 с.
237. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследвания в чест акад. Стефан Младенов. – София, 1967. – С. 527–538.
238. Филин Ф.П. О новом толковом словаре русского языка // История советского языкознания. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 255–260.
239. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. – 1982. – № 8. – С. 227–239.
240. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. – М., 1993. – С. 229–239.
241. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. Избранные труды: к 100-летию со дня рождения. – М., 2008. – 416 с.
242. Филипповская И.А. Модальность предложения. – Душанбе, 1978. – 51 с.
243. Филкова П.Д. История русского литературного языка XI–XVIII вв. – София: Изд. Наука и искусство, 1973. – 216 с.
244. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
245. Хрычиков Б.В. Категория модальности, её объём и средства выражения в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Днепропетровск, 1986. – 36 с.
246. Худоба И.А. Соотношение лексико-семантических и тематических групп лексики // Альтернант – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://conf.grsu.by/alternant2015/index-168.htm> (дата обращения 23.10.2025).

247. Хуршудянц А.С. Опыт исследования системных отношений в лексике: на материале лексико-семантической группы глаголов говорения современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 25 с.

248. Хюник С. Средства выражения необходимости в современном русском языке: на материале текстов газетно-публицистического стиля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2009. – (1-2). – С. 164–169.

249. Чернова С.В. Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель: замысел – осуществление замысла. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1996. – 106 с.

250. Чернова С.В. Деятельность: лингвистический анализ. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – 213 с.

251. Черноклинов Е.А. Внутрикатегориальная взаимосвязь модальных значений в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Мытищи, 2021. – 18 с.

252. Шведова Н.Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова) / (Редкол.: М.В. Ляпон (отв. ред.) и др.). – М.: ИРЯ, 1995. – С. 409–414.

253. Шершнева Н.Б. Семантика и прагматика деонтической модальности: функциональная характеристика в системе языка и текста: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2000. – 187 с.

254. Шишков М.С. О развитии семантики глагола «думать» в языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2014. – Вып. 3. – С. 122–127.

255. Эслон П.А. Модальное значение возможности и невозможности в русском языке. Типология и средства выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1987. – 17 с.

256. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М.: Уч. пед. Гиз.,

1953. – С. 273–327.

257. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М., 1981. – 59 с.

258. Auwera J., Ammann A. Overlap between Situational and Epistemic Modal Marking. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.). [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591> (дата обращения: 25.05.2025).

259. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2. Aufl. Düsseldorf: Schwann, 1971. 939 p.

260. Fintel K. von. Modality and language // Encyclopedia of philosophy // Donald M. Borchert (ed.) Detroit: MacMillan Reference USA. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mit.edu/fintel-2006-modality.pdf> (дата обращения: 16.08.2025).

261. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. 1986. – 737 p.

262. Leech G. Meaning and the English verb. London: Longman. 1971. – 131 p.

263. Palmer F.R. Mood and Modality. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 260 p.

264. Palmer F.R. Modality and the English Modals. – New York, NY: Routledge. 2013. 220 p.

2. Словари и энциклопедические издания

1. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка / О.С. Баранов. – М., 2002. – 1200 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rifmovnik.ru/thesaurus/> (дата обращения 10. 07.2024).

2. БАС – Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед. [гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд]. – М., СПб.: Наука, 2008. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/doc> (дата обращения: 11.06.2026).

3. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб., М.: прайм-ЕВРОЗНАК, ОЛМА-Пресс, 2003. – 666 с.

4. БТПС – Ребер А. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. Т. 1: А–О / пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. – М.: Вече: АСТ, 2000. – 592 с.
5. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 5. Ментальные предикаты. Модальные предикаты. Предикаты восприятия. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 125 с.
6. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка: учеб. пособие // Акад. наук респ. Башкортостан, отд-ние гуманитар. наук, Башкир. гос. ун-т. – Уфа: Гилем, 2005. – с.
7. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Харвест, – Современный литератор, 2001. – 2013 с.
8. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. – М.: АСТ, Харвест, 1998. – 554 с.
9. Грамота.ру – справочный портал [Электронный ресурс]. – URL: gramota.ru (дата обращения: 23.02.2025).
10. ИССРЯ – Русский древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.drevoslov.ru/> (дата обращения 15.05.2026).
11. КрЭСРЯ – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. (1922-2005). Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская / Под ред. [и с предисл.] чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
12. Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – С. 3 – 11.
13. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
14. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
15. Ляпон М.В. Слова-предложения // Русский язык. Энциклопедия. – М.: БРЭ, Дрофа, 1997. – 703 с.

16. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стер. – М.: Рус. яз., 1985. – 1988.
17. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова [В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян и др.] / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
18. НСРЯ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [в 2 т.] – М.: Русский язык, 2000.
19. Сл. Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1 – 4. Москва. В типографии А. Семена. 1863 – 1866.
20. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. Ф.П. Филин], редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Издательство «Наука», 1975-. - с.
21. Сл. Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (дата обращения 15.01.2026).
22. ССАСРЯ – Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В.В. Лопатин, И.С. Улуханов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
23. ССЛТ – Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. (1900–1994.). Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
24. Ст.-сл. сл. РЯ – Благова Э., Цейтлин Р.М., Геродес С. и др. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.

25. ТСРГ – Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
26. ТССЕРЯ – Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Ок. 1900 словообразоват. единиц / Т.Ф. Ефремова. – Изд. 2-е, испр. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 636 с.
27. ТССРЯ – Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
28. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. РАН. Ин-т рус. яз. / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН Ин-т рус. яз., 2007. – 952 с.
29. Шведова Н.Ю. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / отв. ред. акад. РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2011. – 1032 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2993> (дата обращения 15.07.2024)].
30. Филкова П.Д. Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка: учебный словарь: в 3 т. / Соф. ун-т «Климент Охридски». – София: Софийский университет «Климент Охридски», 1986.
31. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Под ред. М.М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1975.
32. Черных А.Я. Историко-этимологический словарь: в 2 т. / А.Я. Черных. – М.: Издательство «Русский язык», 1999.
33. Dubois, J., Giacomo, M., Guespin, L. et aut. Dictionnaire de linguistique. – P.: Larousse, 1973. 269 p.

3. Источники

1. БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) / Под. ред. Д.С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1–18.

2. Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасовой, В.Г. Демьяновым, А.И. Сумкиной / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Изд-во Наука, 1972. – 350 с.
3. Вести-Куранты. 1671–1672 гг. / Подготовка текстов, исследования, комментарии, указатели И. Майер, С.М. Шамина, А.В. Кузнецовой, И.А. Корнилаевой и В.Б. Крысько при участии Е.В. Амановой / Под ред. В.Б. Крысько и Ингрид Майер. – М.: Азбуковник, 2017. – 806 с.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевской, В.Г. Демьяновым, М.В. Ляпон / Под ред. С.И. Коткова. – АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1971. – 754 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица № 1. Основные классификации глаголов мышления

Классификация Л.М. Васильева 1970, 1981 гг.	Классификация Э.В. Кузнецовой 1988 г.	Классификация В.Г. Гака 1993 г.	Классификация Л.Г. Бабенко 1999 г.
И. Принцип иерархии			
Поле «Интеллектуальная деятельность» / «Психическая деятельность»	Поле «Действие». Подполе «Интеллектуальная деятельность»	Ментальное поле / Пространство мысли	Поле «Действие и деятельность» Подполе «Интеллектуальная деятельность»
ИИ. Денотативный (тематический) принцип			
ЛСГ глаголов со значением мыслительной деятельности / мысли / мышления	ЛСГ глаголов мышления	Субполе «Ментальный процесс»	ЛСГ глаголов мышления
ИИИ. Принцип инвариантности / вариативности			
А) Базовые глаголы-идентификаторы (инварианты)			
<i>Ядерные глаголы:</i> думать – подумать мыслить, думаться, мыслиться, полагать представлять, решать и др.	<i>Базовый глагол:</i> думать	<i>Центр (ядро):</i> думать – дума, мысль – мыслить	<i>Базовый глагол:</i> думать
Б) Глаголы – члены класса, варьирующие основную идею семантического класса (варианты)			
Всего 517 лексем: размышлять, умствовать (устар.), рефлектировать (книжн., устар.), теоретизировать, мудрствовать, шевелить / раскидывать мозгами (простор.), праздномыслить (устар.), глядеть – поглядеть, смотреть – посмотреть, раздумывать – раздумать, думу думать, думать думушку, размышлять, рассуждать и др.	Всего 22 лексемы: абстрагировать, вдуматься – вдумываться, вспомнить – вспоминать, вспомниться – вспоминаться, думать, заблуждаться, мыслить, обмануться – обманываться, подразумеваться, помыслить – помышлять, припомнить – припоминать, продумать – продумывать, размыслить разг. –	Всего 57 лексем: бояться, верить, вспоминать – вспомнить, выдумать, додумывать – додумать, догадаться, думать, замышлять, забыть, запомнить – помнить, знать, идентифицировать, классифицировать, лгать, мыслить, надеяться, намереваться, обобщать, объяснять, опасаться, опознавать, отчаиваться,	Всего 27 лексем: вникать – вникнуть во что и без доп., восстанавливать – восстановить что, глядеть несов. на что, думать несов. о ком-чем, над чем и без доп., думать несов. с доп. и без доп., заблуждаться, мыслить, мыслить несов. о ком-чем и с инф., напоминать – напомнить что, напоминать – напомнить кого, что, кому и др.

	размышлять <i>разг.</i> , типизировать <i>спец.</i>	ошибаться, ошибиться и др.	
--	--	-------------------------------	--

Таблица № 2. Основные классификации глаголов мышления

Классификация О.С. Баранова 2002 г.	Классификация Л.М. Васильева 2003 г.	Классификация Г.Ф. Гибатовой 2010 г.	Классификация Н.Ю. Шведовой 2007, 2011 гг.
И. Принцип иерархии			
Группа «Человек». Подгруппа «Интеллект». Отдел «Интеллект»	Ментальные предикаты	Лексическое объединение «Мир мысли»	Лексическое объединение «Действие»
ИИ. Денотативный (тематический) принцип			
Объединение «Мысль»	Предикаты мышления	Ментальные предикаты	Раздел «Мысль»
ИИИ. Принцип инвариантности / вариативности			
А) Базовые глаголы-идентификаторы (инварианты)			
<i>Базовые глаголы:</i> мыслить – помыслить, мыслиться, думать , подумать и др.	<i>Ядерные глаголы:</i> мыслить , помыслить, думать , подумать, размышлять, размыслить, <i>разг.</i> поразмислить и др.	<i>Базовые глаголы:</i> мыслить – помыслить, думать – подумать, размышлять – размыслить др.	<i>Базовые глаголы:</i> мыслить , думать , мнить, мниться, мечтать
Б) Глаголы – члены класса, варьирующие основную идею семантического класса (варианты)			
Всего 74 лексемы: биться (мысль), блеснуть, вдуматься, вертеться (в голове), вжиться, взвесить, вздуматься, вникать – вникнуть, впасть (в раздумье), всмотреться, вслушаться, вчувствоваться, времяшиться, вчитаться, выбросить/ выкинуть из головы), вынашивать (идею), (не) выходит/ не идет, нейдет (из головы), вычеркнуть и др.	Всего 517 лексем: мыслить – помыслить, думать – подумать, размышлять – размыслить / <i>разг.</i> поразмислить, раздумывать, <i>безл.</i> мыслиться – помыслиться, думать – подумать, <i>устар.</i> мниться, мозговать – помозговать, кумекать – покумекать / скумекать, мерекать, смекать – смекнуть, <i>устар.</i> мекать и др.	Всего 148 лексем: воображать – вообразить, представлять – представить, рисовать – нарисовать (в воображении), переноситься – перенестись, уноситься – унестись, улетать – улететь (мыслями, в мыслях) куда-л., различать – различить, сравнивать – сравнить и др.	Всего 34 лексемы: абстрагировать, абстрагироваться, ассоциировать, видать, видеть, возомнить, вообразить, додумать, доказать, думать, думаться, исходить, кумекать, мнить, мозговать, мыслить, мыслиться, найти, недодумать, отвлечь, отвлечься и др.

Диаграмма № 1. Модальное функционирование глагола *думати* и его префиксальных дериватов в текстах XI – середины XIV вв.

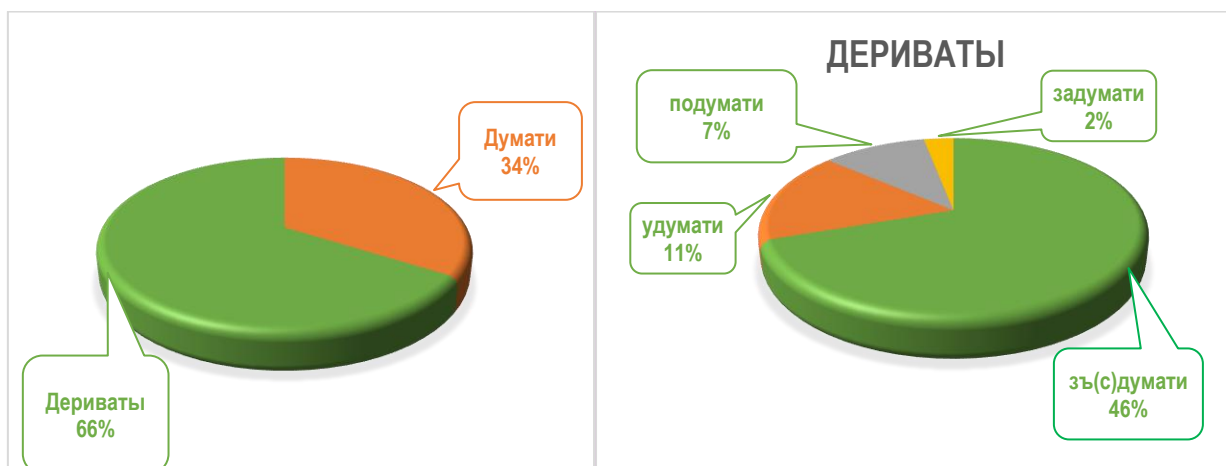

Диаграмма № 2. Модальное функционирование глагола *думати* и его префиксальных дериватов в текстах конца XIV – середины XVII вв.

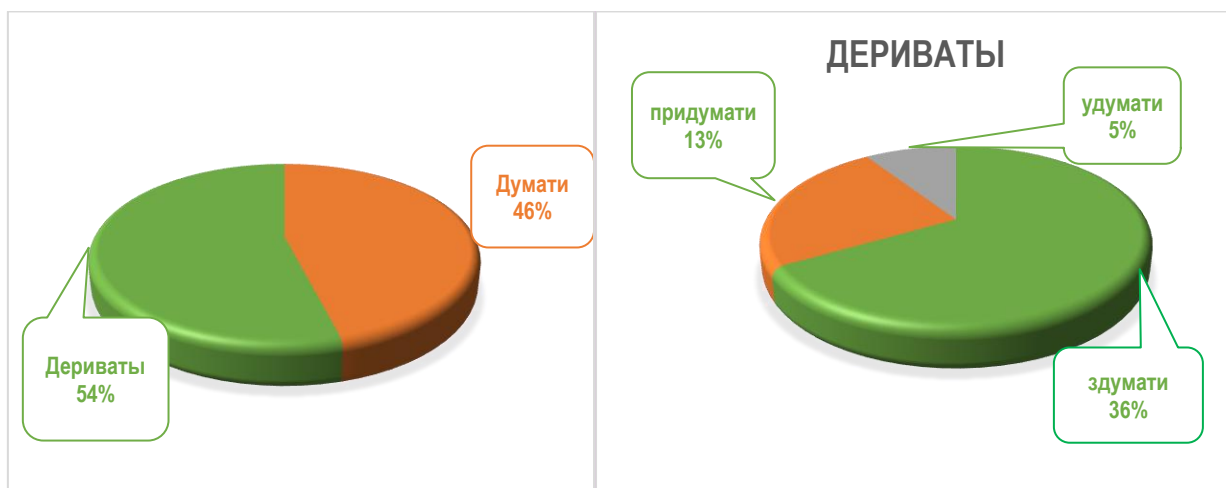

Диаграмма № 3. Модальное функционирование глагола *думать* и его префиксальных дериватов в текстах конца XVII – конца XX вв.

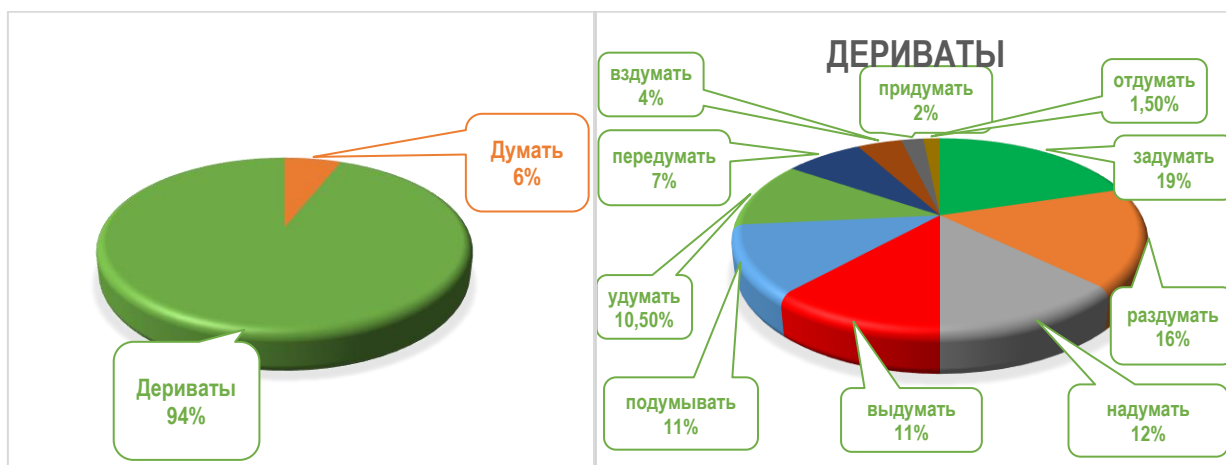

Диаграмма № 4. Модальное функционирование глагола *думать* (и его префиксальных дериватов) на разных этапах развития русского языка

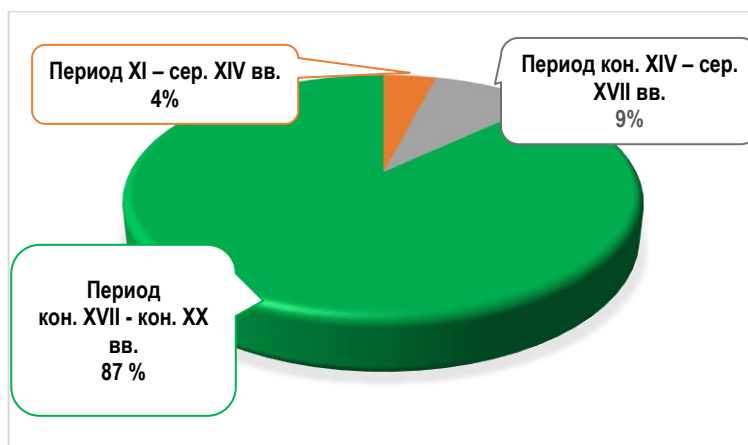

Диаграмма № 5. Модальное функционирование глагола *мыслить* и его префиксальных дериватов в текстах XI – середины XIV вв.

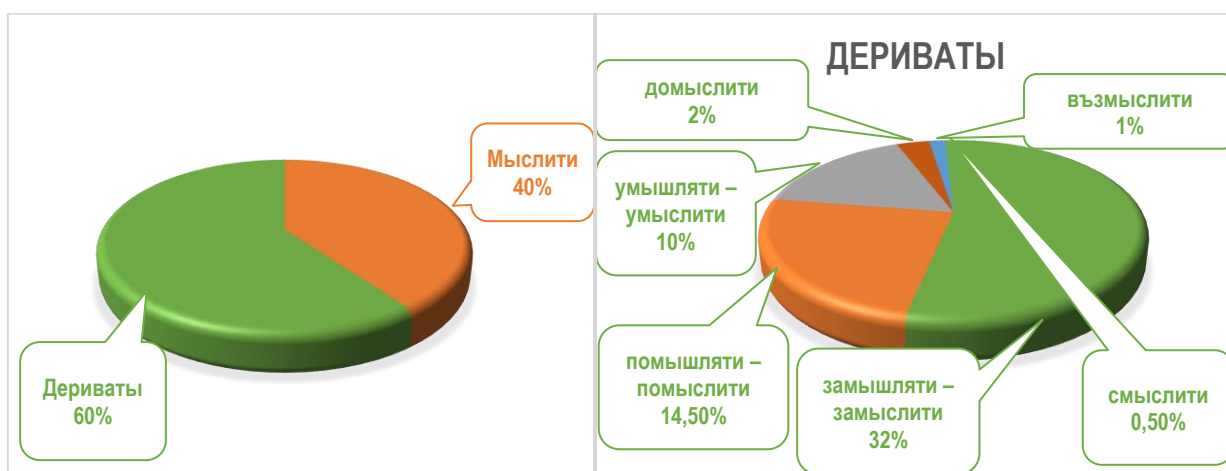

Диаграмма № 6. Модальное функционирование глагола *мыслить* и его префиксальных дериватов в текстах конца XIV – середины XVII вв.

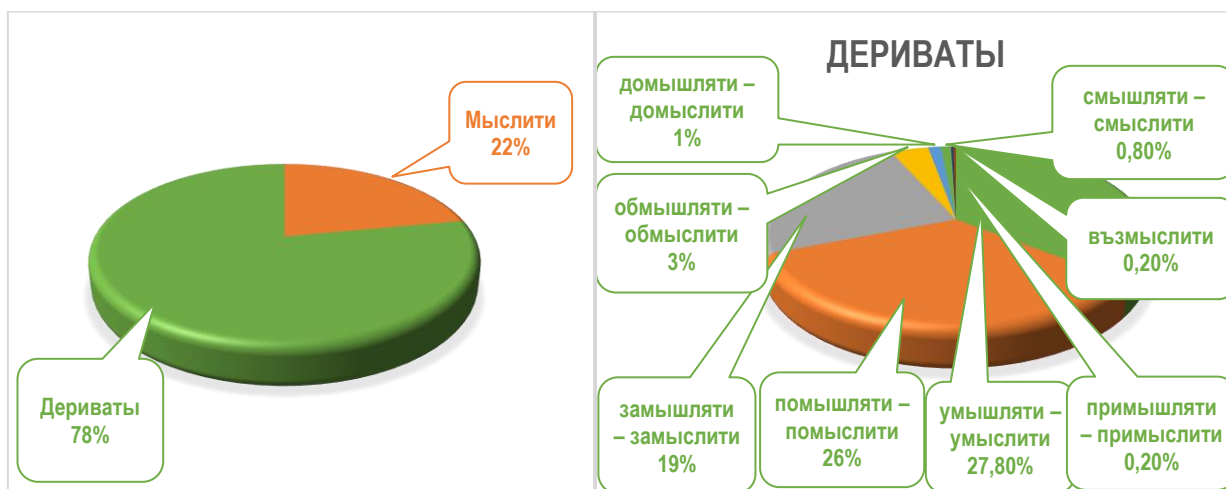

Диаграмма № 7. Модальное функционирование глагола *мыслить* и его префиксальных дериватов в текстах конца XVII – конца XX вв.

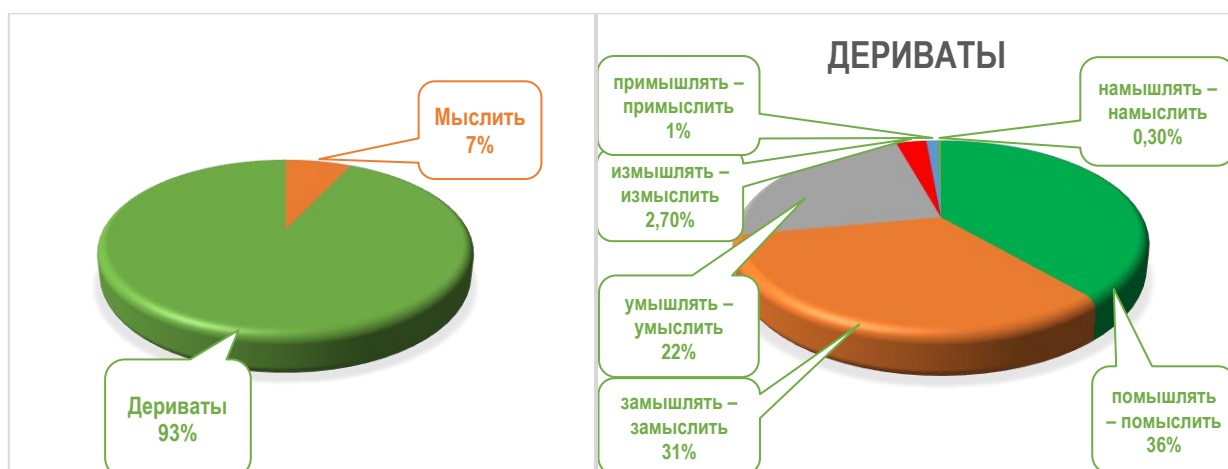

Диаграмма № 8. Модальное функционирование глагола *мыслить* (и его префиксальных дериватов) на разных этапах развития русского языка

